

Т Р У Д Ы

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО

ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

Л Ю Б И Т Е Л Е Й

РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum, miserisque succurrere disco.

1824 ГОДЪ.

Ч А С Т Ъ ХХVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома.

Sm 9783/28

1824, kn 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы, по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлено было въ Цензурный Комишетъ *селе* экземпляровъ сей книги для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Октября 1 дня, 1824 г.

**Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ
Александръ Бирюковъ.**

53425

Н А У К И .

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ ПОВЕРХНОСТИ

ЗЕМНАГО ШАРА.

(Изъ Мальте-Брюна).

Поверхность земнаго шара повсюду предсавляетъ признаки бывшихъ измѣненій, предшествовавшихъ наспоющему оной состоянію. Матеріальный міръ есть непрестанное послѣдованіе превращеній. Подобно, какъ одна капля воды сливается съ другою, спихивающіяся, находящіяся въ непрерывномъ движеніи, непрестанно перемѣшиваются, занимають мѣсто одна другою и соединяются въ новыхъ видахъ. Въ семъ приливѣ и опливѣ образованія и разрушенія мы уподобляемся легкому листу, въ пространнымъ океанѣ на одной шелько

волнѣ плавающему, и одною ею движимому, возносимому, увлекаемому и поглощаемому. Мы не имѣемъ никакой возможности обнять мысленно обширной цѣпи перемѣнъ, послѣдовавшихъ на поверхности земнаго шара. Вѣки вознесли развалины надъ развалинами; мы на каждомъ шагу попираемъ ногами памятники, на коихъ рука природы начертала исторію земли: но сіи начертанія суть іероглифы, къ копорымъ ключъ, можешь бышь, вѣчно не будешь найдень.

Слабый свѣтъ познанія, сообщаемый разсужденіемъ и опытомъ, разпространяется единственно на два рода измѣненій, послѣдовавшихъ на поверхности земнаго шара:

а) На происшествія, совершающіяся предъ нашими глазами, или совершившіяся при людяхъ, оставившихъ намъ обонныхъ свѣдѣнія.

б) На событія, познаваемыя изъ послѣдствій, приводящихъ насъ въ удивленіе; изъ признаковъ, копорыми должно руководствоваться, съ швердою рѣшительностію основаніи шамъ, гдѣ они

переспають бышь нашими пушеводителями.

Измѣненія поверхности земнаго шара, подшверженныя доказательствами, должно ошдвляшь рѣзкою черпою ошь угадываемыхъ.

Изобрѣшатели системъ, въ самой древности, зашруднили средства къ се-му раздѣленію. Они смѣшвали съ историческими произшеспвіями собышія, не подшверженныя современнымъ свидѣтельствомъ, неопредѣлишельныя описанія поэповъ, и даже народныя преданія. Аришпатель въ Греціи жаловался на сіе злоупотребленіе, но Плиній вновь ввелъ оное въ Римъ; современники же наши, желая блистать одною ложною учено-спію, повпоряли безъ разбора сказанное ихъ предшеспвенниками, и не принимали на себя шруда ошдвлишь произшеспвія, подшверженныя доказательствами, ошь почерпаемыхъ изъ преданій невѣрныхъ и неопредѣлишельныхъ.

Таковый недосшашокъ основаній для предшпавленія въ историческомъ порядкѣ измѣненій земной поверхности, и же-

ланіе не повпорять басень, разсказанныхъ геологами о первыхъ вѣкахъ, земнаго шара, поставляющъ насъ въ необходимость ограничиться: описаніемъ перемѣнъ, совершающихся непрестанно на поверхности онаго; объясненіемъ причинъ, оныя производящихъ; и поименованіемъ случаевъ, копорыхъ событіе подтверждено доказательствомъ.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ силъ природы, нѣтъ ни одной, не участвующей болѣе, или менѣе, въ измѣненіи земной поверхности.

Медленное, но непрестанное дѣйствіе атмосферы составляетъ большую сумму.

Воздухъ разлагающъ всѣ извѣстныя вещества. Онь него крѣпчайшій камень разсѣдается, и цѣлыя горы дробятся на части, теряютъ равновѣсіе, обрушающся и скальывающся внизъ.

Въ Венеціанскомъ владѣніи половина горы, разсѣвшейся онь одного дѣйствія воздуха, раздробилась, обрушилась и завалила деревню. Загражденный камнями источникъ образовалъ озеро, въ

которое упала и другая половина горы, и произвела наводнение, зашопившее нѣсколько деревень.

Морозъ дробитъ самый крѣпкій камень.

Въ Веспрогошии близъ Гуннеберга видны два правильные столба, ошдѣленные ошъ каменной горы однимъ дѣйствіемъ мороза.

Въ Норвегіи осыпи каменьевъ, происходящія ошъ мороза, нерѣдки и производящъ большія опуспошенія.

Поперемѣнное дѣйствіе жара и холода имѣетъ шѣже послѣдствія въ климахахъ болѣе умѣренныхъ.

Дѣйствіе солнечныхъ лучей разрушаетъ часпи камня.

Въ Веспрогошии поверхность каменныхъ горъ, обращенная къ солнцу, блѣднѣе и менѣе плошна.

Вѣтры, испоргая съ корнями цѣлыя лѣса, полагаютъ основаніе каменнымъ угольямъ; они разсѣваютъ плодшворную пылъ растѣній, уносящъ шучи волканическаго пепла и песку, и превращаютъ обширныя просшранства въ новыя песчаныя степи.

Дожди, спекая съ горъ, размываютъ оныя и дѣлають неравными, или сравниваютъ и возвышаютъ.

Градъ и снѣгъ, превращаясь въ огромные ледники, производятъ быштрыя рѣки, роющія поверхность земли.

Громы раздробляютъ вершины каменныхъ горъ.

Водяныя растѣнія прешворяють болоша и тихіе заливы въ луга, покрывающіеся въ послѣдствіи кустарникомъ и лѣсомъ. Остановливаемый ими иль, или составляемая на поверхности воды сѣпь, порастаютъ мохомъ, шпросникомъ и шравою, срастается годъ ошъ году болѣе, и наконецъ зарастаютъ кустами и деревьями.

Въ Оспфризландѣ иль, покрывшій озеро, составилъ, въ продолженіи времени, слой въ 4 фута толщиною, споль крѣпкій, что по оному ѣздятъ, и на немъ пашутъ, сѣютъ и собирають хлѣбъ.

Мохъ, едва примѣтный для глазъ, порастающій на стѣнахъ опустѣвшихъ зданій, погребаетъ подъ собою, въ продолженіи времени, громады, воздвигаемыя

роскошью. Терновникъ скрываетъ храмъ Юпитера Олимпійскаго, и пвердыни Вавилона шаяшся подъ правою.

Вода быспрой рѣки, бурнаго озера, или подземнаго протока, медленно подрываетъ горы и слои земли. Песокъ, мѣлкій камень, глина, или мѣль, соспавляющіе ихъ основаніе, размываются и уносятся водою; дѣлается пустыша, и масса земли, или камня, находящаяся надъ оною, обрушивается ошъ собственной шажести.

Въ южной части Норвегіи, быспрый Гломень, спремащійся съ вершинъ Дофринскихъ горъ въ Сѣверное море, и образующій, предъ впаденіемъ въ оное, прекрасный Сарпенскій водопадъ, подрылъ берегъ и сдѣлалъ подъ онымъ пустышу во сшо саженьяхъ глубины, въ копорую обрушился цѣлый замокъ Борге, со всѣми его принадлежностями, и совершенно скрылся подъ водою озера, занявшаго его мѣсто.

Въ Кіавенѣ множество источниковъ подрыли пвердое основаніе горы Коншо, копорая ошъ сего разсѣлась и обруши-

лась. Раздробившіяся часши, соспавлявшаго ее огромнаго камня, покапившись внизъ, погребли подъ собою города Плеръ и Скилано съ двумя тысячами жителей. Обширное озеро заняло мѣсто сихъ городовъ, и все золото, привлеченное въ оныя торговлею въ продолженіе цѣлаго вѣка, возвратилось въ одно мгновеніе въ нѣдра земли.

Вода проникаетъ подъ слой, соспавляемые распѣвнїями, поднимаетъ оныя, опрыскаетъ, раздѣляетъ, разноситъ и поглощаетъ.

Слой порфа, находящіеся надъ водою, осѣдаютъ опъ тяжесши лѣсовъ, зданій и живущихъ въ нихъ людей.

Въ Ирландїи опъ подобныхъ осѣдовъ ежегодно умножается число озеръ, и опъ нихъ же, хотя не всегда безъ содѣйствїя другихъ причинъ, производящъ подземные лѣса, находимые большею частїю подъ слоями порфа.

На островѣ Манъ, подъ порфовымъ слоемъ, въ 7 саженьхъ глубины, видны деревья, спояція еще на корняхъ, а въ

Готфильдшамо даже съ сохранившимися на нихъ орѣхами и желудями.

Въ Швейцаріи, Франціи, Швеціи и другихъ мѣстахъ встрѣчающся подобныя же примѣры.

Осѣды иногда открываютъ подземныя озера. Слой, покрывающій озеро, поддерживаемый водою, лишаясь сей поддержки во время засухи, опускается, и вода, вышѣсняемая онымъ, засшупаетъ его мѣсто.

Въ Лонсъ-ле-Солье подобный осѣдъ произвелъ озеро, которое поглотило сей городъ и часть большой дороги изъ Лиона въ Спразбургъ.

Вода, спремящаяся съ каменныхъ горъ, раздѣляетъ оныя на часши, и измѣняетъ ихъ видъ.

Въ Богеміи, близъ Адесрбаха, находится множество огромныхъ камней, имѣющихъ отъ 15 до 50 сажень вышины, стоящихъ перпендикулярно и разположенныхъ въ видѣ лабиринша. Сии обломки каменныхъ горъ занимающъ пространство около 10 вершъ въ длину и 5 въ ширину. Они порасли кустарникомъ и лѣ-

сомъ, и между ними извиваются ручьи, падающіе въ пропасти.

Извѣстные камни Карнакскіе, считаемые храмомъ Друидовъ, Шпонсхенге въ Англіи, Грейфенштейнъ въ Саксоніи, Свипшъ-Фесне въ Кишафъ, и нѣсколько лабириншовъ изъ огромныхъ камней въ Перуанскихъ Кордельерахъ, составляютъ подобные же примѣры.

Въ Швейцаріи, на живописномъ остаткѣ горы Діаблерешъ, видны части лѣса и пажитей, уцѣлѣвшихъ отъ общаго разрушенія, и скалы обнаженныя, раздробленныя, разсѣвшіяся съ верху до низу и угрожающія паденіемъ, съ копорыхъ низвергающія потоки, прорывающіе себѣ путь, и увлекающіе съ корнями деревья, ими запопленные.

Вершина Діаблереша обрушилась вдругъ. Огромные камни раскатались на цѣлую милю, и пыль, поднявшаяся въ то время, помрачила свѣтъ въ 3 часа по полудни въ ясную погоду.

Слои земли, или камня, иногда спускаются внизъ не раздѣляясь.

Близъ Манона слой земли, во время большаго дождя, спустился съ горы Салюпре на нѣсколько сотъ сажень, и покрылъ цѣлую деревню.

Въ Венеціанскомъ владѣніи слой земли, и съ находившеюся на ономъ деревню, спустился ночью съ горы Гойма въ долину, и это совершилось пакъ шихо, чпо жипели деревни, не иначе какъ на слѣдующее утро замѣпили перемѣну въ мѣсположеніи оной.

Огнедышущія горы извергающъ пламень, дымъ и рѣки расплелныхъ веществъ, чрезъ опверстіе, называемое краперомъ, имѣющее видъ обращеннаго усѣченнаго конуса.

Изверженіе огнедышущихъ горъ предшествуешся признаками, доказывающими невидимое бореніе яростныхъ спихій: земля колеблешся, прошяжный гуль раздаешся въ ея нѣдрахъ, и громовые удары повпоряющся во внутренности огнедышущей горы. Наконецъ изъ крапера появляешся дымъ, постепенно усиливашся, и образуешъ черный сполпъ, кошорый, опадая опъ собственной пяже-

спи, принимаетъ видъ сосноваго дерева, колеблется въпродъ, раздѣляется и разносится въ разныя стороны. Мѣсто его заснуаетъ пламень, исходящій изъ крашера въ видѣ огненнаго столпа, воздымающагося выше облаковъ, и, кажется, угрожающаго воспламенить небесный сводъ. Черный дымъ клубится вокругъ него, и молніи излетаютъ изъ него во всѣ стороны. Послѣ сего образуется огненный водопадъ, усуремляется въ крашеръ и скрывается въ ономъ. Въ это время совершенная шѣма заснуаетъ мѣсто ослѣпительнаго свѣта; движеніе во внутренности горы усиливается; пепель, изгарины, раскаленные камни, въ видѣ фонтана, усуремляются вверхъ изъ крашера и упадаютъ вокругъ него; кипящія рѣки изливаются изъ нѣдръ горы; крашеръ наполняется огненною жидкостью, подобною раскаленному металлу, на поверхности кошорой является и исчезаетъ множество изгаринъ. Сія огненная жидкость, называемая лавою, воздымается въ крашеръ, клокается, изливается чрезъ края его, спремается съ горы въ видѣ огнен-

ной рѣки, и, достигнувъ до ея основанія, или шеряешь силу и заспываешь, или вырывается изъ подъ-коры, сославляющей ся на ея поверхности, преодолеваетъ всѣ препятствія, низпровергаетъ твердыни колеблющихся городовъ, испребляетъ все, встрѣчающееся на пути, и въ одно мгновеніе превращаетъ города въ обширныя гробницы, и цвѣшущія поля въ равнины, покрывыя пепломъ, гдѣ опчаяніе скипается посреди дымящихся развалинъ.

Съ симъ феноменомъ непосредственно соединено землетрясеніе, не менѣе онаго ужасное.

Оно есть колебаніе земной поверхности, или въ горизонтальномъ направленіи, волнующее оную, подобно морю; или въ вертикальномъ возвышающее одну часть земли и понижающее другую; или наконецъ въ кругообразномъ обращающее возвышеніе и пониженіе земной поверхности, какъ вокругъ оси.

Оно производитъ на землѣ глубокія разсѣлины, изъ копорыхъ исходять синевашій пламень и смертоносныя испаренія; оно свергаетъ съ высотъ огром-

ные камни, сближаешь опдаленныя селенія, производишь на сушѣ обширныя озера; скрываешь въ безднѣ и возносишь къ облакамъ изъ нѣдръ пѣнящагося моря каменные горы; перемѣняешь направленіе рѣкъ, иссушаешь оныя и производишь вновь; наконецъ погребаетъ въ безднѣ людей, не успѣвающихъ избѣгнушь гибели, или спарающихся спасши погибающихъ.

Во время землетрясенія, бывшаго въ Мессинѣ, графиня Спашара, молодая, чувствительная женщина, въ безпамятствѣ, вынесена была своимъ супругомъ, подвергавшимся величайшей опасности, изъ колеблющагося уже ея дома. Пришедъ въ себя, она блуждающими взорами искала младшаго изъ дѣшей своихъ, и, увидѣвъ его на балконѣ разрушающагося зданія, вырвалась изъ рукъ своего супруга, взбѣжала въ опчаяніи на валящуюся лѣстницу и проникла сквозь дымъ и пламень во внутренность дома. Падающіе камни, казалось, щадили ее. Уже приближилась она къ своему сыну, уже онъ былъ въ ея объятіяхъ; но въ это мгно-

веніе вся колонада возколебалась, земля разверзлась, домъ обрушился въ бездну, и графини Спапсара не спало.

Въ дополненіе къ сему оспаешся упомянуть объ изверженіи грязей изъ огнедышущихъ горъ и, независимо оныхъ, производящихъ холмы, имѣющіе до 70 сажень высоты, и о работахъ, совершаемыхъ людьми, какъ мощеніи улицъ и дорогъ, строеніи зданій, удобриваніи полей, укрѣпленіи береговъ рѣкъ и пому подобныхъ, копорья, хопя въ послѣднемъ разрядѣ, но также занимающъ мѣсто въ сей обширной карпинѣ.

Къ сему описанію обыкновенныхъ измѣненій земной поверхности, и причинъ, производящихъ оныя, слѣдуетъ присовокупить, что сверхъ большой перемѣны, копорую онѣ должны были произвести въ продолженіи времени, видны признаки измѣненій, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка.

Огромныя каменные горы, нависшія, опрокинутыя, раздробленныя; стремнины, составляющія морскіе берега; пропасти неизмѣримыя; Альпы, висящія надъ Ита-

лією; Анды, возносящія къ небу изъ среды океана свои исполинскія громады; цѣлые лѣса и различныя породы чешверногихъ и морскихъ животноныхъ, заключенные нераздѣльно въ земныхъ нѣдрахъ: все свидѣтельствоуетъ о необыкновенныхъ происшествіяхъ.

Но что значить все это въ сравненіи съ событіями, совершившимися въ первые вѣки существованія земнаго шара; происшествіями, укрывающимися отъ челоука въ непроницаемомъ мракѣ неизвѣстности, къ познанію которыхъ онъ тщетно дерзаетъ устремляться?

Мы имѣемъ несовершенное понятіе и о томъ, что существуетъ въ наше время, и не можемъ ни проникнуть въ прошедшее, ни предузнать будущаго; мы не вѣдаемъ, не померкнутъ ли видимыя нами звѣзды, несчетныя солнца, украшающіе сводъ небесный; не обрушится ли земная поверхность; не полперяетъ ли равновѣсіе море, и не покроетъ ли суши со всѣми памятниками, воздвигнутыми на ней челоукомъ; не приблизится ли къ солнцу шаръ земный, и не поглотится

ли въ немъ, какъ капля въ океанѣ, или не удалился ли шуда, гдѣ свѣтъ и теплоша несильны возродить ни малѣйшаго начала жизни?...

Ахъ, сколь ужасно было бы наше положеніе среди обманчивыхъ спихій, въ нѣдрахъ разрушенія, ежели бы мы не имѣли упѣшишельнаго познанія о Вышнемъ Сущеспвѣ, управляющемъ ужасными и слѣпыми силами природы.

Одна увѣренность въ сущеспвованіи порядка, превозходящаго матеріальный, въ сущеспвованіи духовнаго міра, одна вѣра въ провидѣніе въ сѣспояніи дашь намъ силы прошивоспояшь ужасамъ, окружающимъ со всѣхъ споронъ наше слабое и ненадежное физическое сущеспвованіе.

К.

*

принести имъ всѣ сіи пороки? Можно упреждать и сказать, что всѣ они никакъ не будутъ въ состояніи оправдать своихъ поступковъ, и что, принудивъ ихъ разобрать хладнокровно, не упоминая даже ни объ ихъ обязанностяхъ, ни о правилахъ, коими должны руководствоваться члвкъ добродѣтельный, достигавъ ли какой изъ сихъ пороковъ особливую имъ выгоду, они увидятъ совсѣмъ шму провинное.

Всѣ люди постигаютъ болѣе, или менѣе, въ чемъ именно состоитъ ихъ собственная польза, и всѣ дѣла жизни ихъ управляются болѣе механическимъ влеченіемъ чувствъ, нежели какимъ либо особеннымъ разсужденіемъ.

Мы стараемся приобрести познанія, изучаемся философіи; но часто все это бываетъ весьма недостаточнмъ, чтобы разрѣшить многосложное предположеніе, въ чемъ состоитъ нравственность и наше благополучіе. Что же сказать намъ заключить о большей части людей, которые, будучи погружены въ невѣжество,

руководствуясь единственно своимъ побужденіемъ?

Сколько важно для насъ точное опредѣленіе добродѣтели, и сколько мало оно намъ извѣстно! Человѣкъ измѣрилъ разстояніе планетъ, изчислилъ скоростъ ихъ движенія, постигнулъ математическія истины, изобрѣлъ корабли, часы, кареты, фонари, телескопы, однимъ словомъ: усовершенствовалъ науки и художства до высочайшей степени; со всѣмъ тѣмъ не достигнулъ еще до простаго, яснаго и опредѣлительнаго понятія о нравственности.

Что хотѣли сказать всѣ древніе философы своими высокопарными умствованіями о добродѣтели? Что заключаютъ въ себѣ ихъ высокія изрѣченія? Ничего. Сдѣлался ли я лучшимъ оцемъ семейства, нѣжнѣйшимъ супругомъ, искреннѣйшимъ гражданиномъ, узнавъ изъ Гезіода и Луцилія, что добродѣтель есть богиня, основавшая престолъ свой на утесистой скалѣ, пушъ къ коей окружень глубокими рвами и бездонными пропастями? Улучшилъ ли я сердце свое, усо-

вершенствовалъ ли я умъ свой, узнавъ изъ Горація (1) и Аристотеля, что добродѣтель находится посреди двухъ крайностей, откуда и производишь известная пословица: *in mediis stat virtus?* Лучшее ли понятіе приобрѣту отъ ученія гордыхъ спойковъ, которые говорятъ, что добродѣтель есть совокупность всѣхъ способностей душевныхъ: слѣдовательно способности сіи одинаковой съ ней натуре, что онѣ нераздѣлимы, что кто имѣеть хотя одну изъ оныхъ, долженъ имѣть ихъ и въ совокупности (2)? Что означаютъ блестящія выраженія, что человекъ добродѣтельный превышаетъ всякихъ гоненій, потому что порокъ никогда не можетъ быть сильнѣе добродѣтели; что бѣдствіе и напасти для добродѣтели суть поже, что облака для дневнаго свѣшила (3)? Сколь шя-

(1) *Nam virtus medium est vitiorum, et utrinque reductum.*

(2) *Diog. Laer. Жизнь Зенона. Senec. Epist. 1. 3. 95 etc.*

(3) *Senec. Lib. Quod sapientem non capit injuria, cap. 7 et epist. 123.*

госшна должна бытъ добродѣтель этой секшы, которая пославляеть ее въ опроверженіи всѣхъ удовольствій и въ перенесеніи равнодушно печалей? Равномѣрно можно ли полюбить безъ нѣкотораго усилія добродѣтель шакъ, какъ оную опредѣляеть Платонъ и многіе другіе, которые, не объяснивъ общоятельно, что шакое добродѣтель, говорятъ, что никогда не слѣдуетъ оставлять пущи ея, хошя бы и самый вредъ могъ произойти отъ того (1)? Сколько разъ повпоряли, что добродѣтель должно любить не изъ какихъ либо личныхъ выгодъ, но собственно по красотѣ ея? Какой смыслъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее восклицаніе: „о добродѣтель, достойнѣйшій предметъ трудовъ человѣческихъ“ говоритъ Аристотель въ своемъ гимнѣ (2), „о добродѣтель, наивеличайшее благо, которое можешь только приобрести человекъ! „Красота шволя, ни съ чѣмъ несравненная,

(1) Platon во второй книгѣ о республикѣ. Cic., etc.

(2) Apud Diog. Laer. in Aristot., et ap. Str. Serm. I.

„заспавляеть и на самую смерть взирашь хладнокровно. Ты наполняешь сердце блаженствомъ, превышающимъ славу блескомъ своимъ и сонъ своею славою. Ты подкрѣпляла мужество Геркулеса во время его гоненій. Аякъ и Ахиллесъ тебѣ пожертвовали своею жизнью. Ты побудила дѣшей Леды къ предпріятіямъ великимъ. Музы воспѣвають хвалы тому, кто посвятилъ тебѣ дни жизни своей.“ Прочтя это поэтическое описаніе, чувствуете ли вы себя лучше? Можете ли вы объяснить себѣ опредѣлительно, что такое добродѣтель? Если бы мой поршней наизусть зашвердилъ всѣ сіи изрѣченія; долженъ ли я быть увѣренъ, что онъ не ушаишь у меня поларшина сукна моего?

Сдѣлаемъ еще одинъ вопросъ: нужно ли, чтобы сдѣлашься добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ другомъ, человекомъ щедрымъ и благодѣтельнымъ, пускаешься въ лабиринтъ метафизики, чтобы оцупью отыскивать между громадами мнѣній и противоположной обязанности наши и правила, коими должны мы руководствоваться?

вапсья на пупи жизни? Весьма желательна, чпобы всѣ люди были добродѣтельными; но невозможно, чпобы всѣ люди имѣли одинаковую степень разсудка: слѣдовательно основываясь на нравственностѣ на высокихъ умствованіяхъ есть поже, чпю предославишь право быть добродѣтельнымъ нѣкоторымъ людямъ съ разумѣніемъ высокимъ, оставляя большую часть человѣческаго рода на жертву пагубнымъ ихъ заблужденіямъ. Съ людьми просвѣщенными разсуждать можно; попому чпю они, будучи способны поддерживать связь въ своихъ разсужденіяхъ, не увлекутся въ прошивную сторону и не искажутъ шѣмъ наспоющей истины. Но съ людьми обыкновеннаго понятія всегда опасно входить въ разсужденіе о нравственности, чпобы не подашь имъ способа употребить во зло приводимыя вами доказательства. Чпобъ сообщить легчайшимъ образомъ всѣмъ людямъ вообще понятія о нравственности, гораздо будетъ лучше, по моему мнѣнію, дѣйствовать на ихъ чувства, нежели на ихъ разумъ. Всѣ люди имѣютъ чувства; но весьма малое

число разсуждаешь. Чувства рѣдко насъ обманываютъ; разумъ же часто вводитъ насъ въ заблужденіе.

Желаете ли вы поощрить людей къ добру? Опишите человѣка дурного сильными и ему приличными красками. Представъше всѣ шѣ униженія, коимъ подвергается лжець; поперявшій низкими изворотами своими всякое довѣріе. Опишите клеветника оспавленнымъ во всякомъ сословіи; человѣка жестокосердаго, криводушнаго, развращнаго лишеннымъ друзей, наилучшаго блага жизни нашей, оспавленнымъ на произволь гнусныхъ спрасей своихъ, единственныхъ его спупницъ. Ошкройте людямъ истинныя ихъ выгоды, соспоющія въ непремѣнномъ* и посшоянномъ благоденшвіи: и вы ошкроете имъ путь къ добродѣтели. Не считайте опаснымъ правило, что добродѣтель находится въ неразрывной связи съ нашими выгодами. Не пугайтесь изрѣченія Горація: *Atque ipsa utilitas justi propè mater et aequi*: но вникните въ оное, ш. е. увѣрьтесь, что одна добродѣтель соспавляетъ наше насшоящее благоденшвіе, что

истинное средство быть счастливымъ и приобрести непремѣнную и постоянную для себя пользу есть содѣлаться человекомъ добродѣтельнымъ. Пробѣгите всѣ случаи жизни нашей, всѣ дѣянія человека: и вы, рассуждая внимательно, найдете, что для сего достаточно будете внушить понятіе о добротѣ, великодушіи, признательности, состраданіи и человеколюбіи.

Нравоучительный писатель, по моему мнѣнію, долженъ единственно объяснять истинныя выгоды людей; пошому что какимъ образомъ можно вселить въ нихъ добродѣтель, находящуюся въ противоположности съ ихъ существенною пользою? Да и можетъ ли она дѣйствительно быть таковою? Подобнаго практическаго нравоученія, дѣйствующаго такъ сказашъ на чувства наши, мы еще не имѣемъ.

Мы блуждаемъ посреди различныхъ мнѣній. Горе намъ, если мы, чтобы содѣлаться добрыми, будемъ имѣть нужду въ силлогизмахъ! Горе намъ, если длинные и систематическія рассужденія потребны для насъ будущъ, чтобы содѣлать-

ся намъ ревностными гражданами, людьми чувствительными и честными! Хорошая трагедія, хорошій романъ скорѣе могутъ улучшить сердце наше: и хотя родъ сей не пользуется таковою славою; но я всегда скажу, что онъ есть лучший для образованія сердца и ума человѣческаго. Мольеровы комедіи скорѣе могутъ сдѣлать насъ честными и обходительными, нежели всѣ огромныя книги, наполненныя сухими, сиспематическими и вовсе неубѣждающими правилами нравственности. Желательно, чтобы въ подобныхъ сочиненіяхъ вредныя слѣдствія пороковъ и польза, произпекающая отъ добродѣли, были описаны живѣйшими красками. Тогда не будетъ челоѣкъ, который бы не понималъ своей выгоды; потому что каждый челоѣкъ имѣетъ сердце и чувства: и хотя воспитаніе и различный образъ мыслей могутъ иногда заглушить часть сіи послѣднія; однако не до такой степени, чтобы философъ, знающій совершенно всѣ изгибы человѣческаго сердца, не могъ вновь возбудить ихъ. Даже самое просное разсужденіе заставитъ

насъ содѣлаться лучшими, когда мы поспигнемъ выгоду бышь таковыми и невыгоду осшатся въ порочномъ состояніи. Но если вы къ разсудку не присоедините чувствительности; если вы не воспользуетесь шѣмъ сердечнымъ ощущеніемъ, которое болѣе, или менѣе всякой человекъ въ себѣ заключаетъ; если правила ваши не будутъ имѣть основаніемъ тѣхъ влеченій душевныхъ, тѣхъ чувствъ соспрананія, коими каждый одаренъ по мѣрѣ своей: то вы никогда не приумножите числа людей добродѣтельныхъ. Опшните у человека чувство соспрананія, опшните самолюбіе: и тогда на чемъ вы утвердите, говоря просто, вашу нравственную философію? Сіи-то два начала образуютъ основаніе нравоученія; а всѣ прочія качества непосредственно опъ нихъ происходятъ.

Щедрость, человеколюбіе, любовь къ правосудію и всѣ прочія высокія добродѣтели имѣютъ основаніемъ чувство соспрананія. Говоря просто о сихъ качествахъ, вы немногимъ усилите чувство сіе въ такомъ человекѣ, который по не-

счастію мало его имѣешь. Можетъ быть, мало по малу вы и пронете его сердце; но дѣйствіе сіе не будетъ продолжительно: попому что сіи скоропроходящія чувствованія не оставляютъ по себѣ глубокихъ впечатлѣній. Гораздо болѣе вы успѣете, когда представите ему въ живыхъ краскахъ выгоды добродѣтели и дурныя слѣдствія пороковъ; когда будете спараться соединить, сколь возможно шѣнѣ, благоденствіе съ понятіемъ о добродѣтели и бѣдствіе съ понятіемъ о порокахъ. Не стоить большаго труда доказать, что во всѣхъ сословіяхъ общества, начиная съ самаго нисшаго и до самаго высшаго, справедливость, добросердечіе и признательность приносятъ каждому изъ нихъ существенную пользу. Пусть узнаетъ ремесленникъ изъ нравственныхъ поученій, какъ умножатся выгоды его малой промышленности, когда онъ ревностнымъ исполненіемъ дѣлаемыхъ ему порученій заслужитъ общее довѣріе. Пусть узнаетъ также онъ и все зло, какъ то: общее недовѣріе и наконецъ совершенное разореніе, непремѣнное слѣдствіе

предположеній, на обманѣ основанныхъ. При чемъ смѣло можно сказать, говоря о сословіи торговцевъ, что всѣ добродѣтели его заключаюцца въ пріобрѣтеніи таковаго довѣрія, и что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ торговля процвѣтаетъ, добродѣтель сія должна находиться въ высочайшей степени, безъ которой и обширная торговля никакъ существовать не можетъ. Равномѣрно и прочія сословія имѣютъ также свои преимущественныя качества.

Никогда предметъ не можетъ унижить слога нравоучительнаго: не пренебрегайте ни однимъ сословіемъ общества; всѣ люди достойны вниманія ученаго писателя. Таковыя поученія не требуютъ слога напыщеннаго: старайтесь быть понятными для каждого; не оставляйте ни малѣйшихъ подробностей; научайте, а не выпѣивайте. Нравственность есть принадлежность каждого человека. Не будемъ краснорѣчивы; но пріумножимъ число людей добродѣтельныхъ. Гораздо менѣе сдѣлаешь добра шоптъ, кто опредѣлитъ общія

правила нравственности, нежели пошль, кто приспособитъ ихъ ко всѣмъ даже мѣлочнымъ случаямъ. Желаете ли вы показать отцу семейства его обязанности: скажите ему, что истинная польза его есть заслужить любовь своего семейства, и научите его, какимъ способомъ онъ можеть дойти до сего. Пусть узнаетъ онъ, что собственная его выгода заключается въ томъ, чтобы семейство свое содѣлывать счастливымъ; что, будучи главою его, онъ служишь всѣмъ примѣромъ; что отъ него жена научается бытъ и нѣжною супругою и доброю матерью, дѣти бытъ добрыми гражданами и хорошими семьянинами: но не вишійшвуйте, а убѣждайте! Опишите счастье семейства, въ коемъ отецъ, мать, дѣти, мужъ, жена: всѣ друзья между собою; всѣ единодушно старающя споспѣшествовать къ общему согласію, къ благоденствію. Объясните обязанности каждаго изъ нихъ въ своемъ отношеніи; объясните вредныя послѣдствія, производящія отъ ложныхъ понятій, кои большая часть людей имѣеть о должностяхъ се-

мейшвенныхъ. опишите также несчастное семейство, надъ коимъ раздоръ потрясаетъ свой адскій пламенникъ, въ коемъ злоба и ревность основали пребываніе свое, въ коемъ тысяча различныхъ страстей замѣняетъ доброшу и чистосердечіе, и поставше его наряду съ семействомъ добродѣтельнымъ, опличающимся чистополоу нравовъ своихъ и крѣпко соединенномъ семейными узами: и вы увидите, найдется ли хотя одинъ чловкъ, на котораго бы такое сравненіе не подѣисшвовало.

Поселите въ судѣ любовь къ правосудію и безкорыстію; но не спращайте его весьма неопредѣлишельнымъ словомъ *обязанность*: старайтесь убѣдить его! Пусть увидитъ онъ, какими бѣдствіями сопровождаются сіи пороки. Пошерея чести и уваженія, общее презрѣніе: вошь удѣлъ, ожидающій его, когда онъ имъ послѣдуетъ. Званіе, до котораго спарался онъ достигнуть, чіобы поставитъ себя выше прочихъ людей, и которое, чѣмъ важнѣе, тѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ отвѣпшвенности, будучи имъ унижено,

принесеть ему единственно стыдъ и поношеніе. Пусть узнаеть онъ, что никогда порочный человекъ не можешь имѣть надлежащей смѣлости, и что благородная твердость души необходима въ такомъ званіи, которое со всѣхъ сторонъ подвержено нападкамъ людей, никогда не прощающихъ превосходства другихъ надъ ними.

Желаете ли вы показать ученому человеку его обязанности: скажите ему, что злословіе и оспроша, сопряженные со вредомъ ближнему, помрачаютъ даже самую блестящую славу, но скромность и проспоша, присоединенныя къ высокимъ дарованіямъ, придають имъ еще болѣе блеска и уваженія.

Пробѣгите попомъ всѣ сословія общества, придерживаясь всегда одного правила и стараясь согласовать языкъ сердца съ голосомъ разсудка: симъ средствомъ вы болѣе будете имѣть возможности убѣдить въ желаемыхъ вами истинахъ. Я говорю о добродѣтеляхъ просто человеческихъ; но прочія высшаго рода добродѣтели требуютъ разсужденій, болѣе воз-

вышенныхъ. Говоря въ семь моемъ сочиненіи о нравственныхъ добродѣтеляхъ, я касался только тѣхъ, коимъ причастны всѣ люди вообще, разбирая, могутъ ли они слѣдовать имъ, не будучи побуждаемы къ тому причинами еще большей важности. Если же простая человѣческая философія можешь внушить шаковыя добродѣтели; то сколь приумножись сила убѣжденій, когда они почерпнуты будутъ изъ источника, религіею намъ открываемаго!

При разборѣ подробномъ человѣческихъ дѣяній, встрѣтишься можешь, что въ нѣкоторыхъ общошательствахъ бытъ добрымъ человѣкомъ не всегда приносить предположенную пользу. Въ такомъ случаѣ просвѣщенный писатель долженъ опустить завѣсу на сіе исключеніе изъ общаго правила, чшобы не подать повода людямъ основывать своихъ заключеній на особенныхъ случаяхъ, и считать полезнымъ зло потому только, что дѣлать добро иногда можешь быть вредно. Все человѣчество пребудетъ, чтобы сія ужасныя прошиворѣчія, производящія бо-

лѣе отъ неосновательности суждений, остались навсегда погребены во мракѣ неизвѣстности. Однако же сказанное не можешь помѣшать намъ изслѣдовать здравымъ разсужденіемъ многіе изъ таковыхъ случаевъ. Пороки вообще суть черви, подпачивающіе основаніе общесства; добродѣтель же, поддерживая его, приноситъ пользу всѣмъ людямъ. Изъ чего слѣдуетъ, что всякій человекъ имѣеть болѣе существенной выгоды бытъ добродѣтельнымъ, нежели порочнымъ. Начиная отъ смертоубійства до самой лжи, очевидно представляется, что наша непремѣнная польза требуетъ не бытъ убійцами, не бытъ и лжецами. Убійцу наказуютъ законы, предавая его казни, сопряженной съ мученіемъ болѣе, или менѣе равняющимся варварскому удовольствію убивать себя подобныхъ; слѣдствіемъ же лжи бываетъ недовѣріе, посмѣяніе, презрѣніе, зло, которое далеко не вознаграждается пользою, которую пороки сей принести можешь. Не нужно бытъ философомъ, чтобы въ семь увѣрился, конеч-

но таковыя примѣненія будущъ понятны для каждаго.

Возмите, изъ какого сословія вамъ угодно, человѣка] счастливаго: и вы найдете, что блаженъ только тотъ, кто достигнулъ существенную пользу свою и приобрѣлъ добродѣтели, нужныя въ званіи, занимаемомъ имъ въ обществѣ. Какой человѣкъ вообще счастливѣе? Клеветникъ ли, неблагодарный, завистливый, злобный, вѣроломный, криводушный, невѣжливый, жестокій, грубый, опроштивый, гордый, или добрый, веселый, просподушный, справедливый, правосудный, ласковый, тихій, честный, человѣколюбивый, скромный? Человѣкъ жестокосердый, человѣкъ безчувственный, человѣкъ окаменѣлый! Возми вѣсы въ руки твои, взвѣсь хладнокровно пороки и добродѣтели: и ты увидишь, сколь много перемянешь послѣдняя. Ты спрашиваешь меня, что есть добродѣтель? Я отвѣчаю тебѣ: добродѣтель есть рядъ дѣланій, содѣлывающихъ тебя постоянно счастливымъ. Ты спросишь меня, что есть по-

рокъ? Рядъ дѣяній, кои непремѣнно себя содѣлають несчастливымъ.

Пороки произтекають болѣе отъ невѣжества, нежели отъ склонности. Спраши наши представляють намъ все въ превращномъ видѣ. Счастливышъ пошъ, кто будетъ умѣть изчислить подробно выгоды, или невыгоды, могуція произойти отъ нашихъ поступковъ; но обыкновенное человѣческое разумѣніе не имѣетъ столько силы, чѣобы обнять всѣ часши вообще и извлечь изъ нихъ нравоучительныя для себя правила. Люди большею частію понимаютъ только то, что обстоятельство, или случай имъ представляеть, отъ чего весьма часто раскаяніе слѣдуетъ за сими худо избранными правилами. Писатель, который опишетъ намъ самыя дальнѣйшія послѣдствія поступковъ нашихъ, и изслѣдуетъ подробно всѣ дѣянія жизни нашей, избавишь общество отъ многихъ золъ, единственно отъ невѣжества происходящихъ. Приучая такимъ образомъ людей къ помянутой о первоначальномъ основаніи нравственности, превосходная наука бытъ

честнымъ человѣкомъ и добрымъ гражданиномъ, по убѣжденію собственнаго своего разсудка, можешь содѣлаться (общее для каждаго. Я говорю по убѣжденію, по еспѣ, по правиламъ, ясно опредѣленнымъ. Тогда понялія о добродѣтели и порокахъ, будучи основаны на простыхъ и весьма немногихъ силлогизмахъ, не будутъ, какъ теперь, смѣшаны и неясны. Средствомъ симъ люди могутъ весьма легко содѣлаться добродѣтельными; потому что правила нравственности, почерпнутыя изъ природы и сердца человѣческаго, сдѣлаютъ болѣе впечатлѣнія, нежели всѣ холодныя и умственные разсужденія, исполненныя неопредѣлительными выраженіями. Правда, что несовершенство, вспрѣчающіяся во всѣхъ общественныхъ сословіяхъ, происходящая или отъ слабости человѣческой, или отъ почти непреодолимыхъ заблужденій, могутъ иногда произвести противорѣчія въ обязанностяхъ нашихъ, которыя затруднятъ даже самаго ученаго человѣка; но таковыя случаи споль рѣдки, что никакъ не могутъ вредить общему составу нравственной системы. Весьма до-

спаяточно будешь для блага общества, если главные и обыкновенныя правила, которыми слѣдуешь намъ руководствоваться въ жизни нашей, опредѣлительно объяснены будутъ.

Древніе основывали свои нравственныя ученія на высокихъ и разительныхъ примѣрахъ. У нихъ все было высоко: добродѣтели ихъ были особеннаго рода, разсужденія ихъ были исполнены поэпическаго восторга. Въ наши же времена напрошивъ нравственность вся заключается въ одномъ какомъ-то спрогомъ изслѣдованіи. Можешь быть, какъ шощъ, шакъ и другой способъ равно несовершенны. Ученіе древнихъ образовало гордыхъ споекковъ, людей великихъ и, шакъ сказать, фанашиковъ добродѣтели: но, чшобы быть шаковыми, нужно было имѣшь особенную швердосшь духа, кошорая не ешь общій удѣль всѣхъ людей; нравственность же должна быть равною принадлежноспію каждаго. Между шѣмъ холодныя разсужденія писателей нашего времени имѣють шо неудобшво, чшо заспавляютъ людей дѣйшвовашь

прошивъ собственныхъ чувствъ своихъ, пріучая ихъ разбирать свои поступки по математическому размѣру. Средство сіе не истребитъ ли шѣхъ чувствъ сердечныхъ, чувствъ, которыя, взяшы будучи въ совокупности, составляютъ наше блаженство; но которыя, будучи разбираемы одно по одному, никакъ не устоятъ прошивъ холодныхъ умствованій. Горе тому, кто ни когда не былъ обманутъ сердечнымъ своимъ влеченіемъ! Конечно онъ не будетъ ни когда жертвою своей чувствительности, не будетъ обманутъ неблагодарнымъ другомъ, не будетъ раскаиваться въ любви къ предмету недостойному, не будетъ проклинать той минуты, въ которую предался сладкимъ своимъ мечтаніямъ; но за то никогда не насладится онъ, хотя временно, неизъяснимыми удовольствіями, сопряженными съ чувствами дружества, состраданія и всѣми восхищительными заблужденіями сердца нѣжнаго. Холодные умствователи, защитите себя отъ горестей, часто отъ чувствительности происпекающихъ; но вмѣстѣ съ симъ лишитесь также и очаро-

вапелъныхъ ея воспорговъ! Если вы по несчастію рѣшились холоднымъ и систематическимъ разсужденіемъ опыскивать добродѣтель; то обратите взоры ваши на сего человѣка, коварнаго, злобнаго, криводушнаго, но окруженнаго блескомъ философіи: какую пользу принесла она ему? Позоръ и презрѣніе: вопъ его спянжаніе. Заключимъ шеперь, что, чѣмъ ближе спанушъ люди посшигаютъ испинную пользу свою, тѣмъ скорѣе они содѣлаются добрыми и человѣколюбивыми; и чѣмъ болѣе понятія ихъ о добрѣ будутъ запущаны, тѣмъ болѣе они оспанушъ невѣждами, злобными и слѣдовательно несчастливыми. Счастливо будетъ по время, когда всѣ безъ изьятія узнають пуши, ведущіе къ пороку: погда-то испинно никто не будетъ имѣшъ желанія оными слѣдовать. Люди погда только могутъ содѣлаться лучшими, когда познають невыгоду бышъ порочными. Счастливы будетъ пошъ вѣкъ, въ кошорый люди злые оспанушъ въ презрѣніи; но сто разъ счастливые пошъ, въ кошорый они будутъ въ посмѣянніи.

Сѣ Итальянскаго А. Замѣтнинѣ.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

И Л І Я К О П І Е В И Ч Ъ.

Въ Опытѣ историческаго словаря
россійскихъ писателей (*), въ статьѣ
объ Ильѣ Копіевичѣ, сказано только: онъ
сочинилъ спихами панигирикъ, или по-
хвальное слово на побѣды Петра Великаго;
также сочинилъ лашинскую съ російскимъ
переводомъ граммашуку, и перевелъ книгу
Деграфа, или морское плаваніе; всѣ сіи
книги напечатаны 1700 и 1701 годовъ въ
Амстердамѣ.

(*) Книга сія издана Николаемъ Новиковымъ
и печатана въ С. П. б. въ 1772 году.

Въ новомъ Опытѣ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ (*) прибавлено, что Илья Федоровъ сынъ Копіевскій или Копіевичъ переводилъ книги на русской языкъ для содержателя Амстердамской типографіи Тессинга, утвержденной Цесаремъ Великимъ; и первая была напечатана книга въ 1699 году, подъ названіемъ: Крашкое введеніе во всеобщую исторію; въ 1700 году напечатана была его же латинская грамматика съ рускимъ переводомъ и шрелзычный на латинскомъ, нѣмецкомъ и рускомъ языкахъ букварь, или словарь, и нѣкоторыя другія книги. По смерти же его въ 1704 году, въ той же типографіи, напечатанъ былъ его переводъ: Авраама Деграфа о морскомъ плаваніи. Копіевичъ умеръ въ 1701 году.

Въ Учебной книгѣ російской словесности г. Греча, часть 4, стр. 388, подробнѣе упомянуто о семъ сочинителѣ и

(*) Помѣщено опривками въ ежемѣсячномъ изданіи: Другъ просвѣщенія на 1803 годъ; часть 4, стр. 159.

исчислены его шруды напечатанные: 1) введение во всякую исторію, 2) о дѣлѣ воинственномъ, 3) латинская грамматика, 4) слава шоржествъ царя Петра Алексѣевича, 5) шкиперская книга; ненапечатанные: 6) руководство въ ариѳметики, 7) конкорданція на всю библію, 8) припчи Эзоповы, 9) Горацій Флаккъ, 10) Квинтъ Курцій и 11) описаніе четырехъ монархій.

Ни въ одной изъ книжныхъ русскихъ лавокъ въ обѣихъ столицахъ нельзя отыскать сихъ вышеупомянутыхъ сочиненій; и весьма у рѣдкихъ часпныхъ людей найдутся оныя въ книгохранилищахъ. Сверхъ выше приведенныхъ сочиненій Ильи Копіевича напечатано имъ было еще много довольно важныхъ сочиненій, да въ рукописи хранилось и къ печати изготовлено было не менѣе напечатаннаго. Выпишемъ о семъ изъ французскаго повременнаго изданія, подъ названіемъ Тревускаго (*), 1711 года, септября мѣсяца, стр.

(*) Ежемѣсячное изданіе сіе называлось Тревускимъ по городу Треву, въ кошоромъ

1657: „ . . . Царь Пешръ Алексѣевичь, во
 „время царствованія своего, сославиль,
 „образоваль и обучиль многочисленное
 „войско. . . . Онъ соорудиль, вооружиль,
 „создалъ, если смѣю такъ сказать, мор-
 „скую силу, состоящую изъ семидесяти
 „кораблей, подъ присмотромъ и началь-
 „ствомъ однихъ Рускихъ! . . . Его намѣ-
 „реніе просвѣпитъ своихъ подданныхъ
 „не ограничивалось одними только военны-
 „ми подвигами. Онъ щедростію своею
 „умѣлъ привлечь къ себѣ многихъ уче-
 „ныхъ мужей; основаль школы; примѣра-
 „ми и награжденіями вселялъ въ поддан-
 „ныхъ своихъ любовь къ наукамъ; съ боль-
 „шею разборчивостію заславлялъ перево-
 „дишь и печатать многія сочиненія, а
 „надъ нѣкопторыми и самъ шрудился.
 „Илія Копіевичь шщательнѣе всѣхъ изъ

издавалось оно Іезуитами съ 1701 по
 1734; а съ сего года печаталось сіе изда-
 ніе въ Парижѣ. — Мы называемъ городъ
Тревъ (Trevés) *Триромъ* съ нѣмецкаго *Три-*
ег, какъ многіе и другіе города безъ вся-
 кой причины.

„его подданныхъ въ помѣ ему споспѣше-
 „ствовавль. Государь, усмотрѣвши въ ю-
 „номъ Россіянинѣ умъ и охоту къ нау-
 „камъ, послалъ его въ Голландію въ 1698
 „году. Сочиненія Копіевича, которыя на-
 „печатаны, и шѣ, кошорыя собирается
 „онъ печашашъ, служатъ несомнитель-
 „ными доказательствами способностей
 „его ума и неупомимаго прилѣжанія къ
 „наукамъ.

„Сочиненія Копіевича, уже ошпеча-
 ланные, суть:

1. Введеніе въ испорію, съ описаніемъ вселенной (1).
2. Описаніе небснаго и земнаго шара.
3. О военномъ искусствѣ (2).
4. Введеніе въ науку чисель (3).
5. О наукѣ мореплаванія (4).

(1) Сія книга означена въ *Сопиковской Руской Библиографіи*, часть I, стр. 66, No 196. Печашана въ Амстердамѣ, въ 1699 въ 4, рѣдка.

(2) Тамъ же No 1400. Печашана въ Амстердамѣ въ 12, рѣдка.

(3) Тамъ же No 599— годъ 1699— 8, рѣдка.

(4) Тамъ же No 593— годъ 1701— въ 4, рѣдка.

6. Словарь латинскій, нѣмецкій и славянскій.
7. Словарь пишической.
8. Грамматика латинская и славянская (5).
9. Поэма на побѣды Пешра Великаго.
10. Риторика.
11. Переводъ Эзоповыхъ басень (6).
12. Искусный и честный гражданинъ, спихами, на польскомъ языкѣ.
13. Переводъ Горація.
14. Переводъ Квинша-Курція.
„Сочиненія, копорыя въ непродолжительномъ времени оппечаашающся:
1. Лѣтосчисленіе опъ сотворенія міра до раззоренія Іерусалима.
2. Грамматика нѣмецкая.
3. Примѣры склоненій и спряженій на латинскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ.
4. Разговоры на латинскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ.
5. Сѣни, или преддверіе Коменіуса.

(5) Тамъ же No 228 — годъ 1700 — въ 8.

(6) Тамъ же No 912 — годъ 1700 — рѣдка.

Часъ XXVIII. Кн. I.

4

6. Словарь славянской съ латинскимъ.
7. Изданіе всей библіи славянской (7).
8. Астрономической календарь въ пользу русскихъ.
9. 10. 11. Три грамматики: славянская, нѣмецкая, латинская; подробнѣе шѣхъ, которыя были имъ напечатаны.
12. Исторія чешырехъ великихъ монархій.
13. Сводъ всей библіи.“

Сію спашью оипчаспи включиль и Морери въ свой исторической словарь (*).

(7) Въ библиографіи Сопикова, часть I, стр. 272, No 1697, означено: библія россійская, переведенная паспоромъ Эрнеспомъ Гликомъ 1698 года, изданная въ Амстердамѣ Ильєю Кошіевскимъ; *небывалое изданіе, свидуманное незнающими*. Вѣроятно, что сія библія не была напечатана, а оспавалась, какъ здѣсь сказано, въ рукописи.

(*) Le grand dictionnaire historique par Moreri, in fol. 1759. Tome VI.

Также изъ сихъ Тревускихъ записокъ вкращцѣ извлечено Сопиковымъ въ его библиографіи, часть I, стр. 301 и упоминаемо о 21 сочиненіи, изданныхъ Кошіевичемъ, которымъ приложена рос-

Можно ли подробнѣ сего сказать иносранцу, Французу о сочиненіяхъ Русскаго?

Весьма было бы похвально, если бь кто нибудь изъ ревности къ русской словесности, щцательнѣ разыскалъ намъ о произхожденіи и сочиненіяхъ сего ученаго мужа времянь Петра Великаго. Не уже ли все сіе пакъ маловажно, что ни одинъ русской біографъ, ни одинъ русской пупешественикъ, жившій въ Амстердамъ, гдѣ печашались многія сочиненія Копіевича, и гдѣ онъ былъ паспоромъ, или посъщающіе Парижъ нигдѣ, не чипали, ни отъ кого не слыхали, и никого не разспрашивали о своемъ соопечественикѣ? Сего бы шребовало и самое любочестіе Рускаго.

Илья Федоровичъ Копіевичъ или Копіевскій, родомъ изъ Бѣлоруссіи, обучался въ Голландіи, и, принявъ исповѣданіе реформатское, былъ паспоромъ въ Амстердамъ. Пешрь, во время пребыванія своего

писъ при его лашинской граммашикѣ, печашанной въ Амстердамъ.

въ семь городъ, узнавъ Копіевича, и давъ ему чинъ переводчика иносранной Коллегіи, поручилъ сочинять и переводить разныя книги для російскаго юношесства, и печаташь ихъ въ славянской типографіи, заведенной Тессингомъ. Копіевичъ ревностно принялся за сіе дѣло (*).

А. Писаревъ.

(*) Такъ сказано въ помянутой учебной книгѣ г. Греча, часть 4, стр. 388.

ПАРИЖЪ ВЪ РАЗНЫЕ ЧАСЫ.

Rien de plus variable & de plus bizarre.

(Изъ Антенскаго Пустынника, Жци).

Одинъ изъ славнѣйшихъ нашихъ живописцевъ, соединяющій отличныя таланты, кошораго пребуешъ сочиненіе большихъ картинъ съ особенною способностью для того рода рисунковъ, кошорый такъ хорошо названъ *эпиграммою* живописи, сказывалъ мнѣ, нѣсколько дней тому назадъ, что онъ намѣренъ заняться сочиненіемъ, по примѣру Гогарша, каррикатуръ, имѣющихъ предметомъ поспешенный ходъ какой нибудь нравственнoй мысли. Въ этомъ собраніи небольшихъ

картинъ, художникъ предполагаетъ изобразить различныя сословія общесства, размѣспивъ ихъ такимъ образомъ, чтобы представить, одно подлѣ другаго, иль, которыя находящіяся въ совершенной между собою противоположности, и чрезъ по очевиднѣе высавить качества, привычки, спранныости и недоспашки каждаго изъ нихъ. Размышляя о пользѣ, кошорую наблюдашеть нравовъ могъ бы извлечь изъ подобнаго сближенія, если бы только оно было взято въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, шель я по *Ришельевской* улицѣ въ шпри часа ушра. Вспомнивъ мои лѣша и узнавъ, что это было въ довольно ненаспнюю погоду, можешъ бышь, спросящъ меня, по какому случаю шакъ поздно, или шакъ рано очутился я одинъ, пѣшкомъ на *Парижскихъ* улицахъ. Ошвѣщъ мой сосшавиль бы цѣлую повѣсшь и ошвлекъ бы меня ошъ моего предмета; а поштому я и предосшавляю себѣ въ другой разъ сошбщишь его моимъ читашелямъ.

Дошедъ до угла улицы *Малыхъ-Полей*, я принужденъ былъ на минушу ошпаношиться ошъ спеченія множесшва огород-

ничьихъ шелѣгъ, везущихъ на рынки зелень, и карешъ, ѣдущихъ на оперный балъ, или возвращающихся опшуда. Эпа противоположноспь шрудовъ и удовольствій, усшремленныхъ съ одинаковою дѣяшельноспію къ споль различнымъ цѣлямъ, подала мнѣ мысль разсмошрѣшь сполицу нашу, наблюдая ея измѣненія въ различные часы дня и ночи. Сдѣлаемъ опышь, взявъ шри главнѣйшіе вида оной пошпру, въ полдень и ввечеру.

Въ шри часа ушра Парижъ погружень въ глубокое спокойшвіе; пустыя, безмолвныя улицы, слабо освѣщаемыя догарающими фонарями, походяшь на длинные переходы какаго нибудь надгробнаго памяшника: все спишь, кромѣ любовниковъ и воровъ, кошорые, скипаясь во мракъ, иногда встрѣчающся на шомъ же балконѣ.

Прохожу мимо пышныхъ черпоговъ, великолѣпно освѣщенныхъ какъ бы для празденшва. Карешы наполняюль дворъ; множешво извошичьихъ фіакровъ споишь у подѣзда. Я разсмашриваю выходящихъ: одни сердяшся на людей своихъ,

другіе ласково разговариваютъ съ ними; эши, нанимая фіакръ, громко хохочутъ; шѣ, отправляясь пѣшкомъ, бранятся сквозь зубы: я заключаю изъ того, что хозяйка неодинаково всѣхъ угостила; спрашиваю объ ея имени: это *фортуна*; узнаю волшебный дворець ея: это *Общество иностранцевъ* (*). Между шѣмъ, какъ любимцы слѣпой и своенравной богини возвращаются домой съ карманами, наполненными золопомъ, бѣдняки, бродя по улицамъ, съ фонаремъ и желѣзнымъ крюкомъ вышаскиваютъ изъ грязныхъ кучъ пряпки и шарятъ въ помойныхъ канавахъ, надѣясь найсти тамъ какую нибудь шерстяную вещицу, или монету.

Бьетъ четьре часа: еще не разевѣтаешь, а булочная и шинокъ уже отворяются; въ послѣднемъ сонный прислужникъ засвѣчаетъ у столика лампу и готовится къ шпифу съ водкою и настойкою для извозчиковъ, которые, проспавъ ночью у подъѣзда какаго нибудь

(*) *Cercle des etrangers*. Такъ называется лучший въ Парижѣ игорный домъ.

бала, или игорнаго дома, возвращаются къ своимъ хозяевамъ, для людей, исправляющихъ самое трудное, самое отвратительное ремесло, и для пьяницъ, кошорыѣ проспались на улицѣ, бывъ не въ состояніи добраться до жилищъ своихъ. Въ шуминушу, какъ шинокъ отворяется, въ лошерейной кошпорѣ закрываютъ двери; сего дня день розыгрыша; прозрачный фонарь цѣлую ночь напоминалъ о томъ людямъ, кошорыѣ безъ того, можеть бытъ, забыли бы объ этомъ способѣ издерживать, то есть шерять свои деньги. День показывается: шелѣжки молочницъ, лошаки, навьюченные огородными овощами, шлануся непрерывною цѣпью и заграждаютъ дорогу огромному дилижансу, подъ пяжестію кошпораго спомель мосповая. Ремесленники, работники принимаются каждый за свое дѣло; дѣятельность пробуждается во всѣхъ машерскихъ и удары молота по наковальнѣ проницаютъ въ черпоги богача, кошорый только что возвратился домой, упомленный удовольствіями прошедшаго дня и снѣдаемый забошами о буду-

щемъ. Все это движеніе, начинаясь въ часняхъ города, наиболѣе обихаемыхъ проснымъ народомъ, не ранѣе, какъ чрезъ нѣсколько часовъ, сообщается окрестностямъ *Пале-Рояля* и *Антенской гаси*, а еще позже того переходить въ предмѣстія *Сентъ-Жерменское* и *Сентъ-Оноре*; но когда уже оно начнется, то съ какою удивительною дѣятельностію прониравыя обихапатели этой страны роскоши и нѣги стараются вознаграждать пошерянное время!

Въ восемь часовъ все еще покоится въ *Вивіенской* улицѣ; въ десять безчисленные толпы шѣсняясь и движущаясь шамъ во всѣхъ направленіяхъ. Маклеры отправаляются за приказаніемъ къ шѣмъ, чьи они производяшь дѣла; биржевые счетчики, съ висащими черезъ плечо сумками, отправаляются собираяшь деньги. Всѣ сидѣльцы на ногахъ и пробираются сквозь тучи прикащиковъ, писцевъ, которые медленно направляютъ путь свой въ конторы, размышляя о шомъ, какъ бы поранѣе отпрауда уйти.

Между тѣмъ, какъ проснувшіеся жители праваго берега Сены озабочиваются въ это время торговыми дѣлами, ученые шруды занимають обитателей лѣвой стороны. Воспитанники различныхъ училищъ толпаясь въ улицахъ *Арфы* и св. *Іакова*; пиломцы *Гипокрапа* съ *Бартеломъ*, или *Ришерандомъ* подъ мышкою идуць въ больницы искашь примѣровъ тѣмъ; правиламъ, копорыя они читали; законники, въ маншяхъ своихъ и карпузахъ, спѣшаць въ суды, перебирая дорогою листы пляжебныхъ дѣлъ; наконецъ ученики Французской коллегіи идуць просвѣщаць умъ свой и образоваць вкусъ, слушая уроки *Тиссоповъ* и *Кювье*.

Желаете ли вы насладиться менѣе единообразнымъ, но за то и менѣе назидательнымъ зрѣлищемъ? Приблизьтесь къ *Пале-Раялю*; дворы эшаго замка наполнены особеннымъ разрядомъ *промышленниковъ*, копорые дѣлають шущъ, шакъ называемые, *обороты*; по ешь дають подъ залогъ вещей деньги, за пяшь проценшовъ на мѣсяць, или беруць задатокъ

на проданные ими такіе повары, копорыхъ у нихъ вовсе не бывало. Удаляясь оттуда по *Вивіенской*, или *Ришельевской* улицѣ, вы увидише, что шолпы рѣдѣюшъ; пѣшеходцы пробираюшся по споронамъ подлѣ лавокъ, а посрединѣ улицы мчашся экипажи, копорые оспанавливаюшся у главныхъ магазиновъ: модныя женщины выходяшъ изъ нихъ съ шѣмъ, чшобы дѣлать закупки, и опѣ васъ шолько зависитъ вѣришъ, что онѣ весьма удивляюшся, встрѣчаясь шамъ съ знакомыми ихъ молодыми францами, копорыхъ случай, какъ нарочно, шуда приводитъ. Если погода хороша, то эшопѣ рой блестящихъ мошекъ разсыпается въ *Тюльери*, или по дорогѣ въ *Булонской* лѣсъ, между шѣмъ, какъ вшпоросшепенные щеголи, холосшяки и праздные люди *Антонской* улицы, на *Кобленцкомѣ* булеварѣ, шерпѣливо ожидаютъ обѣденнаго времени, смопря на пляски маленькихъ савойскихъ шрубочисшовъ.

Обѣденный часъ призываетъ людей хорошаго шона въ Парижъ; и между шѣмъ, какъ упомяненный шрудами ремесленникъ

раздѣляешь съ семействомъ своимъ скромную трапезу, состоящую изъ карпюфеля и похлебки, приготовленныхъ его хозяйкою, знашныя люди и богачи несущя въ роскошныхъ своихъ экипажахъ на званые обѣды, гдѣ скука поршишь въ лакомыя блюда, приправленные рукою искуснѣйшаго повара; обѣдали, въ черныхъ чулкахъ, на цыпочкахъ пробирающя въ шѣ дома, гдѣ они надѣяшся даромъ поѣсть; голодный проидоха, кошораго кошелекъ опустѣлъ, бродишь по галлереймъ *Пале-Рояля* въ надеждѣ встрѣшишь шамъ какаго нибудь пріятеля, кошорый накормилъ бы его дешевымъ обѣдомъ.

За эпою минушою дѣяшельности слѣдуешь пишина, кошорую опяшь прерываешь начало спектаклей: всѣ ворошы ошворяющя; карепы выѣзжающъ; шеаптры и кофейныя дома наполняющя.

Черезъ часъ послѣ разѣзда изъ шеаптровъ лавки зашворяющя; ремесленники, граждаче, должностныя люди всѣхъ сословій мирно возвращающя въ дома свои, предосшавляя Парижскія улицы но-

чнымъ обитателямъ, копорыхъ нравы могутъ бытъ наблюдаемы только ими; кто имѣеть за ними надзоръ, и копорые лучше оставишь во мракѣ, гдѣ опасеніе и спыдъ ихъ удерживающъ.

С. де Шаплетъ:

П О Э З І Я.

ВЫКУПЪ ОССІАНА.

Внимай, внимай: въ дубравѣ тёмной,
Гдѣ яросны валы въ нагихъ брегахъ кипишь,
Какъ опзывъ шрепешный, нескромной
Сугубишь спухъ мечей по звонкой спали
лапъ!
Смопри, смопри: Эльморъ, Локлинскихъ чадъ
надежда,
И, слава пѣсней, Оссіанъ
Схватились въ смершный бой! Уже сырой
шуманъ,
Лѣсовъ вечерняя одежда,
Возлегъ на дремлющихъ древахъ;
Окреспъ угрюмой ночи мраки;
Въ проспранспвахъ громъ ревешъ, и бурные
призраки
Плывущъ на дымныхъ облакахъ:
Но щещешъ грома ревъ; дожда напрасно
волны

Изъ шучь клубящихся падутъ!

Сердца въ нихъ гнѣвомъ месши под-
ны:

То бьются, щипъ съ щипомъ и мечь съ ме-
чемъ сомкнутъ;

Искусству мѣста вѣсть: одни удары слышны;
Какъ шучи вшорасть гуль раскашова громо-
выхъ,

Такъ спонуть звонки ланы:

То, вдругъ оспановясь, коварно неподвижны;
То снова грянуть въ бой. Ударъ ихъ каждый
взмахъ,

И въ каждомъ ихъ ударѣ рана.

Но шѣни праопцевъ хранили Оссіана:

Эльморъ сражень, и съ шумомъ палъ во
прахъ;

Десницей слабою сжалъ мечь осиротѣлой,

Къ опчизнѣ очи обратилъ,

И, милую призвавъ, съ улыбкою веселой,

Взоръ угасающій закрылъ:

Такъ полная луна плывесть надъ океаномъ,

Свинцовые хребты зыбей его заляпъ,

Въ пуспынномъ воздухѣ горитъ

И гаснешъ въ вышинѣ за упреннымъ шума-
номъ.

Вечерній вѣпръ шумитъ въ лисахъ дре-
весь

И дымъ съ коспра волнами подымаесть.

Угрюмой ночью полонъ дѣсъ:
Лишь изрѣдка браздой огнь мраки раздира-
ешъ,

Какъ славныя дѣла нѣмую мглау вѣковъ.

Убишый на щипѣ; вблизи его убійца;

Окресшъ Локлина царь и сонмъ его сыновъ;

Пылающъ месшью грозны лица,

И взоры мрачныя вѣщающъ барду казнь,

Но смѣлый бардъ въ цѣдяхъ спокойспвиемъ

украшенъ;

Печаленъ взоръ, но духъ беспырашенъ;

Унынъе въ сердцѣ, не болзнь.

По арфѣ пробѣжалъ могучими перспами;

Привычный звукъ опвѣщспвуешъ дер-
спамъ;

Пѣсне, смертнад, промчалася по стру-
намъ,

И опзывъ, пробужденъ, опгрянулъ за горами;

«О ареа, пробуди уснувшій гласъ въ спрунахъ!

Воспой Эльмора прежни бои!

А вы, опжившіе герои,

Внемлите мнѣ, покоясь въ облакахъ!

Возспалъ Эльморъ, облекся шпжкой мѣдью,

Возспалъ на смерщъ своимъ врагамъ;

Сыны Морвена будущъ снѣдью,

Локлина гибельнымъ мечамъ.

Спенали вы, скалы моей опчизны,

Какъ подъ дадыми ихъ поншъ дѣною кипѣль,

Когда съ добѣдой онъ на вадъ хребешъ изле-
шѣль,

И въ немъ слѣды врага вшопшали укоризны!

Повсюду вихремъ онъ прошекъ,

Исполнивъ землю браннымъ слухомъ;

Означилъ смертию грозный бѣгъ:

И пы, Фингаль, и пы смутился духомъ!

Морвенцы смертию спасались опъ оковъ;

Убишыхъ зрѣли ихъ, не зрѣли побѣжденныхъ;

И не считалъ Эльморъ сразившихся враговъ:

Считалъ враговъ сраженныхъ.

Подвигся месью на него

Полночный исполинъ, могучій мой родишель;

Фингаль оспался побѣдшель;

Но заплапалъ за шоржеспво;

Насыпался Локлинъ добычею Морвена:

Врагъ прелеспныхъ дѣвъ чрезъ море увлекл.

И холмы вражеской земли

Опозвались на споны пльна.“

Умолкъ; умый звукъ по спрунамъ пробѣжалъ;

Но сладокъ былъ сей звукъ царю Лок-

лина:

Пльненный врагъ опцу воспоминалъ

Вънчанного спокрапъ побѣднымъ лавромъ

сына.

Съ опцовского чела изгладилась шоска;

Лишь одинокая слеза въ очахъ дрожала,

И долго праздная рука

Забышый мечъ невольню обнажала.

Казалось, въ душу съ пѣсню сей

Впѣсился рой родныхъ воспоминаій;

Казалось, въ памяти дряхлѣющей своей
 Онъ оживилъ топы победы, завоеваній,
 И славу бурную давно-минувшихъ дней,
 Когда онъ самъ гремѣлъ, какъ горніе перуны;
 Но вновь ударъ по смолкнувшимъ стру-

намъ,
 И зашонали струны,
 И новой пѣсню оплѣшпвуютъ першамъ.

„Давно ль ты цвѣлъ? Давно ль благоухань-

емъ,
 Прелестный цвѣтъ, долины услаждалъ?
 Тебя лелѣялъ день опеческимъ сіяньемъ,
 И вечеръ хладною росою наполялъ.

Но въспрь дожнулъ губищельнымъ дыхань-

емъ:
 И ты безвременио увялъ;

И ты, во цвѣтъ лѣтъ кончиной пораженный,
 Ты рано кончилъ быспрый бѣгъ:

О юноша, прекрасенъ былъ швой вѣкъ,
 Гремищій, какъ перунъ, какъ молніа мгно-

венный!
 Не будешь жребій царшвъ швой грозный мечъ
 рѣшанъ;

Твой щипъ не воззоветъ къ Локлинцу зву-

комъ брани;

Твой голосъ, повѣспью швоихъ завоеваній,

Не будешь жадный слухъ родишеля ласкашь.

А ты, прекрасная, любившая Эльмора,

Тебѣ не осупать пльнипельныхъ очей!
 Ты свѣтлаго его не вспрѣлпншь болю взора,
 И швой отвыкнешь слухъ отъ сладоспныхъ
 рѣчей;

Не будешь милый швой свиданьемъ,
 Тоску разлуки прогоняшь
 И спраспнымъ, медленнымъ, шомпшпльнымъ
 добаньемъ

Блаженство въ душу проливаешь:
 Вопще, пришедъ на брегъ, прославленный
 Эльморомъ,
 При шумѣ, сладоспномъ блестящихъ пѣной
 водъ,

Звашь будешь милого душой, словами, взоромъ;
 Вопще: швой милый не придетъ.“

И вхо вшорило печально: не придетъ.

На царское чело возсѣли мрачны думы:
 Всю цѣну познавалъ цопшери онъ своей,
 И слезы медленно, капидясь, изъ очей.

Предъ нимъ, склонясь, на лезвія мечей,
 Спящихъ его сыны, безмолвны и угрюмы;
 Безслезны очи ихъ; въ буншующихъ сердцахъ

Пылаешь жажда мщенья
 И отражается въ сверкающихъ очахъ.

Казалось, ждущъ они отъ шпарца повелѣнья;
 Упишься кровію пѣвца

И жизнь его принесешь Эльмору въ даръ надъ
 гробной

Ихъ взоры шребуютъ лишь знака отъ ошца.

Но скованъ ихъ ошець печалію безмолвной.
 Какъ громъ ударилъ бардъ по дремяющимъ
 спрунамъ;

Дубравы звукомъ пошряслися;

Раздался опзывъ по горамъ,

И пѣсни вихремъ понеслися.

„Смотри: Эльморъ плыветъ на грозныхъ об-
 лакахъ!

На немъ доспѣхъ, изъ молній сопле-
 щенный;

Шеломъ, сіяніемъ зарницы оперенный;

Мечъ радужный блеспиць въ его ру-
 кахъ:

Средь облачныхъ долинъ еленей поражаетъ

Онъ мѣлкою, пернашою спрѣлой;

Часъ опдыха наспалъ: онъ мершвыхъ усла-
 ждаетъ

Разказами спраны родной;

Вѣщаетъ имъ гремящія побѣды,

Набѣги быспрые на сѣверныхъ моряхъ

И дружнія веселыя бесѣды

При спукѣ зконкихъ чашъ, при плѣющихъ
 дубахъ.

Спокоенъ будь, герой! Въ наслѣдный даръ Ло-
 клину

Свои дѣла ты завѣщаль:

Гласъ бардовъ освятишь великаго кончиниу,

Предасшь ее вѣкамъ средь плесковъ и похваль;

Ихъ пѣснь въ подлунной пронесешя

Въ страны далекія, чрезъ темны вренена,
И сердце храбраго на гласъ ихъ опшзовешся,
Какъ звукомъ радости дрожащая, спруна!“

Гремятъ поржеспивенныя спруны.
Локлина царь забылъ печаль и бремя лѣпшъ;
Онъ мнилъ, что вѣщіе перуны
Опъ сына радостный несли ему привѣпшъ,
Надежду скорого свиданья,
Надежду сладкую дѣлами жишъ въ вѣкахъ.
Сыновъ его помяпшъ геройскія желанья,
И гаснепшъ мщеніе въ желѣзныхъ ихъ сердцахъ;
Забыла скорбная упрата.

Одною жаждою волнуется ихъ грудь:
Успашъ побѣдами, на лаврахъ отдохнупшъ,
Иль смерпшю купишъ завидный жребій брапа.
Не скрылись опъ пѣвца восторги ихъ сердець;
Изъ груди пльнника испоргся вздохъ печаль-
ный;

И съ арфой вновь бесѣдуетъ пѣвецъ,
И шихо пролетѣлъ по арфѣ звукъ прощаль-
ный:

„Свершилось: ранній гробъ мнѣ грозно пред-
спонпшъ;
Я вспрѣчу смерть въ странѣ опъ родины да-
лекой;

Мой прахъ унылый, одинокой
Лишь вѣспрѣ пустынный поспшипшъ.

Гдѣ жъ вы, о смѣлыя надежды жизни юной,
 Съ копорыми я шель во сръшенъе вѣнцовъ,
 Пѣль бишвы, красопу, на арфѣ звонкоспрун-
 ной
 И мнилъ по смерти жиць въ преданіяхъ пѣв-
 довъ?

Не закипаять во мнѣ воспорги пѣсней;
 Опъ взора милаго не вспыхну я душой;
 О слава, жизнь, любовь, помедлише со мной:
 Въ часъ смерти вы предспали мнѣ пре-
 леснѣй!
 Не жди на шумный пиръ, не жди къ себѣ,
 Фингаль,

Сообщника своимъ бесѣдамъ,
 Сопрудника прудамъ, пѣвца своимъ побѣдамъ!
 Тебѣ среди шоржеспвѣ всѣ скажупъ: сынъ
 пвой палъ;
 И радость замолчишь въ душѣ, дополь весе-
 лой;

Унынье вкрадешся въ нее;
 И взглянешь съ думою тяжелой
 На мѣсто праздное мое.
 И вы, о вѣспники всѣхъ чувспвѣ моихъ, же-
 ланій,
 Копорымъ повѣрять я славу громкихъ дѣлъ,
 О спруны, пѣвшія великихъ въ полѣ брани,
 Просише, вашъ пѣвецъ спяжалъ другой у-
 дѣлъ!
 Просише! Оссіанъ вполсѣдни съ вамигѣль.“

Умолкъ, и арфа зазвонала:
 Казалось, съ пѣснiю душа въ нее вошла;
 Казалось, мершвая о бардѣ посковала
 И жалоспъ въ юношахъ невольню родила.
 Спѣшилъ, рыдая, царь Локлина
 Оковы снялъ съ прощеннаго пѣвца:
 И побѣдилъ пѣвецъ мечемъ геройство сына
 И арфой мщенiе опца.

Писаревъ.

С М Ъ С Ъ.

Л Е К Ц І И

Физико-химическаго курса
г. Академика Шерера.

(Окончаніе).

Обыкновенная сѣрная кислота получается двумя способами: 1) по старому, изъ желѣзнаго купороса чрезъ перегонку сильнымъ огнемъ, какъ на пр. въ *Нордгаузентъ*, и 2) по новому, чрезъ сожиганіе сѣры съ селитрою при доступѣ воздуха, въ какомъ случаѣ образующся сперва сѣрниовашокислой (acide sulfureux) и селитровой (gaz nitreux) газы, изъ коихъ послѣдній пошчасъ кислотоворомъ воздуха обращается въ пары селитровой (acide nitreux) кислоты, у коей опнимаешь кислотоворъ сѣрниовашокислой газъ и превращается въ тяжелые пары сѣрной кислоты, кошо-

рые шупъ же (въ свинцовыхъ каморахъ) соединяюся съ водою въ приемникахъ, или каморахъ. И такъ получаеся слабая сѣрная кислота; ее попомъ конценспирирующъ чрезъ выпариваніе и наконецъ подвергающъ очискѣ чрезъ перегонку въ стекл. репортахъ; примѣсю купороснаго масла бываешъ наиболѣе желѣзной окисель, а въ получаемой новымъ способомъ сѣрной кислотѣ можещъ находитья свинцовой окисель, сѣрнокислое кали и даже нѣкоторыя металлы.

Обыкновенная сѣрная кислота отличаетя слѣдующими свойствами: 1) образуешъ безцвѣшную, прозрачную, масловидную жидкость *; но когда бываешъ темнаго цвѣша *, сіе значить примѣшеніе къ ней какихъ либо органическихъ часпей; 2) гораздо тяжеле воды, съ которою спремешельно соединяешя, производя разгоряченіе до 80° R; 3) имѣешъ разрушительныя дѣйствія на шѣла органическа, прешворяя ихъ въ наспоющій уголь *; 4) оказываешъ сильнѣйшее сродство къ сольнымъ основаніямъ прошиву другихъ кислотъ и особенно къ баритовой землѣ, а попому и употребляемъ ее съ опмѣнною пользою для полученія всѣхъ прочихъ минеральныхъ кислотъ; кромѣ того она служищъ хорошимъ растворяющимъ средствомъ (dissolvant) въ красильномъ искусствѣ.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

~~~~~

Сѣрноватая кислота (acide sulfureux). Она всегда образуется при горѣннн сѣры, и мы знаемъ ее по особенному острому удушливому запаху, ибо кислота сія въ опдѣльномъ видѣ газообразна. Съ пользою употребляютъ оную для бѣленія и въ особенносши шелковыхъ ма-шерій, попому что сѣрноватокислой газъ выѣдаетъ всѣ органическія нечиспошы.

Сѣрнокислыя соли (sulfates).

Всѣ таковыя соли опличны опъ другихъ шѣмъ, что чрезъ накаливаніе съ углемъ обра-щающа въ *сѣрные соединенія* (sulfures), ибо углешворъ болѣе сѣры имѣетъ сродства съ кислешворомъ.

Достопримѣчательнѣйшая изъ оныхъ со-лей естъ *квасцы* (alun), кои предспавляютъ въ охрусталованномъ видѣ сѣрнокислую гли-ниспую землю съ примѣсью щелочи.

Сія соль находится въ природѣ уже го-повою, какъ на пр. въ *Толяфѣ* (Римскіе квас-цы), или много приготавлиють ее искусшвомъ чрезъ обрабошку *квасцовыхъ сланцовъ* (mineai d' alun) и ш. п; такое приготавливаніе соспоитъ въ пожиганіи, выѣшприваніи, выщелачиваніи,

въваркѣ и кристаллизованіи съ прибавкою щелочей. Употребленіе квасцовъ весьма значительно въ красильномъ дѣлѣ.

2. Селитряная кислота вообще.

Названіе сей кислоты происходитъ отъ селишры, изъ которой она добывается; но поелику основаніе ея азотъ, по бы справедливѣе наименовать оную *азотною кислотою*. Лордъ Кевендишъ (Cavendish) открылъ составъ ея, подвергая атмосферной воздухъ электризаціи въ заключенномъ пространствѣ. По химическимъ изслѣдованіямъ выходитъ, что нашъ воздухъ и обыкновенная селишряная кислота, или *крѣпкая водка* (eau forte) представляющъ двѣ крайности соединенія азота съ кислородомъ, между которыми находяща еще и другія пропорціи смѣшенія сихъ началъ.

Обыкновенную селитрянную кислоту (acide nitrique) получающъ изъ селишры (nitrate de potasse) дѣйствіемъ или чистой сѣрной кислоты, или желѣзнаго купороса, подвергая его разгоряченію въ смѣси съ селишрою, для чего служатъ особыя *перегоночныя пети* *, при чемъ селишряная кислота отдѣляется или въ крѣпкомъ усиленномъ видѣ и называется тогда *дымящаяся* (acide nitrique fumante), или въ обыкновенномъ водянистомъ,

именуемая *крьпкою водкою*. Примѣси въ па-
кой кислотѣ бывающъ *соданая и сѣрная ки-*
слоты, изъ коихъ первая осаждается разшво-
ромъ селипрокислаго серебра, а вторая сели-
прокислымъ баритомъ, послѣ чего очищен-
ная кислота для химическаго употребленія
подвергается еще перегонкѣ въ стекл. ретор-
тахъ.

Опличительныя свойства обыкновенной
селипрной кислоты: 1) она представляетъ
прозрачную водоподобную жидкость особенна-
го запаха *; 2) разрушительно дѣйствуетъ
на шѣла органическаго, окрашивая ихъ омерва
желтымъ цвѣтомъ *; 3) растворяетъ весьма
многіе металы, освобождая при томъ газъ,
именуемый *селипротатитъ* (*gaz nitreux*), ко-
торой съ водою не соединяется, но въ при-
косновеніи съ воздухомъ обращается въ бурныя
пары и составляетъ уже *селипротатитную ки-*
слоту (*acide nitreux*) *. съ водою соединяю-
щюся и въ смѣшеніи съ крьпкою водкою
образующую дымящуюся селипрную кислоту.
Итакъ мы имѣемъ до 5 различныхъ соедине-
ній азота съ кислородомъ, именно:

атмосф. воздухъ	= 20	у	A	+ 21	ч	K,
окисленно-азотный газъ	= 64			+ 36		
селипротатитный газъ	= 44			+ 56		
селипротатитная кислота	= 35			+ 65		
селипрная кислота	= 30			+ 70		

Окисленно-азотный газъ (oxide d'azote gazeux) имѣеть охмѣляющее свойство, почему и называютъ его увеселятельнымъ.

Обыкновенная селипрная кислота, или крѣпкая водка имѣеть важное употребленіе, и особенно служить для раздѣленія золота отъ серебра (dérart); также споляры употребляютъ ее для подкрашиванія проспыхъ мебели подъ красное дерево.

Селитрокислая соли (nitrates).

Вообще онѣ отличаются тѣмъ, что будучи смѣшаны съ легкоокисляемыми веществами, на пр. съ углемъ, краснымъ мышьякомъ (sulfure d'arsenic), при сжиганіи производятъ *вспышку* *. Такимъ образомъ изъ смѣси селипры, красного мышьяка и сѣры въ извѣстной пропорціи приготовляется составъ, называемый *Индійскимъ огнемъ* *. Приготовленіе огнеспрѣльного пороха также на семь основывается. А попому достопримѣчательнѣйшая изъ оныхъ солей есть обыкновенная селитра (nitre, nitrate de potasse), которую въ большомъ видѣ получаютъ изъ селипрныхъ земель (родъ чернозема болѣе животнаго), подвергая ихъ выѣприванію (электризація), попомъ выщелачиванію съ прибавкою пошаша, наконецъ вываркѣ, очищенію *сырой селитры* *

водою и кристаллизованию. Употребленіе такой соли весьма значительное.

3. *Соляная кислота вообще.* Обыкновенная соляная кислота (*acide muriatique*) получила свое названіе отъ *поваренной соли* (*muriate de soude*), изъ которой получается въ большомъ количествѣ помощію сѣрной кислоты *. Она въ отдѣльномъ видѣ газообразна *, но имѣетъ сродство съ водою, почему и находится въ капельножидкомъ состояніи *, отличающемся особеннымъ запахомъ. Кислота сія, будучи смѣшана съ селипріною (*eau forte*) въ пропорціи какъ 2, или 3: 1, составляетъ *царскую водку* (*eau régale*), которая растворяетъ съ удобностію золото †, почищаемое прежде царемъ мешалловъ.

Находится еще особенное состояніе соляной кислоты, которое принимаемъ за *окисленно-соляную кислоту*, именуемую также *хлоромъ* (*chlors*), ибо сія кислота въ отдѣльности представляетъ *зеленоцветный газъ* * сильного острого запаха, удобно соединяющійся съ водою и соляными основаніями, и въ немъ нѣкопорыя горючія вещества сами собою возгораются; какъ по: фосфосъ и сюрма (*antimoine*) *. Газъ сей получается при нагрѣваніи смѣси чернаго марганца (*oxide de manganese*) съ обыкновенною соляною кислотою.

Соляная кислота и въ особености хлоръ

съ, онѣмѣнною пользою употребляются для куренія, очищая воздухъ даже отъ заразишельныхъ часней; кромѣ того и селипрная кислота, равномѣрно къ тому пригодна. Въ такихъ случаяхъ дѣлають особенныя *курительницы* *, извѣстныя въ больницахъ, караншинахъ, и ш. п. Еще хлоръ имѣеть важное употребленіе для *бѣленія* разныхъ матерій, ибо онъ испребляеть всѣ органическіе цвѣты.

Солянокислыя соли (muriates).

Изъ нихъ достопримѣчательнѣе *поваренная соль*, или солянокислой нашпръ и *нашптръ* (*sel ammoniac*), или солянокислой амиакъ. Изъ хлоровыхъ солей извѣстнѣйшая еспѣ такъ называемая *бертоллегова соль*, или окисленно-солянокислое кали (*potasse muriatique oxugéné*) *, которая въ смѣси съ легкоокисляемыми веществами, на пр. сѣрою, или сахаромъ производить вспышку (*détonnation*) или чрезъ ударъ *, или чрезъ дѣйствіе сѣрной кислоты *, на чемъ основано приготовленіе особенныхъ *огнивыхъ спитекъ* (*briquets oxugénés*).

4. Наконецъ изъ минеральныхъ кислотъ оспраешся замѣнить еще: а) *фосфорную* (*acide phosphorique*), получаемую изъ костей животныхъ (*phosphate de chaux*) дѣйствіемъ сѣрной кислоты; она опличаешся тѣмъ, что образуетъ въ опдѣльности твердую стеклопо-

добную массу * (чрезъ плавленіе); d) *буровую кислоту* (acide boracique), получаемую изъ буры (богах), или буроокислаго напра также дѣйствіемъ сѣрной кислоты: она въ опдѣльности представляетъ кристаллы на подобіе рыбьей чешуи *; e) *плавиковую кислоту* (acide fluorique), которая въ опдѣльномъ видѣ газообразна и опшичается дѣйствіемъ на голышевую землю.

5. Въ заключеніе оспалось упомянуть о нѣкошорыхъ *сложноосновныхъ кислотахъ*, коихъ находишся чрезвычайное количество, и почти всѣ онѣ между собою сходспвуютъ, имѣя основаніемъ своимъ углеводородъ, въ разной проиорціи съ кислотворомъ соединенный и образуя въ опдѣльности швердыя кристаллическія вещества кислаго вкуса, какъ на пр. *виннокаменная кислота* (acide tartarique), *сахарная* (acide oxalique), *росколадонная* (acide benzoique), *тернильвоорѣшковая* (acide gallique) и проч. и проч. *, Всѣ таковыя кислоты чрезъ насыщеніе основанія ихъ кислотворомъ могутъ быти превращаемы наконецъ въ *уксусную кислоту* (acide acétique) *, которая, будучи опъ воды, сколь возможно, освобождена, весьма легуча и сильное имѣетъ дѣйствіе, именуясь *кореннымъ уксусомъ* (vinaigre radicale).

Сложноосновныя кислоты имѣютъ различное по большей части *медицинское* упо-

пребленіе; впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ служатъ хорошими *реагенціями*. Онѣ въ соединеніи съ соляными основаціями также составляютъ многоразличныя соли, какъ на пр. *винной камень* (tartrate de potasse), *свинцовой сахаръ* (actate de plomb), обыкновенныя *гернилы* (gallate de fer) съ водою и примѣсью клейкихъ веществъ и проч.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

25. О металлахъ.

Простыя (неразложенныя) вещества, отличающіяся наибольшимъ сравнительнымъ въсомъ, особеннымъ блескомъ, совершенною непрозрачностію, вязкостію (*ténacité*), ковкостію (*ductilité*), плавкостію и неразтворимостію въ водѣ, именующія вообще *металлами*.

Въ древности было извѣстно только семь металловъ: золото, серебро, ртуть, свинецъ, мѣдь, желѣзо и олово: въ концѣ прошлаго столѣтія (1800) число оныхъ простиралось до 21, именно къ прежнимъ прибавилось по порядку открытія: цинкъ, висмутъ, сурма, кобальтъ, марганецъ, мышьякъ, платина, ник-

кей, молибденъ, вольфрамъ, уранъ, шпинель, теллуръ и хромій. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія открыты: танталъ, колумбій, палладій, родій, иридій, осмій, церій, селеній и кадмій. Слѣдовательно во всѣхъ металловъ считается шестеръ иго. Кроме того сюда же причисляютъ и *металлоиды*.

Собственно такъ называемые металлы съ удобностію раздѣлить можно по главнымъ физическимъ ихъ свойствамъ на 2 рода: *ковкія* (ductiles) и *хрупкія* (fragiles), изъ коихъ первые подраздѣляются еще по отношенію къ кислороду на 2 вида: *легкоокисляемые* и *трудноокисляемые*; а вторые также на 2 вида: металлы въ кислоты обращаемые и металлы шокмо въ окислы переходящіе.

Главнѣйшія свойства металловъ суть: *плавкость* и *окисляемость*. Самые трудноплавкіе металлы: *платина, желѣзо* и н. д., самые же легкоплавкіе: *ртуть, свинецъ, олово* и н. д., самые трудноокисляемые металлы суть: *платина, золото, серебро* и н. д. Всѣ же прочіе металлы болѣе, или менѣе легкоокисляемы.

• Мы замѣчаемъ, что металлы, соединяясь въ различной пропорціи съ кислородомъ, представляютъ разные *окислы* (oxides), именуемые: *закисъ* (protoxide), *недоокисъ*, (dentoxide), *бокисъ* (tritoxide) и *перекисъ* (peroxide); но го-

раздо бы лучше было различать окислы мепалловъ по *цвѣтамъ*, ибо они по различному еодержанію въ нихъ кислотора|бываюшъ разныхъ цвѣшовъ, шакъ на пр. желшой и красной окислы свинца *.

Кромѣ кислотора, мепаллы имѣюшъ сродшво и съ другими веществвами, какъ шо: *сѣ строю*, *фосфоромъ*, *целетворомъ*, *водотворомъ* и проч. Также они болѣе, или менѣе соединяюшся между собою, образуя многоразличные *сплавки* (*alliages*).

Мепаллическіе окислы вспунаюшъ въ соединеніе съ кислотами, опъ чего производътъ разшворы и соли мепалловъ (*sels métalliques*); они еще могушъ соединяшся съ водою и образовашъ *сидраты* (*Hydrates*).

О мепаллахъ употребительныхъ.

(*Métaux employés dans les arts*).

1. Платина (*platine*).

Названіе сего мепалла производишъ съ Испанскаго, что значишъ *серебрецо*; ее шакже называли сперва *бѣлымъ золотомъ* (*aurum album*). Сей мепалль сдѣлался извѣстнымъ въ 1741 году. Онъ находишся болъшею частію въ мепаллоносныхъ пескахъ, преимущесшвен-

но золото содержащихъ, откуда извлекается *промывкою* (lavage) вмѣстѣ съ золотомъ въ видѣ такъ называемой *сырой платины*, кою-рая бываетъ всегда въ металлическихъ зернахъ и содержишь въ себѣ, кромѣ [самородной, или чистой платины, весьма многихъ примѣси, какъ то: золото, желѣзо, разные другіе металлы и въ особенности новые: палладій, иридій, осмій и родій, кои покомъ въ сырой платинѣ и открыты.

Итакъ она добывается въ чистомъ видѣ почти единственно мокрымъ путемъ чрезъ раствореніе въ царской водкѣ, составленной изъ 3 частей соляной и 1 части селитряной кислотъ; потомъ изъ раствора осаждаютъ ее *нататирелъ*, съ коимъ платина образуетъ тройную соль оранжеваго цвѣта*. Осадокъ сей, высушивъ, сильно накаливаютъ: то нашатырь и кислотворъ улетаютъ, а чистая платина остается въ видѣ блестящаго порошка, коимъ можно сплавить или дѣйствіемъ Шмихова газодувнаго прибора, или помощію мышьяка, коимъ потомъ опъ платины накаливаніемъ отдѣляется и симъ способомъ оный металлъ можетъ быть обработанъ въ большомъ количествѣ.

Опличительныя свойства чистой платины суть: а) она есть самый тяжелый металлъ до 22 разъ тяжелѣе воды, и превосхо-

дытъ сравнительно для жестию въ извѣстныя тѣла въ природѣ; б) цвѣтомъ и блескомъ приближается къ серебру; с) требуетъ наисильнѣйшихъ степеней жара для своего расплавленія, но помощію мышьяка, или флора дѣлается удобно-плавимою и можетъ опливаться въ желаемыя формы; д) имѣетъ чрезвычайную ковкость и вязкость; е) весьма трудно окисляется, и ни въ какой кислотѣ, кромѣ царской водки, не растворяется, съюшорою составляетъ растворъ померанцово-бураго цвѣта; ф) изъ раствора сего удобно осаждается щелочами, или нашатыремъ оранжевымъ цвѣтомъ, образуя тройныя соли, а пошому *растворъ нашатыря* полагается лучшей реагентию для узнанія присутствія плашвы. Новые металлы, открытыя въ сырой плашинѣ, имѣютъ слѣдующія свойства:

1) *Палладій* (palladium) имѣетъ бѣлой цвѣтъ и блескъ сходный съ плашиною: металлъ ковкій, въ 11 разъ тяжелѣе воды; съ кислотами производитъ растворы краснаго цвѣта, изъ коихъ дѣйствиємъ *синильнокислой ртути* (prussiate de mercure) осаждается оливковымъ цвѣтомъ.

2) *Иридій* (iridium), металлъ бѣлый и крупкій; въ 9 разъ тяжелѣе воды; чрезвычайно трудно растворяется даже и въ царской водкѣ; окисель его производитъ соли, придающія водѣ различно-измѣняемыя цвѣты (iris):

б) *Осмій* (osmium) представляетъ металлической порошокъ темносѣраго цвѣта; почти неплавокъ, но будучи накаливается съ селищрою, превращается въ окисель, кошорой весьма летучъ, имѣетъ оспрой запахъ на подобіе хлора и съ водою соединяемый. Металлъ сей въ 10 разъ тяжелѣе воды.

4) *Родій* (rhodium), бѣлый, блестящій, неплавкій металлъ, почти неразшворимый даже и въ царской водкѣ; но при накаливаніи съ селищрою легко окисляющійся, и окисель его съ кислотами производить разшворы розоваго цвѣта, откуда осаждаетъ его сѣководолворный газъ шеколаднымъ цвѣтомъ.

Вообще плашина хощя и не имѣетъ большаго употребленія, но съ ошмѣнною пользою служить для пригопвленія весьма огнедопоянныхъ сосудовъ (химическихъ); шавже ее начали шеперь употреблять для посеребренія фарфора и ш. п.

Изъ новыхъ металловъ нѣкопорые какъ на пр. *родій* съ ошмѣнною пользою употребляются нынѣ въ составѣ наилучшей спалли.

я. *Золото* (or).

Драгоценный металлъ сей находится въ природѣ *самороднымъ* (or natif), въ каковомъ состояніи бываетъ смѣщанъ со многими дру-

гими мешаллами и наиболѣе съ серебромъ и мѣдью.

Осплнчншельныя свойства чнспаго золота: 1) особенный золопожелтый цвѣтъ, весьма постоянный блескъ, чрезвычайная ковкость, или разтяжимость; сравнительно въсь его въ 19 разъ противъ воды; 2) трудноокисляемость и растворимость токмо въ окисленно-соляной кислотѣ и царской водкѣ, составленной изъ 2 частей соляной и 1 части селитряной кислоты. Цвѣтъ сего раствора цитронножелтой; изъ него золото осаждается растворомъ желѣзнаго купороса въ чистомъ мешаллическомъ состояннн *. а растворомъ закиси олова въ видѣ смѣшаннаго окисла пурпуроваго цвѣта, каковой осадокъ именуется *кассеевымъ пурпуромъ* *, служащимъ для рисовки на фарфорѣ. 3) Съ водосворомъ, углесворомъ и сѣрою не соединяется; но съ фосфоромъ и разными мешаллами вступаешь въ соединеніе. Такимъ образомъ мѣдъ составляетъ его *лигатуру*.

Въ большомъ видѣ получается золото изъ каменнстыхъ и пескообразныхъ рудъ (*тнпегал*) его чрезъ молченіе и промывку оныхъ, при чемъ сперва добываютъ оное въ видѣ *шлнха*, изъ кошораго уже потомъ извлекается чистое золото плавкою со свинцомъ на раздѣлительныхъ горнахъ, гдѣ свинецъ, опъ доступа воздуха обращаясь въ окисель, увле-

каешь съ собою всѣ прочіе легкоокисляемыя металлы, и остаеяся *бликовое золото*, содержащее въ себѣ покомъ серебро, которое уже мокрымъ пушемъ помощію селипрной, или сѣрной кислоты опъ золота ошдѣляеяся (*départ*).

3. Серебро (*argent*).

Металлъ сей въ природѣ находиыся уже болѣе въ *оруднѣломѣ* (*minerelisé*) состояніи, именно: въ соединеніи съ сѣрою.

Опличительныя свойства сего метала: 1) особенный бѣлый цвѣтъ и блескъ, сравнищ. въсь болѣе 10 разъ шяжелѣе воды; 2) трудноокисляемъ, но съ удобностію разшворяеяся въ селипрной кислотѣ; изъ разшвора сего производиыся соляною кислотою [осадокъ бѣлый, скоро чернѣющій, которой названъ *роговымѣ* *серебромѣ* (*muriate d'argent*), ибо сплавляеяся въ массу, рогу подобную *. Окисель серебра въ соединеніи съ амиакомъ сосшавляеяъ весьма опасное веществво, именуемое *гремучимѣ* *серебромѣ* (*argent fulminant*), которое опъ одного нагрѣванія и шренія производиыъ сильнѣйшіе выспрѣлы, сопровождаемые разрываами; причина сего явленія заключаеяся въ мгновенномъ освобожденіи газообразныхъ веществвъ, по сродшву соединяющихся между

собою, 3) кромѣ того серебро имѣетъ большое сродство съ сѣрою и вступаютъ въ соединеніе съ разными (другими) металлами въ особенности же со свинцомъ.

Въ большомъ количествѣ получается серебро изъ рудъ, проплавляя ихъ сперва въ шахтныхъ печахъ * на роштейнѣ (sulfure d'argent), которой потомъ обжигаютъ для отдѣленія сѣры; послѣ чего подвергаютъ его плавкѣ со свинцомъ, и наконецъ *серебристой свинецѣ* (plomb d'oeuvre) обрабатываютъ плавкою на *трейбофенахъ* (fourneau à coupelle) *, причемъ свинецъ окисляясь, обращается въ *глетѣ* и увлекаетъ съ собою всѣ прочіе легкоокисляемые металлы. Такимъ образомъ получаемъ или чистое, или зололистое серебро, подвергаемое потомъ *мокрому раздѣленію* (départ).

Изъ убогихъ серебряныхъ рудъ серебро извлекается гораздо лучше посредствомъ ртутни, каковое производство въ большомъ видѣ называется *сортутиваніемъ* (amalgamation), оно состоитъ изъ нѣсколькихъ работъ, какъ то: обжиганія рудъ съ повар. солью; всевозможнаго ихъ измѣльченія (молошье); самага сортутиванія, производимаго въ движущихся бочкахъ; отдѣленія серебряистой амальгамы; выжиганія оной въ особенной перегонной печкѣ; сплавкѣ и очисткѣ полученнаго металла.

Испытаніе дѣленаго золота и серебра.
 Извѣстно, что золото и серебро никогда не употребляютъ въ издѣліяхъ чистыми, но прибавляютъ къ нимъ *лигатуру*, именно мѣдь, ибо оныя мешаллы сами по себѣ ошмѣнно мягки, а мѣдь ихъ дѣлаетъ шверже. Отъ сего происходитъ золото и серебро различнаго достоинства, или *пробы*, какъ на пр. 72, 84, 95. Дабы испытать достоинства сихъ мешалловъ безъ поврежденія самыхъ вещей, то употребляется *пробирной камень* (*piège de touche*) и *пробирныя иглы* *, при чемъ мы настоящее золото отъ поддѣльнаго удобно и скоро опознаемъ помощію крѣпкой водки *. Но гораздо вѣрнѣе такое испытаніе производится, опдѣливъ отъ вещей *срабшти хомъ* нѣсколько часпицъ мешалла, подвергнувъ его (въ лабораторіи) *купелляціи* (*courellation*) съ дробленнымъ опробованнымъ свинцомъ *. Тогда получимъ на капеллѣ зерно, или королекъ чистаго серебра, или золота.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

4. Мѣдь (*cuiivre*).

Мешаллъ сей почитается древнѣйшимъ въ употребленіи. Въ природѣ находится по

большей части въ *окисленномъ* и *осѣренномъ* состояніяхъ, образуя многоразличныя руды *.

Опличительныя свойства: 1) въ 9 разъ тяжелѣе воды: 2) легко окисляется и удобно растворяется въ кислотахъ, представляя болѣе синіе, или зеленувашые растворы, изъ коихъ мѣдь осаждается желѣзомъ въ числомъ мешаллическомъ состояніи *, синильнокислымъ кали въ видѣ красновашобурой соли (*prussiate de cuivre*) *; 3) окисель мѣди въ аміакѣ легко растворяется, производя голубую жидкость (*ammoniaque de cuivre*) *; равнымъ образомъ окисель мѣди соединяется съ водою и производитъ сухіе гидраты высокаго голубаго цвѣта; 4) мѣдь соединяется со многими другими металлами, особенно же съ оловомъ и цинкомъ, на чемъ основано *луженіе* и пригошовленіе разныхъ сплавковъ.

Въ большемъ видѣ на заводахъ получается изъ рудъ чрезъ проплавку ихъ сперва на *купферштейнѣ* (*sulfure de cuivre*), или *терцию мѣди* *, потомъ чрезъ очиску обозженнаго купферштейна, или черной мѣди плавкою на *шпейсофенахѣ* (*fourneau d'affinage*), и наконецъ полученной *гаркупферѣ* еще переплавляется на горнахъ и разливается въ *штетки*, поступающіе въ употребленіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получаютъ мѣдь мокрымъ путемъ чрезъ осажденіе изъ *купферосныхъ водъ* (*sulfate*

de cuivre) посредствомъ желѣза (цементная, или осадочная мѣдь), при чемъ иные весьма ошибочно думаютъ, будто желѣзо въ мѣдь обращается.

Мѣдь, кромѣ извѣснаго употребленія своего въ металлическомъ видѣ, служишь на пригошовленіе нѣкоторыхъ красокъ и солей, какъ шо: при мѣдники (carbonate de cuivre), голубца (hydrate de cuivre), Венецейской при (acetate de cuivre), сѣмлаво купороса (sulfate de cuivre) и проч.

5. Желѣзо (fer).

Намупотребительнѣйшій металлъ сей изобильно разпространенъ въ природѣ, гдѣ находимъ его или окисленномъ, или осѣренномъ; въ самородномъ, или металлическомъ состояніи встрѣчаемъ его токмо въ аеролитахъ (воздушныхъ камняхъ).

Мы знаемъ желѣзо въ шрехъ различныхъ видахъ: 1) чистое, или *полосовое* (fer forgé) 2) *тузунъ* (fonte) и 3) *стале* (acier): но ешь еще одинъ видъ онаго метала называемый *графитомъ* (plombagine). Всѣ таковыя виды желѣза зависяшь болышею часпію ошь различнаго соединенія сего метала съ углешворомъ.

Чистое, полосовое желѣзо опличается: а) сѣрваншоблымъ цвѣшомъ, жидковащокрюч-

коватымъ и ломомъ, чрезвычайною вязкостію, большою ковкостію и опмѣнною трудноплавкостію; сравнительной въсь его почти въ 8 разъ пропивъ воды; в) всегда легко окисляется, покрываясь въ сыромъ воздухѣ ржавшиною (rouille), которая есть гидратъ желѣза; с) во всѣхъ почвахъ кислотахъ удобно растворяется, и можетъ быть осаждено изъ раствора или настоеккою чернильныхъ орѣшковъ (acide gallique) чернымъ цвѣтомъ (gallate de fer)*, или синильнокислымъ кали (prussiate de potasse) синимъ цвѣтомъ (prussiate de fer)*; d) съ углетворомъ и серою имѣеть большое сродство, производя особенныя соединенія (carbures et sulfures); также соединяется съ фосфоромъ, и отъ сего вообще происходятъ худыя сорны желѣза: красномолкое (cassant à chaud) и хладномолкое (cassant à froid).

Чугунъ есть обугленное желѣзо, содержащее въ себѣ, кромѣ углетвора, часію кислотвора и мешаллоиды земель. Вообще онъ отличаетсѣ своею хрупкостію и удобоплавиомостію въ сравненіи съ чистымъ желѣзомъ. Находимся два сорта чугуна: *серой* (fonte grise) и *бѣлой* (fonte blanche)*.

Стала есть соединеніе желѣза съ меньшимъ пропивъ чугуна количествомъ болѣе чистаго углетвора, или земляныхъ мешаллоидовъ, особенно же *силиція**. Она въ обыкновен-

венныхъ видахъ: оплчается своею швердоч-
стию, упругостию въ ионкихъ полоскахъ и
шѣмъ, что опъ дѣйсствія селипрной кисло-
ты остается на поверхности ея черное пятно.

Графитъ есть желѣзо пресыщенное угле-
шворомъ (fer-carbure). Онъ оплчается темно-
сѣрымъ цвѣтомъ, большею хрупкостию и
шѣмъ, что пишеть на бумагѣ.

Желѣзо въ больномъ видѣ на заводахъ
получается преимущественно изъ еспешиве-
ныхъ егѣ окисловъ (fer oxidulé, ou oxidé). Нѣ-
которыя изъ таковыхъ рудъ его могутъ быти
обрабатываемы по древнему способу *пряма*
на полосовое желѣзо, какъ на пр. *шпатоватой*
желѣзнякъ, (fer spatique). Сие производися
чрезъ плавку оныхъ рудъ или въ *сиро-*
дучныхъ печахъ, или въ *особенныхъ горнахъ*
(кричныхъ) по *каталонской* методѣ. Но боль-
шею частию всѣ прочія желѣзные руды спер-
ва плавятся на чугуны, для чего ихъ предва-
рительно обжигаютъ для отдѣленія нѣкото-
рыхъ лепучихъ частей, для умягченія швер-
доси самыхъ рудъ и для наибольшаго оки-
сленія желѣза, опъ чего руды дѣлаются легко-
плавче. Проплавка обожженныхъ рудъ совер-
шается въ огромныхъ шахтныхъ печахъ, име-
ваемыхъ *доменными* (hauts fourneaux) *, во
флюсъ для облегченія плавкости употребляютъ
наиболье сженую извесь, или рухлякъ (мер-

гель). Такимъ образомъ чугуныъ выплавляется изъ рудъ въ видѣ продукта (productum). Его употребляютъ при семъ на оплировку вещей или прямо изъ доменной печи, или переплавляя его въ *вагранкахъ* и *воздушныхъ петахъ* *. При семъ для оплировки вещей дѣлаются *формы* песчаныя, глиняныя, или мешаллическія (изложницы).

Получаемый изъ доменныхъ печей въ большомъ количествѣ чугуныъ (разнаго сорта) кромѣ упомянутой оплировки вещей идетъ значною частію на *выдѣлку полосоваго желѣза* (affinage du fer), кошорая производится двоякимъ образомъ: 1) обыкновенною *критною работою*, состоящею въ переваркѣ чугуна въ желѣзистую массу, или *крицу* (loure), выплавляемую въ *критномъ горну* * при сильномъ душень мѣховъ, и попомъ крица сія обжимается подъ вододействуемымъ большимъ *молотомъ* *, гдѣ наконецъ разсѣкается на куски и изъ каждаго куска выпягивается подъ тѣмъ же молотомъ обыкновенная полоса желѣза (кричаго), или *лопасте* (родъ плиты). Изъ сего полсшаго полосаго, или плиткообразнаго желѣза выдѣлывается попомъ кузнечною работою и плющильными вальками (cylindres de compression) *сортное, шинное и листовое желѣзо*. 2) Особенною *Шотландскою методою*, состоящею въ переваркѣ чугуна въ же-

лѣзо на *отражат. воздушныхъ петлахъ* и въ пропускѣ кричныхъ кусковъ между *желобчатыми валками* (cylindres ébaucheurs-étireurs). При семъ производимъ горючимъ матеріаломъ служить *каменной уголь* (houille). Изъ горючаго чугуна и желѣза пригошвляется спаль, копорая бываетъ прехъ соршовъ: 1) *сырая* или *укладъ* (acier naturel), получаемая изъ чугуна, подобно полосовому желѣзу въ кричныхъ горнахъ особенными приѣмами, для чего преимущественно служить чугуны, изъ марганцоватыхъ рудъ выплавленный; 2) *цементная* или *толленая сталь* (acier de cémentation), получаемая чрезъ *цементацию* (прокаливаніе) полосоваго желѣза съ угольнымъ порошкомъ и извесцію, и 3) *литая сталь* (acier fondu), пригошвляемая чрезъ переплавки сырой, или цементной спали въ горшкахъ и выливку ея въ формы брусковъ. Но вообще разные соршы спали прѣбуютъ большаго, или меньшаго улучшения, что называется *рафинированіемъ*, копорое производимъ чрезъ свариваніе, проковку и закаливаніе (trempe) спали въ водѣ, или въ разтопленномъ салѣ, отъ чего спаль дѣлаешся тверже, плотнѣе и получаетъ упругость *. Наилучшіе соршы продажной спали извѣсны подъ именемъ *булата*, или *дамаска* и *вутца* (wootz) (Индѣйская спаль) *, коихъ способъ пригошвленія неизвѣстенъ. Англійскіе

техники *Стодартъ* (Stodart) и *Фарадай* (Faraday) спараются достигнуть онаго многоразличными опытами, сплавля обыкновенную сталь съ разными другими металлами, какъ по: съ нѣкопорою часпю серебра, хромія, особенно же *роділ.*

Самая упопрбишельная изъ желѣзныхъ солей есть *зеленой купоросъ* (sulfate de fer), копорой въ смѣшеніи съ чернильноорѣховою кислотою и дубильнымъ веществвомъ (tannin) образуетъ черные осадки; на семъ основываешся приготоовленіе обыкновенныхъ *тернилъ*, для коихъ лучшей составъ есть: 9 частей (по вѣсу) чернильныхъ орѣшковъ, 3 части желѣзнаго купороса и 1 часть *gummi arabicum*, настаивать съ водою въ тепломъ мѣстѣ и прибавить потомъ нѣсколько для синеватаго цвѣта отвара *каипешу* (синій сандалъ). При смѣшеніи разшвора желѣзнаго купороса съ разшворомъ *синильнокислаго кали*, или кровянаго щелока осаждаешся краска *Берлинская синь*. Кровяной щелокъ, или синильнокислое кали приготоовляется чрезъ накаиваніе поташа съ порошокомъ сушеной крови, при разрушеніи коей въ огнѣ образуется особенное вещество, состоящее изъ азота, углешвора и водопвора и называемое *синильною кислотою* (acide prussique).

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

---

6. Прогіе употребительные металлы.

Свинецъ (plomb). Металль сей опличает-ся особеннымъ сѣрымъ цвѣшомъ, опмѣнною мягкостію и ковкостію, въ 11 разъ тяжелѣ воды, легкоплавокъ и удобноокисляемъ, произ-водя многоразличные окислы, изъ коихъ на-иболѣе извѣсны *глетъ* (litharge) и *сурикъ* (minium); вообще окислы, его сплавляющя въ желтое *стекло*; въ кислотахъ весьма разпво-ряется и образуешь соли сладковашаго вкуса; съ сѣрою и со многими металлами имѣеть большое сродство; изъ разпворовъ осаждаеш-ся дѣйствиемъ сѣководопворнаго газа темно-бурнымъ и даже чернымъ цвѣшомъ, на чемъ основано употреблеііе особенныхъ *симпатиче-скихъ тернилъ* *.

Находится въ рудахъ смѣшанныхъ съ сѣ-рою, кислотворомъ и разными кислотами; получающя въ большемъ видѣ плавкою сы-рыхъ, или обожженныхъ рудъ его.

Изъ свинцовыхъ солей извѣспнѣйшая въ употреблеііи есть *свинцовой сахаръ* (acetate de plomb).

Олово (*étain*). Отличается серебристымъ цвѣтомъ, большою тягучестию (*stanniol*) и мягкостию, при сгибаніи въ пружкахъ издаешъ нѣкоторый шрескъ. въ 7 разъ тяжелѣе воды, легкоокисляемъ и съ удобностию разтворяется въ царской водкѣ; чистое олово, или разтворъ его закиси производитъ въ слабомъ разтворѣ золоша пурпуровой осадокъ (кассіевъ пурпуръ) *, употребляемый для рисовки (на фарфорѣ. Мешалль (сей въ соединеніи съ сѣрою составляешъ особую желтую краску, называемую *муссивныйъ золотомъ*; съ мѣдью образуешъ вообще *бронзу* (пушечной и колокольной мешалль).

Получается въ большомъ видѣ единственно изъ руды *оловяниго камня* (*oxide d'étain*) посредствомъ промывки, обжиганія и плавки онаго.

Ртуть (*mercure*). Сей мешалль въ естественномъ состояніи своемъ представляешъ капельную жидкость, въ 14 разъ тяжелѣе воды, при -32° R дѣлается швердымъ и куется, въ жару обращается въ пары, легкоокисляемъ и удобно разтворимъ въ кислотахъ; съ сѣрою образуешъ краску *киноварь*; съ прочими мешаллами составляетъ *сплавы* *. Въ большомъ количествѣ получается посредствомъ извести, или желѣза изъ киноварныхъ рудъ. Доспопримѣчательныя ртутныя соли :

сладкая ртуть, или *калошеле* (muriate de protoxide de mercure), употребляемая въ медицинѣ, и *сулема* (muriate de deutoxide de mercure), соспавляющая довольно сильной ядъ.

Цинкъ или *шпиаутеръ* (zinc). Опличаеться сребриспобѣлымъ цвѣтомъ, листоватымъ сложеніемъ, въ 7 разъ тяжелѣе воды, хрупокъ и ковокъ при нѣкоторыхъ обспоянелъспвахъ *, легкоплавокъ и весьма окисляемъ, при чемъ въ жару горитъ яркимъ сыневатобѣлымъ пламенемъ, обращаясь въ лепучій окисель (nihilum album) *; удобно разшворяетъ въ кислотахъ и осаждаетъ нѣкоторыя металлы изъ разшворовъ въ чистомъ кристаллическомъ видѣ, на пр. свинецъ (Сапурново дерево) *. Съ мѣдью соспавляетъ *мессингъ* и *латунь*. Окисель сего съ сѣрною кислотою соспавляетъ *бѣлой купоросъ* (sulfate de zinc).

Висмутъ (bismuth). Металлъ желшоватобѣлаго цвѣща, хрупкій, весьма легкоплавкій, удобно окисляемый и разшворяемый въ кислотахъ. Употребляетъся наиболѣе въ медицинѣ и для соспавленія особыхъ *бѣлилъ* (blanc de fard).

Марганецъ (manganèse). Извѣстенъ въ употребленіи покомъ въ видѣ *тернаго окисла* (peroxide de manganèse), который называется *стекляннымъ миломъ*, ибо служитъ для очиспки спекла на фабрикахъ; но пакже и окраши-

дасть оное фіолетовымъ (аметистовымъ) цвѣшомъ.

Мышьякъ (arsenic). Извѣстенъ болѣе въ окисленномъ состояніи (*бѣлой мышьякъ*); но въ соединеніи съ сѣрою составляетъ краски: *желтой* (антритъ) и *красной* (галга) мышьякъ. Вообще металл сей есть ужаснѣйшій ядъ и особенно въ видѣ кислоты (acide arsenique). Присутствіе его въ разсворахъ узнается всего лучше посредствомъ сѣководороднаго газа, съ коимъ производитъ онъ желтой осадокъ *.

Кобальтъ (cobalt). Получается изъ рудъ въ видѣ окисла, образующаго съ голышевою землею синюю огнепостоянную краску, называемую *шмалтою*, служащею для рисовки на фарфорѣ. Разсворы его въ кислотахъ составляютъ особия *симпатическія чернила*, кои при написаніи безцвѣтны, но, будучи нагрѣты, зеленѣютъ *.

Хромій (chrome). Добывается изъ рудъ въ видѣ *зеленаго окисла*, употребляемаго также для рисовки на фарфорѣ. Изъ разсворовъ осаждается кислота его (acide chromique) отъ разсвора серебра краснымъ, а отъ разсвора ртутіи оранжевымъ цвѣшомъ *.

ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА.

I.

Во исполненіе § 22 второй части Устава, Общество, изъявляя благодарность свою нижеозначеннымъ благошворителямъ, долгомъ считаесть извѣстить почтенныхъ чинашелей Соревнователя, что въ теченіе іюня, іюля, августа и сентября мѣсяцевъ сего года, поступили на благошвореніе слѣдующія суммы:
Отъ г. Предсѣдателя Общества **Ф. Н.**

Глинки	10 р.	—
— - Члена Цензурнаго Комитета Н. А. Беспушева	5	—
— - Секретаря Общества А. А. Никишина	10	—
— - Дѣйствительнаго Члена Графа Д. И. Хвостова	10	—
— - Члена Корреспондента В. И. Головина	100	—
Отъ Генераль Маіора Петра Тимоѣевича Денисова	6 р.	20 к.
— — — — — Ефима Миновича Ежова	6	— 20 —

— Полковника Тимоѣя Васильевича Ребрикова	6 — 20 —
— ————— Николая Леоньевича Денисова	6 — 20 —
— ————— Ивана Федоровича Голубя	5 —
— Подполковника Машвѣя Семеновича Бѣлогородцова	6 — 20 —
— ————— Алексѣя Спешановича Леонова	6 — 20 —
— ————— Григорья Михайловича Ляшенки	9 — 60 —
— ————— Михайла Кирѣева	6 — 20 —
— Майора Алексѣя Васильевича Машлыкина	6 — 20 —
— ————— Войсковаго Спаршины Максима Архиповича Копылкова и	} 6 — 20 —
— ————— Андрея Перфильевича Попова	
— ————— Екима Васильевича Мошлыкина	6 — 20 —
— ————— Спешана Андреевича Кушейникова	6 — 20 —
Всего	217 р. 80 к.

II.

Въ печеніе мая, іюня, іюля, августа и сенсября мѣсяцевъ выдано изъ суммы, на благошвореніе опредѣленной:

Пансіонерамъ Общества :

за май, июль, июль, августъ и сентябрь.

Г. Ск . . . . му	125 р.
Г. Аникину	125 —
Г. Фед . . . . ву	125 —
Г-жѣ Ненашевой	75 —

 Всего . . 450 р.

III.

Г. Членъ-Сотрудникъ А. Н. Очкинъ, особеннымъ усердіемъ и трудами обратившій на себя вниманіе Общества, на основаніи §§ 26 и 37 Устава, переименованъ въ Дѣйствительные Члены.

IV.

Общество долгомъ поставляетъ принести искреннюю благодарность свою Совѣту ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, учрежденному при семъ Университетѣ Обществу Любителей Россійской Словесности, г. Адъюнкту Профессору того же Университета Дмитрію Машвѣвичу Перевощикову, Профессору Виленскаго Университета г. Лелевелю и Типулярному Совѣтнику Алексѣю Михайловичу Замяшнину, отъ коихъ оно имѣло честь получить для Библіотеки своей слѣдующее число книгъ: отъ перваго 12, отъ втораго 1, отъ третьяго 5, отъ четвертаго 6 и отъ послѣдняго 84 книги.

ВЗГЛЯДЪ НА УКРАИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Много было говорено противъ умноженія числа періодическихъ изданій; но, кажется, больше можно сказать въ защиту оного. Съ одной стороны журналы ошвлекають опъ чшенія книгъ, которыя полезнѣе ихъ; они поддерживають такую дѣятельность, копорая не много выше праздности; они питають самолюбіе сочинителей, удаляя его опъ степенныхъ трудовъ; они останаавливають ходъ высшего просвѣщенія, довольствуясь однимъ посредственнымъ, слишкомъ легкимъ, даже неопдѣланнымъ, и проч. Съ другой стороны журналы болѣе способствуютъ ко всеобщей образованности, нежели собственно называемыя книги. Подобно весеннимъ ручьямъ, сославляющимся изъ распавшаго снѣга, копорые оживляютъ луга, оплодотворяють иломъ поля, поднимають толстые льды рѣкъ и самому океану несутъ въ дань свои воды, журналы пробуждаютъ дѣятельность умовъ,

раскрываютъ дарованія, соединяютьъ опдаленныя обласни государства въ одно судилище разсудка и вкуса, охлаждають самое закоренѣлое невѣжество къ забавамъ грубымъ и часпо вреднымъ, дають поңяшіе о степени образованности какаго нибудь государства чуждымъ народамъ, ускоряють полезнѣйшія открытія по всѣмъ опраслямъ чловѣческихъ знаній и способствуютъ къ скорѣйшему ходу лучшихъ книгъ, опредѣляя истинное ихъ достоинство.

Вопшь, что думали мы, получивши первыя четырнадцать книжекъ *Украинскаго Журнала* на нынѣшній 1824 годъ. Онъ выходитъ въ Харьковѣ. Его изданіе зависить отъ тамошняго Университета, который составленіе журнала поручилъ Адыюнкпу 8 класса А. В. Складовскому, Члену-Корреспонденту нашего Общества, извѣстному уже опечественной публикѣ пріятными своими стихотвореніями (*).

Пробѣгая разные сочиненія, помѣщенныя въ сихъ книжкахъ журнала, мы увидѣли, что

---

*) *Украинскій Журналъ* выходитъ два раза въ мѣсяць.

Подписная цѣна годоваго изданія 25 р. Для полученія журнала сего можно опноситься въ Правленіе Императорскаго Харьковскаго Университета, или прямо къ самому Редактору.

онъ уже успѣлъ пріобрѣсти свой характеръ, что составляетъ необходимое условіе каждаго періодическаго изданія для лучшаго его хода. Г. Редакторъ говоритъ: „главная цѣль *Украинскаго Журнала* есть: съ распространеніемъ правильныхъ и ясныхъ понятій о благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, вмѣстѣ способствовать и распространенію всеобщаго вкуса къ опечесненной словесности, особенно въ мѣстахъ, Харьковскому учебному округу подвѣдомыхъ, имѣя припомъ въ виду и другія части наукъ и искусствъ, образующія умъ и непосредственно дѣйствующія на нравственность. По сему, сверхъ спашей, какія обыкновенно входятъ въ составъ періодическихъ изданій, въ Украинскомъ Журналѣ особенное вниманіе обращено будетъ на критическій разборъ лучшихъ произведеній опечесненной поэзіи, при руководствѣ самаго строгатаго безпристрастія. Краткія спашьи нравственные, все по учебной части примѣчанія достойное относительно ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета, его учебнаго округа, Института благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ, въ Харьковѣ находящихся, также все, что касается до историческихъ извѣстій, земледѣлія, торговли, промышленности и другихъ достопамятностей Россіи и собственно такъ называемой Украй-

ны, преимущественно будутъ въ немъ помѣщаемо. Сверхъ сего въ концѣ каждой книжки будутъ припечатаны (если не встрѣшатся какихъ либо затрудненій) метеорологическія наблюденія, дѣлаемыя въ Харьковѣ каждыи день поспоянно въ 6 часовъ утра, въ 2 часа и въ 9 часовъ по полудни, а, по открытіи обсерваторіи въ Университетѣ, будутъ помѣщаемы также и астрономическія.“ Это предназначеніе журнала, отличающее его отъ другихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ обѣихъ столицахъ, выполняется съ большимъ успѣхомъ. Между нравственными отрывками, заключающими въ себѣ наставительныя истины благочестія, содержащіяся: 1) *о гордости и смиреніи*, 2) *о терпѣніи*, 3) *о признательности*, 4) *о покаяніи*, 5) *объ отрѣженіи*. Подъ ними не означено именъ сочинителей. Кажется намъ, что сіи статьи начертаны однимъ перомъ, копорымъ водила рука истиннаго христіанина. Къ сему же разряду относятся: 1) *истинная премудрость*; 2) *о брани, какую теловѣкъ долженъ вести съ собою*; 3) *о вѣрѣ*, безъ подписи сочинителей; 4) *объ отношеніи просвѣщенія, нравственности и политики къ истинѣ ибъ откровенія*, рѣчь студента В. Якимова; 5) *о достоинствѣ теловѣка*, сочиненіе Цолликофера, перев. С. Гельфрейха; 6) *о почтѣ*, *проистекающей изъ текніа св. писанія*,

рѣчь протоіерея и профессора И. Х. У. Аеанасія Григорьевича Могилевскаго; 7) *о познаніи Бога изъ природы*, перев. съ нѣмец. Н. Левицкаго; 8) *первый урокъ о бытіи Божіемъ*, перев. съ француз. Ореста Сомова. Крипика въ Украинскомъ Вѣсникѣ составляетъ прекрасный предметъ мыслящаго вкуса. Приговоры ея основаны на предварительной теоріи того произведенія, которымъ она занимается. Въ этомъ родѣ первое мѣсто принадлежитъ до всей справедливости: *разбору оды Ломоносова, избранной изъ Іова*, соч. г. Склабовскаго. На рускомъ языкѣ мало еще разборовъ, которые бы равнялись съ нимъ по благородству мыслей, вѣрности обзора, умеренности въ приговорахъ и справедливости въ замѣчаніяхъ. Нельзя не пожелать, что бы г. Склабовскій чаще украшалъ журналъ свой подобными сочиненіями. Мы еще очень бѣдны крипикою въ истинномъ ея значеніи. *О поэзіи и краснорѣчіи*, сообщ. Адьюнктомъ П. А. Г—ъ изъ Пз. Ш., и *о поэзіи и краснорѣчіи на Востоцкѣ*: обѣ сіи статьи ошличаются вкусомъ и познаніями словесности. *О прекрасномъ натуральномъ*, сочин. (какъ предполагается г. Редакторъ) А. М. Пафнушьева, исполненное истины и чувства. *Разсмотрѣніе книги: философія, основанная на религии*, пер. В. Якимова изъ Biblioth. Univers., достойно вниманія

по важности своего предмета. *О ложныхъ мнѣнiяхъ относительно краснорѣчiя и поэзи*, соч. А. Токарева, заключаетъ въ себѣ много мыслей занимательныхъ. Не входя въ подробное исчисленiе всѣхъ сочиненiй и переводовъ, заключающихся въ У. Ж. по другимъ частямъ, равно любопытныхъ и полезныхъ, скажемъ, что прiятно, удивительно видѣть, какъ истинный свѣтъ ума, благочестiя и вкуса разливаешь въ самыхъ опдаленныхъ краяхъ любезнаго нашего опечеслва. Спихопворная часть У. Ж. конечно не всегда предспавляетъ произведенiя образцовыя: но шамъ встрѣчающся пiесы, ознаменованныя дарованiемъ и вкусомъ. Многiя спихопворенiя г. *Слабовскаго* исполнены вдохновенiя; г. *Дунинъ-Борковскiй* опличаетъ оригинальною веселостiю и счастливыми спихами. Современныя Украинскiя лѣпописи подробны и занимательны. Мы желаемъ полько, что бы г. Редакторъ внушилъ сотрудникамъ своимъ больше спраспи къ опдѣлкѣ прозаическихъ сочиненiй; что бы слогъ ихъ былъ легче и ближе къ слогу лучшихъ нашихъ прозаиковъ; однимъ словомъ, что бы наконецъ словопеченiе руское вездѣ было одно, равно ясное и прiятное.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

1.

Книга: *Добродушнѣй, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ* (съ гравированною карпинкою) продается у придворныхъ книгопродавцевъ Сень-Флорана и Гауера у казанскаго моспа надъ милюшиными лавками по 6 руб. за экземпляръ въ цвѣтной обершкѣ; съ пересылкою въ другіе города 7 рублей.

Тамъ же можно получать остальные экземпляры книги: *Лондонскій пѣствинникъ, или описаніе англійскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтія*, въ двухъ томахъ (съ гравированными карпинками). Цѣна за экземпляръ здѣсь въ С. Петербургѣ 12, съ пересылкою въ другіе города 14 р.

Карпинки въ обѣихъ книгахъ гравированы г. академикомъ Ческимъ.

2.

Правленіе Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Воспитательнаго Дома симъ извѣщаетъ почтенную публику, что вновь вышедшая изъ печати книга: *Сарафанъ, или происшествіе къ тесту купца русскаго, случившееся въ началѣ XVIII столѣтія*, продается въ типографіи онаго же дома. Цѣна за экземпляръ 2 руб. 50 коп., съ пересылкою 3 руб.

Н А У К И.

О С К И Т А Х Ъ (*).

Рѣка время въ своемъ печенѣи
Уноситъ царства и царей.

Державинъ.

Изуспныя преданія, измѣненныя временемъ, скрываютъ во мракахъ неизвѣстности происхожденіе и дѣянія первобытныхъ народовъ. И по смѣшеніи языковъ, при переселеніи людей на поверхности земной, исторія началась съ рожденіемъ письменъ. Но и тогда, по внушенію спрастей и убѣжденію чувственныхъ впе-

---

(*) Извлечено изъ разныхъ сочиненій. Опличенныя печашью выраженія заимствованы изъ разныхъ писателей.

чашлѣній, сильнѣе поражающихъ челоѡка необразованнаго, первые историческіе памятники украшены цѡѡтами воображенія и представляющя въ сверхъестественномъ состояніи. Баснословіе, въ древности, зашмѣвая истину, передало позднему потомству первыя извѣстія о народахъ съ чудесными вымыслами. И имена героевъ въ народныхъ лѣтописяхъ и пѣсняхъ, нерѣдко возвеличенныя названіемъ боговъ и полубоговъ, тамъ были прославлены, гдѣ прежде всего лучъ просвѣщенія началъ озарять первобытныя гражданскія общества. Между шмѣ, какъ страны, менѣе образованныя, но являющія, можешъ бытъ, болѣе доблестныхъ качесствъ, усилія и мужества, не бывъ воспѣшны и описаны, оспались въ неизвѣстности.

Древнихъ Скиѡвъ, или Голѡвъ, обыкновенно почишають народомъ мужественнымъ, возмужавшимъ въ простопѣ воинственной жизни и свободѣ. Но извѣстія сіи основаны большею частію на догадкахъ: и громъ дѣяній ихъ для насъ исчезъ въ баснословныхъ преданіяхъ,

превозходящихъ всякое вѣроятіе. У Грековъ дѣйствіе спрасней было облагорожено поэмами; а у Скиѳовъ не было особаго сословія посвятившихся наукамъ и художествамъ, кои бы могли спокойно заниматься искусствомъ, сообщать мысли свои отсутствующимъ, или передать оныя потомству на корбѣ древесной. Сбиваясь въ памяти, рассказывавшихъ и въ мысляхъ слушателей, прежнія сказанія ослабѣвали, а новыя приводили ихъ въ забвеніе. И потому не опечесшвенные памятники, но воспоминанія Грековъ, кои, не рѣдко смѣшивая имена и дѣянія героевъ съ богами, и по внушенію спрасней находя въ обыкновенномъ чудесное и въ великомъ малое, сообщили намъ большею частію сбивчивыя и неосновательныя извѣстія о Скиѳахъ, древнихъ обитателяхъ Россіи, одного изъ первенцевъ, низшедшихъ изъ рукъ Создателя, народа мудраго, мужественнаго и древнѣйшаго обладателя сѣверныхъ странъ Европы (*).

(*) Ислѣдованія о происхожденіи рускаго народа, Сесиренцевича Богуша, стр. 20.

Переселяясь мысленно въ прошекшія спольшія и опыскивая во мракахъ ночи первоначальное бышіе и подвиги славныхъ въ древности народовъ, мы видимъ, что Египтяне прежде всѣхъ извѣстны въ исторіи, которая упоминаетъ о первомъ ихъ царѣ Менесѣ за 2500 лѣтъ до Р. Х. Развалины капищъ въ Тебаидѣ, повѣствованіе о лабиринтѣ, Меридовѣ озерѣ, о Мемноновой сшашуѣ, издававшей голосъ при восхожденіи солнца, и многія узаконенія и сохранившіеся до насъ обряды доказываютъ, что въ семъ государствѣ обиталъ народъ просвѣщенный. Украшенные таинственными іероглифами огромные обелиски и пирамиды, плоды многихъ лѣтъ, трудовъ и издвигеній многочисленнаго народа, гробницы, скрывавшія въ себѣ царей, достойныхъ памяти народной, изображаютъ современныхъ дѣла воинственнаго Сезостриса и другихъ фараоновъ, покровителей учености. Наконецъ фарось, почитаемый седмымъ чудомъ свѣта, и знаменитый музей Александрійскій, гдѣ изъ числа хранившихся 760,000 книгъ, какъ намъ извѣстно,

большая половина сдѣлалась добычею пламени во время войны Цезаря, а другая расхищена Калифами, напоминающъ о той классической странѣ, въ коей Пифагоръ, Платонъ, Ликургъ, Солонъ и другіе мудрецы почерпали просвѣщеніе, и со многими предметами, заслужившими уже бессмертіе, поражаютъ нынѣ удивленіемъ наблюдательнаго путешественника-историка, который на берегахъ Нила опыскиваетъ колыбель письменъ, испытавъ гражданской образованности.

Изъ Библии 70 полковниковъ (*), признанной Восточною церковію за исправнѣйшую, переведенной шѣми Іудеями, кои во времена Птоломеевъ перешли въ Египетъ и говорили языкомъ греческимъ, узнаемъ мы объ израильскомъ народѣ, раздѣленіи его между 12 сыновьями Іакова, о господствѣ Египтянъ надъ Іудеями и освобожденіи ихъ при царѣ Аменофисѣ, и о возвращеніи попомковъ Авраамовыхъ въ обѣшанную землю,

---

(*) Находилась въ Александрійскомъ книгохранилищѣ.

гдѣ образовалось у нихъ новое правленіе и началась новая испорія. Въ священномъ писаніи мы видимъ, что, между многими важными произшествіями, царь Давидъ, послѣ поржества своего надъ внѣшними врагами, успокоивъ всѣ внутренніе мятежи, возбудивъ въ подданныхъ величіемъ обрядовъ Богослуженія усердіе къ вѣрѣ и возродивъ вкусъ къ наукамъ и художествамъ, оплакивалъ попомъ участь своего государства, содѣлавшагося жертвою войны, язвы, голода, ропота и бунта, неминуемыхъ слѣдствій бѣдствующаго народа. Союзъ Хирама и славный храмъ, воздвигнутый Соломономъ, предметъ удивленія современниковъ, знамениты въ народныхъ лѣтописяхъ. Премудрость Соломона обратилась въ половицу вѣковъ, и въ Эклезіастѣ доказывается его знаніе человѣческаго сердца. Но сей премудрый государь, содѣлавшись попомъ рабомъ своихъ спрашпей, являеть, съ примѣромъ разврата на престолѣ, и причину паденія своего государства, раздѣленного по смерти его на Іудейское и Израильское, кои неодно-

крашно испышывали перевороты, и въ слѣдствіе ихъ Іерусалимъ ошъ оружія Римскаго палъ, и его царство. исчезло съ лица земли.

Словесныя преданія, украшенныя вымыслами, и древнія лѣпописи, народныя пѣсни, изваянія, жертвенники и другіе памяшники, иногда самыя грубыя изображенія, едва напоминающія подвиги героевъ, сославляющъ сущность археологическихъ изысканій Геродоша, копорый почши за пять вѣковъ до Р. Х. родился въ Галикарнасъ, и, пушешествуя въ Самосъ, Египтѣ, Италіи и всей Греціи, первый изъ древнихъ историковъ, намъ извѣстныхъ, въ девяти своихъ книгахъ, посвященныхъ *Музіидъ*, передалъ попомству исторію великихъ государствъ ошъ Лидійскаго царя Гига до изгнанія Ксеркса изъ Греціи. Въ самой ошдаленной древности упоминаешся о славѣ Финикіанъ въ торговлѣ и искусствѣ мореплаванія; о мужествѣ Бактріанцевъ, за ушесами своихъ горъ оспоривавшихъ побѣды Нина; объ успѣхахъ завоеваній и богатствахъ Ассиріанъ и Вавилонянь, приобрѣшенныхъ

на Востокъ; о славныхъ именахъ Навуходоносора и Семирамиды, доспавившихъ обширной монархіи своей гордое наименованіе *Восточной царицы*, въ коей государи прребовали одинакихъ почестей съ богами и называли себя *царями царей*. Но сей колоссъ, не на народныхъ доблестяхъ сооруженный, заключавшій въ основаніи своемъ смена развраща и разрушенія, палъ подъ ударами возмущившихся невольниковъ, кои, съ окровавленными мечами и преисполненные злодѣянїями, срывали свои оковы, чшобы пастъ предъ новымъ деспотомъ: и Вавилонъ, покоренный оружіемъ Кировымъ, вмѣстѣ съ Іудеею, Миціею и другими государствами, сосшавиль обширную монархію Персовъ, въ свою очередь павшую опъ малочисленнаго, но мужественнаго воинства Александра Македонскаго, по смерти коего завоеванія раздробились на части, какъ огромное зданіе, на исплѣвавшемъ основаніи воздвигнутое.

Въ краснорѣчивыхъ дѣписанїяхъ, воспламененныхъ душевною силою и игрою

спрасшей древнихъ писателей, первыя извѣстія о Грекахъ заключающіяся въ разсказахъ о междоусобныхъ войнахъ между Элинами и Пелазгами, Віошянами и Оливянами, о возникнувшемъ соревнованіи въ славѣ оружія и наукъ между Аѳинами и Спаршою, господствующими республиками. Попомки поселенцевъ малой Азіи, избравшихъ Грецію опечеспвомъ, говоря языкомъ Омера, и послѣ Драконовыхъ законовъ, начертанныхъ кровію, покоряясь мудрости Солоновой и Ликурговой, и имѣя въ Ареопагѣ верховное блюстилице народныхъ добродѣтелей и законовъ, изъ полуцигровъ являющіяся народомъ просвѣщеннымъ, у коего Софокловы трагедіи, Фадіасовы истуканы и кисть Праксипеля и Апеллеса украшали общественныя изрѣлища. Въ сокровенныхъ таинствахъ Элевзинскихъ заключались обряды богослуженія и первыя сѣмена философіи, кои заимствовали Эалесь, Сократъ, Платонъ и другіе мудрецы. Съ успановленія игръ Олимпійскихъ завѣса баснословія начала исчезать. Уже дѣянія народовъ не были болѣе основаны на др-

гадкахъ. Исчисленіемъ Олимпіадъ съ большею досповѣрносцію поспешенно опредѣлено время. Въ знамениомъ походѣ Аргонавтовъ за золотымъ руномъ въ Колхиду, нынѣшнюю Мингрелію, подъ предводительствомъ Язона, царя Фессалійскаго, воспѣномъ Орфеемъ за XII вѣковъ до Р. Х., мы видимъ предпріятія Грековъ въ шорловѣ и познанія земнаго круга. Греки открыли путь чрезъ Гелеспонсъ и Веспоръ Фракійскій въ Черное море. Въ семъ любопытномъ стихотвореніи, основанномъ на древнихъ преданіяхъ, скрываются опдаленнѣйшія извѣстія о Скиѣахъ. Тамъ названы: Кавказъ, славный баснословными муками несчастнаго Прометея, рѣка Фазисъ, нынѣ Ріонъ, Меопическое, или Азовское море, Веспоръ, народъ Каспійскій, Тавры и Киммеріане, древнѣйшіе обитатели нашихъ опечеспвенныхъ странъ (*).

Пламенное воображеніе вдохновеннаго Омера, живописуя паденіе Гектора при разрушеніи Трои, высокоомѣрие Ага-

---

(*) Жарамз. Ист. Росс. Г. т. I, стр. 4.

мемнона, храбросць Ахилла, мудросць Неспора и хитросць Улліса, очаровашельною кистію облагородило самыя морскіе разбой и грабежи (*), представляя ихъ воинскими доблестями героевъ и показывая взаимныя сношенія народовъ и подвиги ихъ. Въ самыхъ вымыслахъ о похищеніи Парисомъ прелесшной Елены мы видимъ усилія ихъ къ свободному мореплаванію и необходимости разрушить Трою. Но въ поже время, какъ мы, увлеченные гласомъ лиры и и волшебною силою вымысловъ, пресеяемъ въ предѣлы идеальнаго міра, гдѣ, бесѣдуя съ богами, соучастпвовавшими въ разрушеніи Иліона, забываемъ о земномъ, свѣшпильникъ Кліи въ рукахъ Омера, освъщая древніе памяшники и разсвѣвая

(*) Греки, особенно до войны Троянской, извѣспны были своимъ разбойничеспвомъ на моряхъ, и не шолько не почишали его позорнымъ ремесломъ, но посшавляли за чеспъ. По свидѣпельспву Фукидида они привѣспшвовали другъ друга: не чеспный ли ты разбойникъ? *Прим. Сог.*

мраки неизвѣспности, указываетъ намъ подвиги давно минувшихъ лѣтъ, изъ тлѣнія вновь созидаетъ царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ, съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣланіями (*), изъ неизвѣспности выводилъ на поприще свѣта шѣ народы, о коихъ древнія лѣтописи умалчиваютъ.

Время передало потомству красно-рѣчивыя повѣспованія Фукидида и Ксенофона за IV столѣтія до Р. Х., описавшихъ нападеніе Ираклидовъ на Пелопоннись и важнѣйшіе перевороты, понудившіе Эолянъ, Іонянъ и Дорянъ, оставивъ опечесство, возжечь еиміамъ въ храмахъ наукъ и художествъ на берегахъ Эгейскаго моря и въ малой Азіи. По словамъ Цицерона, Фукидидъ, уважаемый Демосееномъ (**), былъ справедливый повѣспователь знаменитыхъ дѣланій. Нѣжноспь и ясность выраженій, кои дославили сочинителю

(*) Карамз. въ предисловіи, стр. XI.

(**) Ушверждають, что Демосеенъ переписывалъ восемь разъ Фукидидово сочиненіе.
Прим. Сопин.

название *Аттигеской пчелы*, составляющъ опличительныя черты въ повѣствованіи Ксенофона, великаго полководца, историка и философа, который, скончивъ повѣствованіе Пелопониской войны, описалъ возмущительныя предиріашія младшаго Кира противъ брата его Артаксеркса Мнемена, отшугленіе 10,000 Грековъ изъ Персіи подъ своимъ предводительствомъ, и составилъ нравственныя, оспроумныя наставленія государямъ, подъ названіемъ *Киропедіи*. (*)

Дошедшіе до насъ опрывки знаменитыхъ пвореній Саллюстія Криспа и Тита Ливія, современниковъ Юлія Цезаря и Августа, и наконецъ лѣтописи Корнелія, Тацита и другихъ писателей, жившихъ при императорахъ, объясняютъ намъ судьбу могущесшвеннаго Рима, со славою и паденіемъ коего явились новые народы и новая испорія. Плодородная земля и теплый климашъ Италіи, гдѣ

(*) Сципіонъ Африканскій и Лукуллъ занимались непреспанно чтеніемъ сей книги.
Пр. Согин.

издревлѣ обитали Иверы, Авзоны, Умбры, Сикулы и Эпруски, народы дикіе, привлекли изъ Аркадіи, около XV вѣка до Р. Х., Пелазговъ и другихъ Грековъ, кои подъ предводительствомъ Певкестія Энопра, а особенно Анпенора, князя Троянскаго, сдѣлались извѣстны въ древнихъ лѣтописяхъ своими поселеніями. Но времена сіи баснословны, и самыя подвиги украшены вымыслами пламеннаго воображенія Грековъ. Послѣ разоренія Трои, сынъ несчастной веспалки Сильвіи, пощомокъ Энея, Ромуль положилъ основаніе Риму. Изъ скопища бродягъ, при неисповсплвѣ языческава не прешанно обагрившихъ землю чловѣческою кровію, воздвигнушый имъ градъ явился споллицею вселенной, предписывающею законы древнему міру. На сокрушенной власти Тарквиніевой возникла гражданская свобода, гдѣ народныя прибуны, избранныя изъ сословія гражданъ для соблюденія народныхъ правъ и равновѣсія между народомъ и патриціями, вооружались прошивъ самовластія. Капишолій сдѣлался судилищемъ царей.

Науки и художества, споривъ въ соревнованіи съ древнимъ своимъ опечесшвомъ, Грецію, породили вкусъ въ Римлянахъ, особенно во время Юлія Цезаря, и подъ сѣнію оружія побѣдоносныхъ легионовъ разпространяли свой свѣтъ въ странахъ покоренныхъ, кои, подъ игомъ завоевателей, познали законы природы, гражданства, а вмѣстѣ съ шѣмъ и утрату своей вольности (*).

Исторія Греціи и Рима, по различнымъ своимъ сношеніямъ въ цвѣтущіе дни образованности ихъ, наиболѣе поражаетъ удивленіемъ насъ въ то время, когда воинственные ихъ граждане, ослѣпленные еще блескомъ роскоши, ложными украшеніями, вредящими истинному вкусу и добродѣтели, подражали въ искусствахъ и узаконеніяхъ простой природѣ и управляемы были благороднымъ влеченіемъ спрассей, поспешенно измѣнявшемся. Воспоминая о дѣяніяхъ Спарты и Аѳинъ при Периклѣ, Мильшіадѣ,Themistocle, о блистатель-

---

(*) L'histoire de Charles Quint, par Robertson, t. I. sec. I.

ныхъ подвигахъ великаго Александра, о соревнованіи между Карфагеномъ и Римомъ, о трудностяхъ Аннибаловыхъ походовъ и о побѣдоносныхъ легіонахъ Сципіона, Марія и Юлія Цезаря, попрысавшихъ могущество сильнѣйшихъ государствъ, мы обращаемъ вниманіе не на одно ихъ искусство въ воинскомъ дѣлѣ, но на самое сословіе и успѣхи ихъ гражданской образованности, отличительныя черты исторіи.

Любовь къ опеческву Грековъ, *всцѣсившихъ плодъ дѣлательной свободы и богатой вымыслими философіи*, приводила въ цвѣшущее состояніе ихъ законодательство, одушевляла ихъ духомъ независимости. Изъ народныхъ преданій и памяшниковъ, до нашихъ временъ сохранившихся, мы видимъ, что во всѣхъ важнѣйшихъ переворотахъ блистательныя ихъ подвиги происходили отъ нѣкоего вдохновенія. Сильныя спрасши были пружинами дѣйствія. Въ исторіи Греціи и Рима многіе примѣры подшверждаютъ сію истину и показываютъ торжество гражданской свободы надъ многочислен-

ными врагами. Древнія лѣтописи научающъ насъ, что Греки съ малымъ числомъ войска опрокидывали грозныя ополченія Персовъ, коихъ корабли, по словамъ поэтовъ, снѣсняли печеніе волнъ морскихъ, и кои пучею копій и стрѣлъ помрачали дневный свѣтъ. Народныя добродѣтели замѣняли у нихъ многочисленность. Военственные граждане для своей защиты употребляли всю силу швердосши и единокудіа, уничтожавшихъ самыя победы непріятелей. Въ цвѣтуція времена Аѳинъ и Спаршы невозможно было покорить ихъ побѣдою: надлежало, искоренить ихъ; ничто не могло вознаградить ихъ потерю свободы. Если иногда врагъ, пользуясь междоусобными раздорами, успѣвалъ вторгнуться въ ихъ предѣлы; но сія же самая любовь къ свободѣ побуждала немедленно всѣ сообщества соединиться и совокупными силами изгнать его. Напротивъ того у Персовъ одно войско принимало участіе, сражалось безъ мужества, не бывъ побуждаемо истинными чувствами, безъ коихъ раболѣпствующіе жители не принимаютъ участія въ войнѣ, и даже въ

нихъ раждающя шайныя желанія къ низверженію шой власпи, которая ихъ угнѣшаешъ. Такимъ образомъ испорія говоришь: Александръ заспупилъ мѣсто Дарія на персидскомъ престолѣ, подобно какъ въ позднѣйшія времена Чингисъ Ханъ и Тамерланъ завоевали Азію, и какъ Тапары, покоривъ Кишай, возводили на пронъ сего сильнаго государства своихъ полководцевъ, коимъ не доставало стихотворцевъ, чтобы быть сколько же прославленными, сколько греческіе герои. Но въ самыхъ сихъ народныхъ лѣтописяхъ мы видимъ, сколь различны были дѣйствія Аннибаловы и Римлянъ въ сравненіи съ сими подвигами. Карфагенскій вождь, испребивъ 150,000 непріятелей въ шрехъ важныхъ битвахъ, едва могъ овладѣть нѣсколькими бѣдными городами. Римляне въ печеніе 500 лѣтъ кровопролитными побѣдами своими и усилями усилили не поработилишъ малочисленные свободные народы Испаліи, но подчинили ихъ своей зависимости. Между шѣмъ, пожертвовавши миллиономъ людей въ шрехъ ужаснѣйшихъ войнахъ, они едва могли раз-

рушишь Карфагенъ. Причина сего различія, скажетъ полиптикъ, производишь отъ вліянія народнаго духа и образа правленія, кошорое, будучи основано на законахъ, охраняется любовью гражданъ, война дѣлаешся народною, всякой вооружаешся и сражаешся за величайшее добро въ свѣтѣ: за свободу государства. И сія истина подтверждена паденіемъ Рима и другими событіями всѣхъ временъ. Римляне сдѣлались искусными въ военномъ дѣлѣ потому, что взирали на войну, какъ на школу, на непріателя, какъ на своего наставника; каждое поражение почисляли урокомъ: и, имѣя Пирра и Аннибала своими учителями, они научились побѣждать и Мидридаша. Но самое ихъ усиліе и упорство происходили отъ того, что они умѣли господствовать надъ собою, не шеряли бодрости и были выше своихъ несчастій. „Римляне возмужали „подъ кровомъ мудрыхъ гражданскихъ установленій: снротій ихъ языкъ, снротіе и долго благочесивые нравы, вла- „дѣчній духъ сановниковъ и вельможъ, „все пишало въ Римѣ любовь къ отече-

*

„спву. Но привязанность къ родинѣ не
 „совмѣстна съ власполюбіемъ: Римляне
 „помышляли единственно о завоеваніяхъ,
 „спремились распространить свое вла-
 „дѣчество, и вскорѣ пересѣлали любящъ
 „свое, содѣлались гражданами, или, лучше
 „скажешь, пришѣснишелями вселенной.“

Въ семь заключающіяся любопытныя
 воспоминанія о Грекахъ Римлянахъ и наро-
 дахъ, имъ извѣстныхъ, коихъ преданія и
 уцѣлѣвшіе до нашихъ временъ историче-
 скіе памятники сославляютъ пріятныя
 и поучительныя предметы для человѣ-
 ческаго разума. Но древніе лѣтописцы ог-
 раничиваютъ свои повѣствованія сею
 только малою половиною земнаго шара.
Сѣверъ восточной Европы, огражденный пу-
стынями и свирѣпствомъ варваровъ, кото-
рые по нимъ скитались, оставался еще
землею таинственною для исторіи. Всѣ полу-
 ночныя страны до самаго Рейна, въ древ-
 ности извѣстнаго подъ именемъ Визиру-
 са, назывались Скиѣіею, по свидѣтельству
 историка Эора, жившаго за 350 лѣтъ до
 Р. Х., такъ какъ безъ разбору именовали
 полуденную часть міра Эіопіею, запад-

ную Кельшикою, а воспочную Индією (*). Кельшы, поселившіеся по шу сторону сей рѣки, кои во времена Тарквинія Приска нападали на верхнюю Италію и ушвердились при рѣкѣ По, опличались воинскими уснѣхами, занимались скошоводствомъ, какъ кочующій народъ, и звѣриною ловлею, единственнымъ и важнѣйшимъ предметомъ ихъ пропитанія. Жрецы, подъ именемъ Друидовъ, были одни учеными; а спихошворцы, Барды, своими пѣснями, особливо въ войнѣ, возбуждали храбрость. Кишай, хошя и соспавлялъ государство, но о немъ мы узнали послѣ изъ собственныхъ его писашелей. О Скиѣахъ древнѣйшія извѣстія большею частию скрываюцца подъ завѣсою баснословія, кошораго нельзя сравнивать съ дѣйствительными историческими познаніями. „Вѣковъ за пять, или болѣе, до Р. Х., сказано въ нашей исторіи (**), Греки завели селенія на берегахъ Черноморскихъ. Ольвія, въ 40 верстахъ отъ

(*) Исторія Рос. госуд., Карамзина, Т. I., стр. 10.

(**) Тамъ же, гл. 1, стр. 5.

устья Днѣпровскаго, построена выходцами Милетскими. Еще въ славныя времена Мидійской имперіи называлась она счастливою по своему богатству, и существовала до паденія Рима. Въ благословенный вѣкъ Траяновъ образованные ея граждане любили читать Платона и, зная наизусть Илиаду, пѣли Омеровы стихи. Паншикапея и Фанагорія были столицами знаменитаго царства Воспорскаго, основаннаго азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго пролива. Городъ Танаисъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ къ сему царству. Но Херсонъ Таврической, коего начало неизвѣстно, хранилъ вольность свою до временъ Митридатовыхъ. Сии пришельцы, имѣя торговлю и шельскую связь со своими единоземцами, сообщали имъ вѣрныя географическія свѣдѣнія о южной Россіи: и Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Р. Х., передалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ произведеніи.“

Ошъ него узнаемъ мы о Сарматахъ и Скиѣтахъ (*), кои обитали, по словамъ

(*) Histoire d'Herodote, par Miot.

Спрабона спустиа, 50 лѣтъ по Р. Х. жившаго, вдоль сѣверныхъ береговъ Азовскаго моря, и подъ названіемъ коихъ, по мнѣнію нашихъ писателей, заключающія Славяне и Чудь, составившіе рускій народъ (*). Рѣка Танаисъ, Донъ, раздѣляла Скиѣю европейскую отъ азіатской, которая, по словамъ Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлѣсною. Только между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса, гдѣ жили Греки, именуемые Тиришами. Пространство сей земли простиралось отъ запада на востокъ отъ рѣки Истра, или Дуная, до Кассинскихъ хребтовъ, раздѣлявшихъ ее отъ нынѣшняго сѣвернаго Кишая. На сѣверъ она касалась Ледовитаго моря. Индѣйское море, Кавказскія горы и море Каспійское служили ея границею на полдень. Народъ, обитавшій въ сей обширной странѣ, раздѣлялся на многія племена, о коихъ ска-

---

(*) Древняя рос. исторія отъ начала русскаго народа до кончины В. К. Ярослава I, (до 1054), часть I, гл. I.

зано въ исторіи (*): „вели жизнь кочевую подобно Киргизамъ, или Калмыкамъ; болѣе всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: вездѣ настигашъ непріятелей, и вездѣ отъ нихъ скрывашься; однако жъ шерпѣли греческихъ поселенцевъ въ странѣ своей; занимшвовали отъ нихъ первыя начала гражданскаго образованія: и царь скиѣскій построилъ себѣ въ Ольвіи огромный домъ, украшенный рѣзными изображеніями сфинксовъ и грифовъ. Каллипиды, смѣсь дикихъ Скиѣовъ и Грековъ, жили близъ Ольвіи къ западу; Алазоны въ окрестностяхъ Гипаниса, или Буга; такъ называемые, *Скиѣи-земледѣльцы* далѣе къ Сѣверу на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сіи три народа уже сѣяли хлѣбъ, и шорговали имъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ 14 дняхъ пуши отъ его устья (въроятно близъ Кіева), между *Скиѣами-земледѣльцами* и кочующими, было ихъ царское кладбище, священное для народа и неприступное для враговъ. Главная орда, или *царственная*,

---

(*) Карамзина Рос. Истор., Т. I., гл. 1., стр. 6.

кочевала на востокъ до самаго Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ жили Тавры, можешъ бышь, единоплеменники древнихъ Киммеріанъ; убивая иноспранцевъ, они приносили ихъ въ жертву своей *Богинѣ-дѣвицѣ* . . . Геродотъ пишешъ еще о многихъ другихъ народахъ не-Скиѣскаго племени: Агаѳирсахъ въ Седмиградской области, или Трансильваніи, Неврахъ въ Польшѣ, Андрофагахъ и Меланхлонахъ въ Россіи. Жилища послѣднихъ находились въ 4000 стадіяхъ, или въ 800 верстахъ ошъ Чернаго моря къ сѣверу, въ ближнемъ сѣдствѣ съ Андрофагами. Тѣ и другіе питались человѣческимъ мясомъ. Меланхлоны назывались такъ ошъ черной одежды своей. Невры обращались ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ, шо ешъ, зимою покрывались волчьими кожами. За Дономъ, на степяхъ Аспраханскихъ, обитали Сармашы, или Савромашы; далѣе, среди густыхъ лѣсовъ, Будины, Гелоны (народъ греческаго произхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость), Ирки, Фиссагешы (славные звѣроловствомъ), а на востокъ ошъ нихъ скиѣскіе бѣглецы ор-

ды царской. Тушь, по сказанію Геродоша, начинались каменистыя горы (Уральскія) и страна Агриппеевъ, людей плосконосыхъ (вѣроятно, Калмыковъ). Доселѣ ходили обыкновенно шорговые караваны изъ городовъ Черноморскихъ: слѣдственно мѣста были извѣстны, также и народы, копорые говорили семью разными языками. О дальнѣйшихъ *полуночныхъ* земляхъ носился единственно темный слухъ. Агриппеи увѣряли, что за ними обитающъ люди, копорые спящъ въ году шесть мѣсяцевъ, чему не вѣрилъ Геродотъ, но что для насъ понашно: долговременныя ночи хладныхъ климатовъ, озаряемыя въ печеніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одними сѣверными сіяніями, служили основаніемъ сей молвы. На воспокъ отъ Агриппеевъ (въ великой Ташаріи) жили Исседоны, копорые сказывали, что не далеко отъ нихъ *грифы стрегутъ* золото. Сіи баснословныя грифы кажутся отчасти историческою истиною, и заставляющъ думать, что драгоценныя рудники южной Сибири были издревлѣ знаемы. Сѣверъ вообще славился тогда сво-

имъ богашствомъ, или множествомъ золота. Упомянувъ о разныхъ ордахъ, кочевавшихъ на воспокъ отъ моря Каспійскаго, Геродотъ пишетъ о главномъ народѣ нынѣшнихъ Киргизскихъ степей, сильныхъ Миссагетахъ, побѣдившихъ Кира, и сказываеши, что они, сходствуя одеждою и нравами съ племенами ские-скими, украшали золотомъ шлемы, поясы, конскіе приборы, и не, зная желѣза, ни серебра, дѣлали палицы и копья изъ мѣди.“

Общее свойство всѣхъ сихъ народовъ было военное мужество. О нѣкоторыхъ изъ ихъ племенъ писатели говорятъ, что они поклонялись солнцу, или, въ образѣ меча, богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ, и въ воспоминаніе своихъ подвиговъ выпивали, вмѣсто сосудовъ, изъ череповъ кровь убитыхъ ими непріятелей. Ихъ законы, нравы, обряды богослужебные и общественные вѣроятно не были одинаковы. Они жили въ различныхъ странахъ, нынѣ составляющихъ одно сильное царство. По сей причинѣ древніе писатели различно о

нихъ повѣствующъ. Нѣкоторыя намъ изображаютъ ихъ, какъ самыхъ добродѣтельныхъ людей, другіе ихъ обвиняютъ въ порокахъ самыхъ гнусныхъ (*).

Кажется, образъ правленія ихъ былъ монархическій и престоль наследственный. Но неизвѣстно, воля ихъ царей была ли безредѣльною? Можно думать, что монархъ болѣе былъ главою народа, а верховная власть дѣйствительная и существенная находилась у послѣдняго. Сіе заключеніе было бы справедливо, если бы мы были удостовѣрены, что судопроизводства ихъ совершались законнымъ порядкомъ, и рѣшеніе дѣлъ не зависѣло отъ дѣйствія минушнаго возмущенія. Но изъ достигшихъ преданій не возможно сдѣлать никакаго о семъ заключенія. Одно звѣрское обыкновеніе, совершаемое при погребеніяхъ ихъ царей, уничтожаетъ мысль о вольномъ народѣ. Пятьдесятъ свободныхъ юношей, умерщвляемыхъ вмѣ-

---

(*) Histoire d'Herodote, suivie de la vie d'Homere., par Miot. 1812. (Melpomene).

спѣ съ своими конями, и набишыхъ соломою, должны были окружать гробницу погребеннаго монарха. Народъ былъ въ полной увѣренности, что прахъ его, сдѣлавшись предметомъ богочишанія, изъ основанія самой могилы пребудетъ приношенія себѣ такой жертвы. Опытъ людей свирѣпыхъ, необразованныхъ не возможно ожидать правленія, основаннаго на справедливости народныхъ правъ. Воинская слава ихъ конечно заключалась въ разбожъ и грабительствахъ; жестокость управляла дѣянїями; власть сильнаго была закономъ слабому. По сему ничего нельзя сказать достовернаго объ образѣ правленія древнихъ Скиѳовъ, какъ о самомъ порядкѣ бывшихъ царей. Начало, продолженіе и конецъ царствованій нигдѣ не означены, и весьма немногихъ происшествій можно опредѣлить время.

Первый скиѳскій царь, о которомъ исторія насъ извѣщаетъ, есть Сугиль. Онъ, по неосступной просьбѣ Ориѳи, амазонской царицы, послалъ ей на помощь великое число конницы противъ Фезел, царя аѳинскаго. Но, по возникшему

на пуши несогласію, скиѣскій князь Панасогоръ возвратился съ воинствомъ, оставивъ союзниковъ, которые были совершенно непріятелемъ разбишы. Здѣсь кспати упомянуть объ Амазонкахъ. Имя сихъ героинь было споль извѣстно въ испоріи, что нельзя не говорить о нихъ въ особенности, хотя много баснословнаго въ повѣспвуемомъ о нихъ находидся, такъ какъ вообще все сказанное о Скиѣсахъ нельзя принять за досповѣрное (*).

Разсказываютъ, что молодые государи скиѣскіе, Гилиній и Сколопипъ, происками непріятелей изгнанные изъ своего опечесства, удалились съ своими женами и многочисленнымъ юношесствомъ въ Кападокію, гдѣ и овладѣли равнинами Темискиры близъ рѣки Термодона. Но, послѣ пораженія Скиѣовъ, жизнь заплачившихъ за причиненныя ими грабительства въ сосѣдственныхъ земляхъ, спрахъ рабства и мщенія, внушая ихъ женамъ не успрашимось, коей новѣйшая испорія

(*) Abrégé de l'histoire Universelle, par M. Vauvillers, 13 Livr., p. 117.

не много часпныхъ примѣровъ намъ пред-
спавляешъ, побудиль ихъ вооруженною
рукою, подъ предводительствомъ двухъ
между ними храбрыхъ женъ; по имени
Лампедо и Марезіи, напасъ на убійць
мужей своихъ съ такимъ мужествомъ и
успѣхомъ, что онѣ принудили ихъ про-
сипъ у себя мира. Въ слѣдствіе сего од-
но изъ достопримѣчательныхъ условій
было то, чтообы двумъ симъ народамъ
жишь вмѣстѣ, ежегодно по одному мѣся-
цу для продолженія ихъ рода; попому что
наши героини, рѣшившись не имѣшь болѣе
супруговъ, изгнали и умертвили всѣхъ му-
щинъ, оставшихся между ними. Дочери,
рожденныя опъ сего крапковременнаго
супружества, жили съ своими маперями.
Онѣ ихъ пріучали къ звѣриной ловлѣ и ко
всѣхъ военнымъ подвигамъ. Опъ младен-
чества имъ припекали грудь съ правой
стороны, чтообы сдѣлашь ихъ способнѣй-
шими къ напягиванію лука: опъ чего
произошло имя *Амазонокъ*. Поспавили
закономъ, чтообы ни одна дѣвица не
вступала въ бракъ, не поразивъ пре-
жде собспвенною рукою непри-

япеля своего. Ихъ завоеванія, знамениты въ Азіи, гдѣ онѣ построили много городовъ. По смерти Маресіи, поселившейся въ сей странѣ для приобрѣщенія новыхъ земель, корона досталась двумъ новымъ царицамъ: Антиопѣ и Ориеи. Когда онѣ вели вѣншнюю войну, Геркулесъ и Фезей напали и побѣдили Антиопу, не взирая на мужество ея сестерь Меналиппы и Ипполиппы, дерзнувшихъ вызвашъ на поединокъ сихъ двухъ героевъ и доставшихся имъ въ плѣнъ, изъ коихъ Меналиппу Геркулесъ возвратилъ царицѣ, получивъ оружіе за ея выкупъ, а Фезей отвелъ съ собою другую, и имѣлъ ошъ нея сына Ипполита.

Ориея, узнавъ о семъ несчастіи, просила помощи ошъ скиѣскаго государя, для ошмщенія за своихъ сестерь: но, будучи оставлена, какъ выше сказано, Панасагоромъ, она была шакже побѣждена, и удалась къ нему же въ странъ. Онъ ей помогъ возвратно привести войско въ ея землю. Она имѣла преемницею Пендизелею, воевавшую при осадѣ города Трои, и павшую ошъ руки Пирра. Всѣ

почти Амазонки, ею приведенныя на помощь къ Пріаму, погибли въ сраженіяхъ, и съ сего времени слава имени и ихъ государства начинала исчезать и рушилась при Фалеспріи, кошорая извѣстна только своимъ побѣдомъ къ Александру великому.

Греки, описывая пораженія Амазонокъ близь рѣки Фермодона, не опредѣляютъ времени, и упоминаютъ только то, что послѣ сей побѣды великое число плѣнницъ повезли на шрехъ большихъ корабляхъ. Невольницы взбунтовались противъ нихъ и сразу умершвили. По незнанію искусства мореплаванія, онѣ были занесены вѣспромъ къ берегамъ Палюса Меопическаго, что нынѣ Азовское море, къ шранамъ свободной Скиѣи, гдѣ онѣ начали производить набѣги. Скиѣы пошли войною противъ нихъ: но вскорѣ они узнали, съ какимъ непріателемъ имъ дѣло надлежало имѣть, и послали къ нимъ молодыхъ людей съ предложеніемъ вступитъ въ союзъ съ сими героинями. Общественства благопріятствовали предпріятію. Два войска были вскорѣ соединены

супружествомъ. Юные Скиѣы получили позволеніе опть своихъ родителей слѣдовать за своими супругами, и перешли на востокъ Танаиса (Дона), на сѣверъ Меотическаго моря, и основали жилища свои въ Сармаціи, гдѣ они жишельство имѣли еще во времена Геродота, которъй утверждаетъ, что Амазонки, не разумѣя скиѣскаго языка, говорили сармашскимъ. Почему такъ сей писатель, такъ и Плиній, полагаютъ ихъ сармашскаго произхожденія: послѣдній упоминаетъ о Сарматахъ, въ супружествѣ съ Амазонками бывшихъ, называя ихъ *женами обладаемыхъ*, и о *сарматскихъ Амазонкахъ*. Основываясь на семъ преданіи, Ломоносовъ, принимая Сарматовъ за единоплеменныхъ съ Славянами, почитаетъ ихъ сего послѣдняго поколѣнія, и что языкъ скиѣскій не былъ древній славяскій, но народовъ чудскаго поколѣнія.

Спусти нѣсколько времени послѣ войны шроянской, Орестъ (*), прибывъ въ

(*) Баснословное преданіе спихопворцевъ повѣствуетъ намъ о злополучіяхъ Ореста, которъй, во храмѣ Аполлоновомъ по-

Тавриду съ другомъ своимъ Пиладомъ, нашель сестру свою Ифигенію, похищенную, вмѣспѣ съ другими Гречанками, Ким-

---

разивъ мечемъ малъ свою Клитемнестру, вспулавшую въ новый бракъ и умершвившую опца его Агамемнона, царя Аргоскаго, съ угрызениемъ совѣсти и слыша вопіющій гласъ природы, прибыль въ Эпиръ, гдѣ, похищая изъ рукъ царя Цирра Герміону, онъ обариль руки свои въ новомъ убійствѣ: и, по приказанію оракума, удалился въ Тавриду для очищенія себя опъ содѣланныхъ пресупленій. Несчастные подвиги сего героя у разныхъ народовъ сосставляли любопытнѣйшіе предметы твореній прагиковъ въ древнія и новѣйшія времена. Сенека представляль Римлянамъ Аппрея и Фіеспа, кои Кребильономъ возобновлены были на французскомъ шаптрѣ. Агамемнонъ являся на сценѣ въ Аѳинахъ у Эсхила, въ Римѣ у Сенеки, въ Англіи у Томсона, въ Италіи у Алферія, во Франціи у Лемерсье. Ифигенія въ Авлидѣ, изображенная Эврипидомъ въ Греціи, равно какъ и Федра и Андромаха, заимствованныя безсмертнымъ Расиномъ опъ греческихъ прагиковъ и преложенныя въ

*

меріанами, или Цимврами, обипашелями Таврическаго Херсонеса, до изгнанія оныхъ Скиѳами. Дочь Агамемнонова была жрицею храма Діаны, коей сей звѣрскій народъ приносилъ въ жерпву всѣхъ иноземцевъ, приспававшихъ къ ихъ зем-

---

спихахъ г. Лобановымъ и гр. Хвостовымъ, украшають сцену на опечесивенномъ пещрѣ прекрасными произведеніями драматическаго искусства. Гюймондъ де ла Тушь сочинилъ также Ифигенію въ Тавридѣ, коей дѣйствія были возобновлены въ оперѣ Гюилларомъ. Изспупленія Ореспа превосходно изобразилъ Вольперъ, а Кребильтонъ Элекпру, вѣрную сеспру Ореспа, избралъ предметомъ трагедіи. Въ Парижѣ, 1822 года, Суме, сочинилель трагедіи Сауль, представилъ на сценѣ преслупную Клишемнеспру. Въ различныхъ стихопвореніяхъ находисья нѣкоторое противорѣчіе: иные утверждаютъ, что Ифигенія, вмѣсто Пилада, изъ дружбы къ Ореспу приносившаго себя на жерпву, заколола въ капищѣ Тоаза, и скрылась съ ними; другіе же говорятъ, что безъ сей жерпвы она бѣжала съ сими Греками и была преслѣдуема жестокосердымъ царемъ. *Пр. Сог.*

лѣ. Царевна, узнавъ своего брата, нашла случай убѣжать съ нимъ, и увезла съ собою испуканъ сей богини. Они приехали въ Палестинѣ, откуда уже прибыли въ Грецію. Царь, владѣвшій тогда Тавридою, именовался Тоась. Послѣ сего происшествія, онъ послалъ за ними въ погоню. Но посланные, по прибытіи въ Палестину, узнавъ, что Ореспъ уже уѣхалъ въ Грецію, остались сами въ сей странѣ, рѣшившись не возвращаться въ свое отечество, и построили городъ по имени Скиѳополь. По описанію Геродота, Скиѳы были покорены Сезосприсомъ, египетскимъ государемъ.

Около 633 года до Р. Х. Сколошпы, или Скиѳы, угнѣщенные Массагешами, перейдя за Волгу и опустошивъ полуденныя страны Азіи, напали на Киммеріанъ подъ предводительствомъ своего царя Мадія, сына Протошіева, называемаго также нѣкоторыми учеными Индарсисомъ, о коемъ упоминаютъ Спратонъ и Геродотъ, хотя имя сіе не должно смѣшиваться въ одно; ибо сіи писатели подъ симъ именемъ говорятъ о различныхъ государяхъ. Кимме

ріане, бѣжавъ отъ своихъ непріятелей, вошли въ Азію чрезъ Кавказскія горы. Раздраженные Скиѣы ихъ преслѣдовали, вшоргнулись въ Лидію, гдѣ, одержавъ побѣду надъ жителями сей страны, прошли чрезъ Каспійскіе хребты и разсѣялись по Азіи и ее покорили. Ціаксаръ, царь мидійскій, ходилъ прошивъ ихъ войною; но былъ побѣжденъ ими. Скиѣы, вошедъ въ Мидію, въ ней поселились и обладали ею 28 лѣтъ. Предпринимая походъ въ Египеть, они дѣлали набѣги на Сирію и Палестину. Убѣжденные дарами и просьбами къ миру Псамметихомъ, египетскимъ государемъ, они возвратились назадъ и на обратномъ пути опустошали проходимыя ими страны. Овладевъ городомъ Базаномъ, Маккавеева колѣна, называли его Скиѣополемъ, и разграбили храмъ Венеры въ Аскалонѣ, городѣ Филистимскомъ, за какое святопапство, по преданію, были наказаны жестокою болѣзнію, которую передали и своему потомству. По испеченіи 28 лѣтняго господствованія, наслаждаясь совершенною безопасностію, они были вѣролом-

ствомъ Ціаксаровымъ уловлены: и, по его повелѣнію, на празднествѣ восплѣдовало всеобщее ихъ избіеніе, что и совершилось въ одинъ день и избавило Мидію отъ несноснѣйшаго для нея ига. Сей въроломный поступокъ показался бы намъ невѣроятнымъ, если бы вечерня Сицилійская, Варѣоломеева ночь и самый злой умыселъ Конфедерашовъ въ Варшавѣ не наполняли ужасами листы исторіи новѣйшихъ народовъ. Нѣкошорые изъ Скиѣовъ, избѣгнувшихъ сего пораженія, удалились въ Лидію, гдѣ царь Аміашъ даль имъ пристанище, и за сіе покровительствово имѣлъ войну съ Ціаксаромъ. Другіе пошли въ Ассирію, гдѣ они съ пользою служили въ войскахъ Навуходносора и его преемниковъ. Но большая часть возвратилась въ Скиѣю, гдѣ новыя бѣдствія ихъ постигли. Вооруженные рабы и рабскія дѣщи отъ ихъ женъ, во время опустошенія прижишья, ихъ встрѣтили. Многочисленные роды, произшедшіе отъ сихъ браковъ, достигли тогда до цвѣтущаго юношества. Опцы, супруги, дѣщи, составляя гражданъ, соединенныхъ новыми

узами согласія и взаимной зависимости, препешали при приближеніи Скиѳовъ, между шѣмъ, какъ сіи послѣдніе, одушевленные чувстввами обиженной чести и горя ищеніемъ къ обольстителямъ своихъ женъ, съ ожесточеннымъ мужествомъ принялись за оружіе. Произошло нѣсколько сраженій кровопролитныхъ. Оспориваемая побѣда долго оставалась сомнительною. Наконецъ одинъ изъ главныхъ предводителей скиѳскихъ, упрекая воиновъ въ прошивоборствѣ своихъ враговъ шѣмъ, что, нападая на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, Скиѳы дѣлають ихъ равными съ собою, между шѣмъ, какъ надлежало бы заставивъ препешать рабовъ передъ своими владыками не силою оружія, но ударами плетей, онъ склонилъ Скиѳовъ бросить мечи свои и съ плетями итти въ бой. При шаковомъ зрѣлищѣ у рабовъ, обьятыхъ страхомъ, копья выпали изъ рукъ, и они спасались бѣгствомъ въ безпорядкѣ. Всѣ пойманные погибли отъ жесточайшаго мученія, а жены избѣгли подобной участи только добровольною смертію.

Съ сего времени, по словамъ Юстинна, Скиѣны наслаждались спокойствіемъ до царствованія Янкира. Однакожь другіе историки увѣряють, что они не могли прошивостоять Кирову оружію, который принудилъ ихъ покориться своей власти. Но Геродотъ повѣствуетъ о семъ происшествіи иначе. По его словамъ, Киръ пребовавъ въ супружество Томирису, царицу Массагетовъ, и, раздраженный отказомъ, онъ вступилъ въ ея области съ войскомъ. Царица послала ему на встрѣчу многочисленныя полки, предводительствуемыя ея сыномъ. По неопытной молодости его Киръ легко обмануль чрезъ притворное бѣгство; онъ бросилъ свой станъ съ большими припасами вина. Скиѣны овладѣли ими и, предаваясь удовольствіямъ Бахуса, вскорѣ были Персами уловлены и совершенно истреблены. Юный князь лишился жизни. Томириса, раздраженная, беретъ начальство надъ войсками, идетъ противъ Кира, вступаетъ съ нимъ въ бой, и отступленіемъ заводилъ своего непріятеля въ горы, гдѣ она помѣстила засаду. Кирова

войско было совершенно разбишо, и монархъ самъ палъ на мѣсѣ сраженія. Томирисъ приносящъ его окровавленный шрупъ, которая ему отсѣкаетъ голову и бросаешъ въ мѣхъ (*), наполненный кровію, говоря: *испей кровь, которою ты не могъ насытиться.*

Янкиръ долженъ бытъ пошъ самый, котораго Геродотъ именуешъ Индаширсомъ, или былъ его предшешвенникъ, государь великодушный. Персидскій царь Дарій, сынъ Истаспа, желая ошмстить Скиѣамъ за опустошенія Мидіи, ему объявилъ войну. Лѣтописцы различно говорящъ объ оной: и нѣтъ нужды входить въ подробныя разбирашельства. Онъ сперва прислалъ пословъ, шребуя ошъ него земли и воды, шо естъ признашъ его власшъ надъ собою. Гордый Скиѣошвшествовалъ, что онъ не признаешъ другаго владыки надъ собою, какъ только своего.

(*) Надлежитъ здѣсь замѣшить, что въ древности держали всѣ напитки въ большихъ мѣшкахъ, изъ звѣринаго мѣху шшитыхъ. *Пр. Сог.*

предка Юпитера и Веспы, царицу скиевскую, обѣщаясь припомъ послать достойные ихъ самихъ дары, и отправилъ къ нимъ пшницу, мышъ, лягушку и пшъ стрѣль, съ послами, которые возвратились, сообразно повелѣнію, не сказавъ ни слова о сихъ загадочныхъ знакахъ. Гобрій объяснилъ ихъ Дарію такъ: „Если Персы, „говорило онъ, не подымутся на воздухъ „какъ птицы, не скроются въ землю, какъ „мыши, и не спрячутся въ воду какъ лягушки; то не минуютъ скиевскихъ стрѣль.“

Дѣйствительно, гоняся за сими воинственными людьми въ степяхъ обширныхъ, едва не погибло его многочисленное войско. Индапирсъ, въ числѣ своихъ подданныхъ Скиевовъ, имѣлъ пособіе и отъ царей, подвластныхъ ему Гелонянъ, Будинцевъ и Сармаповъ; государи же другихъ поколѣній, между которыми упоминается Скопазисъ, оказались помоществовать ему подъ разными предлогами. Часть раздѣленнаго войска своего онъ поручилъ Танацису, а другою самъ предводительствовалъ. Скиевы пошли искать своихъ непріятелей къ рѣкѣ Дунаю, чрезъ

кошорую Дарій едѣлалъ изъ судовъ моспъ, предоснавивъ оный въ защищу Ионянамъ. Отсюда припворнымъ побѣгомъ они ихъ завлекали въ обласпи скиескихъ владѣшелей, коимъ Индарсисъ хотѣлъ опшмспити, и коихъ земли были совершенно опустошены. Наконецъ Персы, изнуряясь походами и часто претерпѣвая недоспашокъ въ нужнѣйшихъ вещахъ, ослабѣвъ опъ безпреспанныхъ пошеръ, получаемыхъ въ часпыхъ битвахъ, гдѣ Скиеы имѣли всегда почши верхъ, принуждены были думать о возвращеніи въ свое опечеспво. Индарсисъ ихъ преслѣдовалъ: но Персы ускорили и ушли впередъ, а Скиеы съ драги сбились. Одна часть ихъ полковъ пошла къ Ионянамъ, чшобы склонити ихъ спомать моспъ, который они обязались защищати только два мѣсяца, уже давно изпекшіе. Си ихъ обманули лщеспными обѣщаніями, сломавъ даже при глазахъ ихъ часть моспа; но опять снова навели оный вскорѣ послѣ ихъ опшеспвія. Скиеы не вспурѣшили уже войска Даріева на возвращномъ пуши, переправившагося чрезъ Дунай. Горя мщениемъ, они вскорѣ

вспоргнулись въ предѣлы Фракіи, завоеванной прежде сего похода Даріемъ, и, опустошивъ всѣ ея земли даже до Геллеспонта, возвратились въ свое отечество, обогащенные добычею.

Сіе предпріятіе Даріево было за V вѣковъ до Р. X. Въ это время полагають нѣкопорые ученые прибытіе въ Грецію Скиѳа, называемаго Абарисомъ, кошораго имя знаменипо по его путешествіямъ и сочиненіямъ. Изъ баснословныхъ повѣствованій видимъ, что онъ обошелъ вокругъ свѣта, ничего не ѣвши, неся съ собою спрѣлу, Аполлономъ ему подаренную въ награду за то, что онъ прославилъ пребываніе сего божества въ странѣ Гипербореевъ, коими Греки сперва называли всѣхъ, живущихъ за Фракіею, откуда вѣялъ сѣверный вѣтеръ, а пошомъ пламенное воображеніе спихопворцевъ, отдаливъ ихъ отъ Понта Эвксинскаго за Рифейскія горы, представляешъ намъ Гипербореевъ счастливыми смертными, кои не терзались бурей страстей, питались сокомъ цвѣтовъ и росою, и, насытясь жизнію, бросались въ вол-

ны морскія (*). Абарись научилъ Лакедемонянь жерпвоприношенію, предохранившему ихъ отъ язвы моровой, и поспроилъ въ Спаршѣ, какъ говоряшь иные, убѣжище: храмъ Прозерпининъ. Другіе полагаюшь сіе пупешесшвіе прежде Кира, шакже, какъ и посѣщеніе мурдаго Солона Анахарсисомъ, сыномъ скиѣскаго царевича Гнура, внука Ликова, правнука Спаргапіѣа. Царь, его брашъ, назывался, по нѣкоторымъ преданіямъ, Кадуишомъ, по другимъ же Соліемъ. Машъ Анахарсиса была Брешанка, и его выучила своему языку. Анахарсись, плѣнясь любомудріемъ, поѣхаль въ Аѣины, гдѣ познакомился съ Солономъ, и ошказался отъ приглашенія Креза, царя лидійскаго, и его великихъ сокровищъ, вредночитая золоту ученость и науки; однако жъ обѣщался пріѣхашъ въ Сардесъ: но неизвѣстно, исполниль ли онъ сіе. По возвращеніи своемъ въ ошечество, онъ, шоржесшвуя, по обычаю греческому, въ рещѣ праздникъ Цибеллы, былъ убишь своимъ брашомъ. И шакъ должно думашъ,

---

(*). Исторія Рос. госуд., Карамзина, Т. I., стр. 5.

что царствование Соля, или Кадуиша, было прежде Индарписова. Геродотъ полагаетъ; что Анахарсисъ былъ его дядя, со стороны отца, и жилъ около 593 лѣтъ до Р. X.

Скилей, или Скиель, возшедь на престолъ отца своего Ариапиеа, умерщвленнаго измѣною Спаргапиеа, царя Агаширскаго, женился на одной изъ его вдовъ, по имени Опеи, отъ которой покойный государь имѣлъ сына Орика. Мать Скилея была изъ города Исприи, основаннаго Милезинцами, при устьѣ рѣки Дуная, близъ Понша Эвксинскаго. Она воспитала своего сына по греческому обыкновенію: полюбивъ оное и желая на престолѣ удвоить славу своей склонности, не оскорбляя своихъ подданныхъ, онъ воспользовался войною съ обитателями Днѣпровскими, Бориспенянами, у коихъ въ сиромичномъ городѣ, имъ покоренномъ, поселился и поставилъ сразу во вранамъ; пробылъ одинъ шамъ два мѣсяца, живши по греческому обычаю; одѣваясь какъ Греки и исполняя ихъ богомолственные обряды. Послѣ многихъ путешествій,

вступивъ въ бракъ съ женщиною сего города, онъ построилъ замокъ для помѣщенія оной и рѣшился посвящать себя шайнствамъ Бахуса; но Скиѣты, извѣщенные, взбундовались и возвели на престолъ Окшамазата. Лишенный царства, государь нашель убѣжище у Фракійскаго царя Сипалки, дяди Окшамазата по матери своей Тересѣ, который для возвращенія ему правъ пошелъ войною противъ Скиѣтовъ, и былъ ими побѣжденъ. Плѣненный царь фракійскій для освобожденія своего обѣщался выдать Скилея, и Окшамазата, согласившійся на сіе предложеніе, едва увидѣлъ несчастнаго, какъ приказалъ опсѣчь ему голову. Скилей жилъ во времена Геродота, т. е. около 480 года до Р. Х.; ибо историкъ говоритъ, что онъ зналъ Тимнеса, опекуна отца его Аріапиеа.

Геродотъ упоминаетъ еще о царѣ Аріаншѣ, не означивъ времени, въ которое жилъ онъ. Онъ говоритъ только о немъ, что сей государь, желая изчислить своихъ подданныхъ, приказалъ всѣмъ Скисамъ принести въ одно назначенное мѣ-

сто острія стрѣль. Число было столь велико, что монархъ повелѣлъ излить мѣдный сосудъ удивительной величины, копорый онъ посвящилъ и поставилъ въ капищѣ, называемомъ Эксампея, между Бориспеномъ и Гипанисомъ, въ наши времена именуемымъ Бугомъ.

За 340 лѣтъ до христіанскаго лѣтосчисленія царствоваль въ Скиѣи Аеѣй. Будучи угнѣтаемъ Испріанами, обитаемыми Мизіи, жившими близъ устья рѣки Дуная, съ нимъ воевавшими, онъ просилъ помощи у Филиппа, царя македонскаго, обѣщая его признашь преемникомъ скиѣскаго престола. Филиппъ ему послалъ на помощь, многочисленное войско. Но вѣсть о семъ засадила Испріицевъ оставить непріязненные дѣйствія и удалиться въ свое опечештво. Аеѣй послалъ вторично новыхъ пословъ къ Филиппу съ объявленіемъ, что Скиѣы не пребуютъ болѣе оупъ Македонянъ ни оружія, ни наслѣдника престола до шѣхъ поръ, пока его сынъ будетъ живъ. Филиппъ, заняшый осадю Визаншіи, не могъ имъ опомсцишь за сей поступокъ

и пребоваль вознагражденія за причиненные ему понапрасну убышки. Скиѣи опказали, ссылаясь на чрезвычайную бѣдность своего государства. Филиппъ, снявъ осаду Византіи, пошелъ войною на Скиѣю. Аѳей поспѣшилъ къ нему навспрѣчу. Хотя его полки были многочисленны и не менѣе храбры; но искусство Македонянъ возшоржеспвовало надъ ихъ числомъ и мужествомъ. Филиппъ не нашель золота въ Скиѣи; но онъ взялъ съ собою въ добычу много женъ, дѣшей и скопа, между прочимъ двадцать тысячъ кобылицъ для завода. Это случилось въ 338 году предъ Р. Х.

Александръ, всегда завидуя, что подвиги Ахилла воспѣшы были Омеромъ, участвоваль въ семъ походѣ опцу своему и не менѣе его попомъ былъ счастливъ. Квинтъ Курцій, составившій изъ Аріана, Діодора, Юстина и другихъ писателей исторію жизни сего побѣдителя, говоритъ, что, между знаменитыми завоеваніями, Александръ прошивъ шѣхъ же скиѣскихъ народовъ удачно воеваль за 329 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Послы, къ нему опправлен-

ные, гордо пропивились въ переправѣ чрезъ рѣку Таксаршъ; но войско не весьма сильно защищало переправу. Македоняне, переплывъ чрезъ сію рѣку, разбили Скиевъ, кои, будучи долго преслѣдуемы побѣдителями, принуждены были просить мира у юнаго завоевателя, обѣщаясь покориться его законамъ. Александръ, желая показашъ, что онъ искалъ одной славы, побѣдивъ ихъ, возвратилъ имъ военнопленныхъ.

Однако жъ Юстинъ, сокративъ всеобщей исторіи Трога Помпея въ 44 книгахъ, отъ Нина до Августа Кесаря составленной, и по красотѣ своего слога болѣе принадлежащей ко временамъ Августовымъ, нежели Аншона крошкого, описываетъ, что Скиевы были всегда непобѣдимы. Онъ увѣряетъ даже, что они разбили тридцатиштысячное Александрово войско, предводительствуемое Суперіономъ. По словамъ Мишридаша Эвпапора, царя понсійскаго, по естѣ, господствовавшего на берегахъ Чернаго моря, льпописцы ушверждаютъ, будто сей государь, сильный врагъ Римлянъ, первый,

завладѣвъ Воспорскимъ царствомъ, побѣдиль Скивовъ, прошивъ коихъ Дарій, Филиппъ, Александръ, къ спыду своему, не могли успѣть. Но въ нашей исторіи, безъ сомнѣнія болѣе озаренной свѣтильникомъ кришкики, сказано, что могущесиво Скивовъ начало ослабѣвать со времянь Филиппа македонскаго, копорый, одержавъ надъ ними рѣшипельную побѣду, не превосходспвомъ мужесипва, а хипростью воинскою, не нашель въ спанѣ у враговъ ни серебра, ни золопа, но спариковъ и 20,000 женъ и дѣшей, коихъ и вывелъ изъ Скивиіи.

За 129 лѣтъ прежде хриспїанскаго лѣпосчисленія, они были счаспливѣе прошивъ пагоянскаго царя, называемаго Траапомъ, копорый ихъ призвалъ на помощь прошивъ Аншіоха Сидепа, царя сирскаго, обѣщая имъ великія сокровища. Но потомъ, по умерщвлени Аншіоха, находя союзъ сей ненужнымъ и поспавляя въ вину имъ позднее прибытіе на помощь, хопѣлъ безъ плашы оппуспипъ ихъ: Скибы обрашили свое оружіе прошивъ вѣроломнаго, умерпвили Траапа и опуспошили всю его страну. Мипридашъ порабощиль ихъ око-

ло 90 года до Р. Х. и, по словамъ Апіана, испоцилъ силы ихъ въ жестокихъ войнахъ съ Римомъ, коего орлы приближались къ нынѣшнимъ кавказскимъ странамъ Россіи.

Гетсы, у Римлянъ именуемые Даками, народъ еракійскій, подъ названіемъ коихъ, можешь быть, скрываюся Гошпы, или Гошѣы, побѣждены были Александромъ великимъ на Дунаѣ; но устращали Римъ во время царя своего Беремиста за нѣсколько лѣтъ до нашей эры. Они опятели у Скиѣовъ всю землю между Испромъ и Бориспеномъ, и называются у Геродоша *безсмертными*: ибо они вѣрили будущей жазни. Скиѣы упѣсняли попомъ Даковъ, или Гошовъ, кои въ Спрабоново время имѣли 40,000 воиновъ. Въ царствованіе Домиціана явился въ Дакіи новый герой Децебаль, принявшій къ себѣ многихъ римскихъ воиновъ, основавшій крѣпости и имѣвшій попеченіе объ образованіи народа своего. Счастливыи во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ до временъ Траяна, Децебаль уступилъ наконецъ побѣду се- му знаменищому имперашору и, гнушаясь

рабствомъ, сказано въ исторіи, умертвилъ себя добровольно. Наконецъ, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, современника Юлія Цезаря и императора Августа, въ удѣльвншихъ опривкахъ историческихъ (*bibliotheca historica*), ошъ раззоренія Трои до смерти Александра, и ошъ времянь сего завоевашеля до побѣдъ Цезаревыхъ надъ Галлами, мы видимъ, что Сарматы, произшедшіе ошъ смѣшенія Амазонокъ съ юношами скиескими, обитавшіе въ Азіи близъ Дона, напали на Скию, испребили ея жипелей и ее присоединили къ своему народу, такъ, что особенное бытіе Скиеовъ исчезло для исторіи (*). Утверждають, что послѣдній скиескій царь назывался Ламбиній: но никакой достовѣрности нѣтъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно послѣднимъ. Осталось только въ исторіи славное имя Скиеовъ, подъ названіемъ коихъ вѣроятно греческіе и римскіе писатели разумѣли славянскія и чудскія племена; ибо Тапа-

---

(*) Исторія Рос. госуд., Карамзина, Т. I., стр. 11. Примѣч. 16, 17, 18.

ры, обитавшіе далеко на востокъ въ Азіи, Грекамъ были неизвѣстны. Подъ названіемъ Скиѳовъ и варваровъ заключались также жители Германіи сѣверныхъ странъ, азіатскіе народы и самыя Греки, поселившіеся около Днѣпра и въ Херсонѣ. Названіе Сарматовъ съ ними смѣшиваемо было по причинѣ частаго переселенія сихъ народовъ. Но собственно остатками Скиѳовъ счищаютъ Финновъ, Лифлянцевъ и Эспляндцевъ, утверждая, что и донынѣ у нихъ въ нарѣчіяхъ сохранились остатки скиѳскаго языка, кои находящяся у Геродота въ повѣствованіи (*).

Когда изнеможенный Римъ, послѣдуя общему удѣлу народовъ, послѣ побѣдъ своихъ и славы завоеваній, съ упрашою народныхъ добродѣтелей клонился къ паденію; тогда грозныя ополченія варваровъ, подъ предводительствомъ кровожадныхъ завоевателей, долго пренепавшихъ предъ оружіемъ римскимъ, испоргнулись изъ полуощныхъ и восточныхъ странъ и заво-

---

(*) Древняя Рос. исторія Ломоносова, часпъ I. гл. 6.

евали обширную имперію (*). Они, подъ названіемъ. Цимвровъ, по мнѣнію нашего исторіографа, единоплеменныхъ Киммеріанамъ, обиташелямъ Херсона, пробѣжали Галлію и, увлекши съ собою часть сего мужественнаго народа, разграбили шрепещущій Римъ и устрашили Капитолій. Вшоргнувшись въ Грецію и Испалію, въ сихъ спранахъ, нѣкогда процвѣпавшихъ воинскою славою и славою наукъ и художествъ, они, подъ названіемъ Готшеовъ, Визиготшеовъ, Оспроготшеовъ, Вандаловъ, Ломбардовъ и проч., основали новыя царства отъ предѣловъ Испаніи до Африки (**). Въ успѣхахъ сихъ народовъ соучаствовали и Норманны, или сѣверные жители, славянскіе и сармашскіе народы. Послѣдніе, сказано въ исторіи, состояли изъ двухъ главныхъ: Роксоланъ и Язвиговъ, господствовавшихъ отъ Азовскаго моря до береговъ Истра, а Аланы,

---

(*) Sur la grandeur & la decadence de l'empire romaine par Montesquieu; Introduction à l'histoire de Charles V par Robertson. Sect. I.

(**) Исторія Рос. госуд., Карам., Т. I., стр. 12.

древніе Массагеты, обитатели между Каспійскимъ и Чернымъ морями, вытѣснивъ Сарматовъ изъ юговосточной Россіи, опчасти заняли и Тавриду (*). Всѣ сіи народы, еще въ самомъ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія, оружіемъ смиряли римскіе легіоны во Фракіи и спранахъ Дунайскихъ: но ихъ подвиги являющъ ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, которое заключалось наконецъ гибелью послѣдняго. И уже изнеможенный Римъ, утративъ гордость и плоды побѣдъ въ шестеніе осьми вѣковъ, не силою оружія, но золотомъ не спыдился покупать дружбу Сарматовъ, величался ихъ союзомъ, и Сенатъ, рѣшившій прежде судьбу великихъ государей и міра, съ уваженіемъ встѣгалъ пословъ народа кочующаго.

Не описывая происхожденія и дѣлній какъ сихъ народовъ, такъ и современныхъ имъ племенъ, кои, подъ именемъ Венетовъ, Гунновъ, Аншовъ, Угровъ,

---

(*) Tableau des revolutions de l'Europe, par M. Koch. t. I., p. 2., periode 1. (406—800 an).

Болгарь, обитали въ мѣстахъ, подвласпныхъ нынѣ російской державѣ; не упоминая объ Авахъ, своимъ могущесвомъ славившихся въ степяхъ Ташаріи, коихъ оспашки въ наши времена за Кубанью въ недавнемъ времени еще покорены оружіемъ російскимъ; наконецъ не распросянясь описаніемъ воинспвенныхъ Славянъ, кои въ VI вѣкѣ, занимая спраны ошь моря Балпійскаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго моря, соучаспвовали въ походахъ съ Эрманарихомъ и Ашилою, коихъ, по словамъ Визанпійскихъ писателей, не могли удержать ни римскіе легіоны, ни великая стѣна Агастасіева, сооруженная для защиты отъ варваровъ: замѣшимъ, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей опечеспвенныхъ древностей, единородспво Славянъ съ Сарматами, Чудди со Скиѣами. Первѣе, говоримъ Ломоносовъ, усилиясь, припѣснили Чудь къ востоку и сѣверу и завладѣли частію ихъ земель. Имя славянское поздно узнали въ Римѣ, и едва ли прежде царспвованія Юспиніана великаго: но народъ и языкъ проспиралсп въ глубокую древ-

ность. Племена его, подъ другими именами, вѣроятно, существовали задолго до Р. X. Полагають, что это имя заключалось даже и подъ названіемъ Энешовъ, или Венешовъ. Многія сильныя поколѣнія славянскія, поселившись близъ Ильменя, на Днѣпрѣ, Двинѣ, Бугѣ, Окѣ, въ Волыніи и др. мѣстахъ, подъ названіемъ Новгородцевъ, Полянъ, Древлянъ, Полочанъ, Сѣверянъ, Бужанъ и проч., соединились съ Варягами, кои, бывъ въ разныя времена извѣстны подъ названіями Россовъ, Готевовъ, Норманновъ, Свіавъ, Ингранъ, и имѣя частыя военныя и шорговыя сношенія съ Славянами, и путешествуя чрезъ ихъ земли въ Грецію, поселились во многихъ мѣстахъ, и совокупными силами обращали оружіе во дни первыхъ князей россійскихъ противъ Царьграда. Почему вскорѣ имя Варяговъ, какъ и самыхъ Славянъ, исчезло въ исторіи, а явился народъ рускій опъ смѣшенія Варяго-Россовъ съ Славянами (*). И пошому опечешвомъ

(*) Исторія Рос. госуд., Казамзина Т. I., гл. I, II, III. Древняя Рос. ист. Ломонос. Ч. I.

Рускихъ была земля, на коей обитали первоначально Скиѣны, или Гопѣны, и на сѣверѣ, по указанію лѣтописца Несшора, должно искашь колыбели сего могущесшвеннаго народа.

Взявъ въ соображеніе нѣкоторыя оспатки гопѣскаго, или скиѣскаго языка, и предполагая, что народы никогда не переселяются съ юга на сѣверъ изъ земель богатыхъ въ страны безплодныя полунощныя (*), но всегда водворяются въ такомъ государствѣ, гдѣ правленіе наиболѣе сообразно съ природою, гдѣ скипетръ находится въ рукъ сильной, и гдѣ подданные наслаждаются безопасностію, благосостояніемъ и свободомысліемъ, любитель отечественныхъ древностей, митрополитъ *Сестреницевъ Богучѣ* принимаетъ отъ Несшора указаніе на сѣверѣ колыбели рускаго народа, составленнаго первоначально изъ Славянъ и Сарматовъ, народовъ завоеванныхъ и переселенцевъ, и получившаго, по его мнѣнію,

---

(*) О населенности древнихъ народовъ, Гюма. Пер. съ англійс. 1806.

названіе опъ Роксовъ, или Россовъ, кои, по словамъ визаншійскихъ писателей Кедрина и Гликаса, имѣли существованіе на сѣверныхъ горахъ. Въ смѣшеніи Роксовъ съ Аланами, по самому словопроизводству, онъ находишь имя Роксолановъ (*), о коихъ говоришь Сирабонъ, что они были послѣдніе къ сѣверу и занимали поля между Днѣпромъ и Дономъ, выше Сарматовъ и Скиѳовъ, поселившихся вдоль береговъ Азовскаго моря. По его мнѣнію, слова *Роксѳ* и *Россѳ*, *Рокасѳ*, *Рицѳ*, *Рцссѳ* означали одинъ и тотъ же народъ рускій, но въ произношеніи измѣнились въ средніе вѣки, когда въ успахъ и подъ перомъ писателей правописаніе различествовало, и сосставляють имя одного скиѳскаго народа, переселившагося изъ Азіи при успсненіи Массагетами ихъ спановиць на берегахъ Дракса. Іосифъ Флавій, современникъ императора Тита, родомъ Іудеянинъ, описавшій на греческомъ языкѣ іудейскія древ-

---

(*) Записки о происхожденіи Сарматовъ и Славянъ, помъ 2.

носши и войны, упоминаетъ о ихъ обитаніи между Чернымъ и Каспійскимъ морями; а у пророка Іезекіиля слово *Гогъ* соотвѣтствуетъ Гошеу, а *Россъ* Роксу, и говоритъ у него о народѣ сѣверномъ относительно къ Палестинѣ. По мнѣнію Спранбона сей готскій народъ первоначально также послѣдній обиталъ въ сѣверной части Европы, у Геродоша называемой государствомъ скискимъ колоксайскимъ, и попомъ именованнымъ Скандинавіею, коей писатели утверждаютъ, что прежде лѣтосчисленія христіанскаго о Роскомъ имени въ Европѣ упоминалось (*). *Россы, какъ и всѣ народы готскаго произхожденія (пишетъ Сестренцевичъ Богущъ) были плѣнены древнею славою общихъ предковъ своихъ: они хвалились тѣмъ и содѣйствовали къ распространенію ея тѣмъ пате, что уже имъ поздно было прославлять имя частнаго своего поколѣнія. Они жили какъ добрые граждане, а сражались какъ герои: въ домашнихъ бесѣдахъ своихъ*

(*) Древняя Рос. Исторія, Ломоносова, часть I. гл. 9.

занимались разказами о собственныхъ своихъ подвигахъ, о подвигахъ соратниковъ и согражданъ своихъ: и память объ оныхъ истезла вмѣстѣ съ ними. . . . . Преданія о подвигахъ Россовъ, предковъ Русскихъ, были всегда близки къ самымъ дѣяніямъ: оставалось только имя, и мало что доходило до потомства.

Древніе споль мало имѣли понятія о сѣверныхъ краяхъ, что почипали Швецію сосшавленною изъ оспрововъ (*). Какъ сія спрана, шакъ Норвегія и Данія именовались *Baltia*, по названію Балшійскаго моря, куда пріѣзжали корабли Финикіянь почти за X вѣковъ до Р. Х., и копорое извѣспно у Тациса подъ именемъ *Mare Suevicum*. Послѣ сего сіи спраны назывались Скандинавіею (*Scandia* и *Scanzia*). Въ 17 сполѣтїи сѣверные жипеди извѣспны были морскими разбоями, копорые въ средніе вѣка весьма были знаменишы.

(*) *Histoire des evenemens memorables du Regne de Gustave III. par D'Aguila. introduck: p. 12.*

Сии разбой Норманновъ не почитались безчестнымъ ремесломъ, но почтеннымъ, покровительствуемымъ самими государями. Для сего было составлено общество, членами коего считались Голфданъ II и Фродъ II, датскіе короли, и имѣло нѣкошорыя правила для обуздыванія спрасстей. *Наслѣдники престоловъ во время погребенія отцовъ своихъ слышали торжественныя мольбы о счастливыхъ успѣхахъ въ предстоящихъ разбояхъ (*)*. Сии сѣверные жители назывались Норманнами, а у Брипанцевъ Османами, или восточными людьми, по положенію Норвегіи на востокъ отъ Великобританніи. Они сошпили изъ Свідновъ, или Шведовъ, Россовъ, Готтеовъ, Англовъ, и производили грабежи подъ именемъ *Варяговъ*, съ присоединеніемъ предыдущихъ словъ, какъ на пр: *Варяговъ-Россовъ*, и проч., и не составляли особаго народа (**). Балтійское море, на-

---

(*) Сестренцевичъ Вогушь, стр: 29.

(**) Древняя Рос. Ист. М. Ломоносова, часть I. гл. 7. и 8.

Зываемое Варяжскимъ, было ихъ государствомъ, а ихъ обласпи приспани, приморскіе города, кои они могли грабить. Изъ скопища бродягъ образовалась, подобно нынѣшнимъ Варварійцамъ, разбойническая республика Варяговъ, кошорая, по словамъ каноника Саксона Грамматика рушилась въ X вѣкѣ, когда *духъ Евангелія, любящій правду, цмлягалъ нестоствство грабительствѣ, какія содѣлывалиеь во мракѣ лзыгества.* При королѣ Свенонѣ III въ 1170 году началось бытъ извѣстнымъ Ропшильдское прошиворазбойническое общество. Въ сіе время самое имя Варяговъ уничтожилось. По лѣтописи Неспора, въ 859 году, они воевали Славянь, Эсиповъ, Меръ, Росповцевъ и Кривичей, и не возвращались болѣе восвосяси, но поселились въ Новѣгородѣ, и иждивали *безстыдно добыцу свою посреди побѣжденнаго народа, доколѣ море оставалось покрыто льдомъ.* По изгнаніи ихъ, бѣдспвующая республика Славянь ошъ междоусобныхъ крамолъ, и угрожаемая ихъ набѣгами, по убѣжденію спарѣйшины Госпомысла, должна была избрашъ

Часть XXVIII. Кн. II. 12

изъ обществъ Варяговъ власпелиновъ своихъ, что свершилось въ лицѣ Рурика, изъ семейства Біорна, одного изъ попомковъ Ингина, сильнаго Росса-Варяга. И шакъ, говоритъ достопогтенный пастырь римскихъ церквей въ отечествѣ нашемъ, Россы сошавляли народъ въ Швеціи между Бошническимъ заливомъ и моремъ Балшійскимъ, и не должно чипашь въ Неспоровомъ повѣспованіи, что при брата Россо-Варяги: Рурикъ, Синеусъ и Труворъ пришли въ Русь, но то пришли въ Новгородъ изъ Руси. Новгородцы, и вообще народъ славянскій, приняли наименованіе Рускихъ, гораздо спустя послѣ пришествія сихъ князей: но Славяне языка своего крѣпко держались; не перемѣняли и не смѣшивали его съ рускимъ, а на прошивъ подавили оный своимъ языкомъ; ибо польза Варяго-Россовъ, какъ разбойниковъ на водахъ, или какъ воиновъ на землѣ, опличнаго соспоянія опъ нихъ, пребовала, чшобы Славяне ихъ понимали. Возспаніе Вадима, почипаемаго шакже удѣльнымъ, или мѣспнымъ княземъ, врагомъ Россовъ и мужеспвеннымъ защип-

никомъ Славянъ, дѣлая для Рурика опасною Новгородскую республику, понудило его размѣспить войска варяжскія на непремѣнныя жилища въ сѣрахахъ славянскихъ, опъ чего, по мнѣнію Неспора, Новгородъ и зависящія области, наполненныя Варягами, перемѣнили цоколѣнія и имя славянское на росо-варяжское, кошорое во дни великихъ князей наиболѣе размножилось и распросранилось по полуденной Россіи, по княжеспву кievскому, а опшуда, по словамъ визаншійскихъ писашелей, мы узнаемъ, что Варяги, покинувъ знамена Владиміровы въ 980 году, подъ названіемъ Сѣкироносцевъ, съ сѣкирою на плечѣ и щипомъ въ рукахъ, сосшавляли спражу предъ споловой палашою и въ покояхъ воспочныхъ имперашоровъ. Въ сіе время *иля Варяговѣ* съ знаменишымъ ихъ *сообществомъ морскихѣ разбойниковѣ* исчезло на сѣверѣ, и славянскій народъ опъ слова Росссовъ безъ всякаго сомнѣнія сдѣлался извѣспнымъ въ испоріи подъ именемъ россійскаго, или рускаго. (*)

(*) Изслѣдованіе о происхожденіи рускаго

*

Симъ оканчиваю краткія извѣстія о Скиѣахъ и имъ современныхъ племенахъ, не ушверждаю досповѣрности оныхъ; но предлагаю, какъ любопытныя воспомина- нія о такомъ народѣ, копорый обиталъ, сражался и приносилъ жершвы идолослу- женія на берегахъ шѣхъ рѣкъ и ушесахъ горъ, гдѣ, по испеченіи многихъ столѣ- шимъ, освященныхъ великими событіями, возникло могущеспивенное *царство рус- кое*, копорое, простирая свои предѣлы отъ хладныхъ береговъ Ледовитаго моря къ полудню до Чернаго, Каспійскаго и Байкала, а отъ воспочныхъ спранъ Балшики до Тихаго океана, представля- етъ величеспивенное государство, *сид- лостью и мужествомъ прибрѣтшее го- сподство надъ девятою частію земаго шара*, и занимающее вдвое болѣе про- спранства цѣлой Европы и болѣе рим- ской державы, возвеличенной шилломъ имперіи вселенной; представляешь шу спрану, гдѣ богатой природы *питающія*

народа, соч. Сеспренцевича Богуша, 1818 года.

ся изобиліемъ произведеній безчисленныя племена, различествующія между собою нравами, просвѣщеніемъ, промыслами и соединенныя узлами великаго политическаго общества, составляютъ одинъ народъ рускій (*), который, бывъ ознакомленъ цѣлыми сполѣніями съ искусствами гражданской жизни, по словамъ нашего исторіографа, открылъ снраны, никому дошолъ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи и исторіи, и просвѣшилъ божественною вѣрою безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныя другими ревнищелами христіанства въ Европѣ и Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

А. Пушкинъ.

(*) Разсѣянныя черты изъ землеописанія
россійскаго, соч. М. Н. Муравьева.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

ОПИСАНИЕ КАРПАТСКИХЪ ГОРЬ.

Каморникъ, 22 мая, 1810 года.

При несносной погодѣ, сопровождаемой снѣгомъ и градомъ, я оставилъ Баршфельдъ, тѣмъ съ большимъ прискорбїемъ, что и въ короткое время получила ошъ водъ великое облегченіе. Впрочемъ, хошя и не успѣлъ окончить полного курса лѣченія, но рука моя съ сего времени поспешенно начала укрѣпляться.

Хошя я уже привыкъ къ горамъ, но, при грозной пасмурной погодѣ, ихъ голыя кругловатыя вершины, ихъ крупные скапы, покршыные лѣсомъ и зеленью, внушали какой-то ужась. Дорога, испорченная

продолжительными дождями, была такъ дурна, и мѣспами такъ узка, и спѣсна на пропастями, что у меня закружилась голова. Я безпрестанно пѣнялъ моему другу, что въ столь несносную погоду принудилъ меня выѣхать. Когда же онъ, наскучивъ моимъ дурнымъ нравомъ, рѣшишельно сказалъ: „ну, если ты не хочешь ѣхать впередъ, то мы, пожалуй, скашимся назадъ, такъ скоро, какъ корабль, идущій по 15 миль въ часъ при попутномъ вѣтрѣ,“ я опять согласился и предался моему любимому занятию, созерцанію природы.

Горы, одна другую превышающія, и какъ бы одна на другой споящія, представляли различные виды: тамъ въ видѣ башни, тамъ подобныя тигантамъ, разсѣкая быспрошекущія по вершинамъ ихъ мрачныя облака, казалось, подобно привидѣніямъ, двигались, переходили съ мѣста на мѣсто, и исчезали вдали въ таинственной темнотѣ. Измѣряя удивленнымъ взоромъ глубину пропащей, высоту отвѣсныхъ скалъ, щепотно искалъ я веселыхъ романическихъ ландшафтовъ:

куда ни обращался, вездѣ находилъ дикую, грозную природу, обезображенную бурями и спремительными пошоками, копорые наполняли долины и поля огромными массами камней и вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ. Вѣчно зеленяя гробовыя сосны придавали симъ видамъ какое-шо неизьяснимое уныніе. Повсюду распроспраняемое оными грустное единообразіе влекло къ задумчивости, и ушрашенное воображеніе не могло поспигнуть, какимъ образомъ слабый и бренный человекъ ошваживаешся жить посреди сихъ висящихъ скалъ, на краю бездонныхъ спремнинъ, гдѣ бѣдная его хижина, домашній скопъ, небольшая пашня и все его имущество подвергается ежечаснымъ опасностямъ. Кшо могъ принудишь человека, спросилъ меня повариха, промѣняшь плодоносныя долины и спокойныя берега рѣкъ на сіи безплодныя скалы, предназначенныя природою для убѣжища хищныхъ звѣрей? Въ сіе время попались мнѣ въ глаза ошашки рыцарскаго замка, прикрѣпленные на вершинѣ ошпроконечной горы: о, конечно, восклик-

нуль я, необузданное своеволие феодализма, когда самые независимые жестокосерднѣйшіе владѣльцы гнѣздились на эшихъ крупизнахъ и могли безнаказанно припѣснять беззащитныхъ мирныхъ поселянъ. Безъ сомнѣнія, въ то время, когда народъ, преданный всѣмъ ужасамъ безначалія и ненасытимаго честолюбія вельможъ, не могъ надѣяться на покровительство царской власти и законовъ, принужденъ былъ, уступя необходимости, оставить плодородныя долины и предпочесть бѣдность независимости, логовище медвѣдей и волковъ сосѣдству сихъ замковъ, близъ которыхъ жизнь и имущество крестьянъ, цѣломудріе женъ и дочерей ихъ зависѣли отъ произвола сихъ демоновъ-грабителей. Въ утѣшеніе свое они могли сказать: жить съ хищными звѣрями, среди пропастей, въ подземныхъ пещерахъ и въ глуши лѣсовъ, хотя не совсемъ безопасно; но пломядные обитатели лѣсовъ менѣе страшны феодальныхъ помещиковъ.

Во весь почти день шель непрерыв-

но мокрый снѣгъ съ изморозью; солнце изрѣдка проглядывало. Къ вечеру небо померкло, послѣдніе лучи западающаго солнца исчезли, пошелъ дождь и едали грянуль громъ. По мѣрѣ приближенія грозы, дождь усиливался, мрачность увеличивалась, небо, разсѣкаемое молніями, загорѣлось, громовые удары слѣдовали одинъ за другимъ, и опоропѣвшія лошади шли шагомъ и безпрестанно оспанавливались. Наконецъ, казалось, небо разпворилось и дождь пролился въ такомъ изобилии, что даже на вершинахъ горъ текли ручьи. Малѣйшія водопромоины и овраги обратились въ быстрые потоки. При каждомъ ударѣ грома извоцикъ, пворя молишву и знаменуя себя крестомъ, совѣщоваль оспановишься на горѣ, увѣряя, что нельзя переправиться чрезъ ложбину. Неупѣливый мой поварищъ кричалъ: спупай, погоняй! Спустились подъ гору. Шумъ пошока и громовые удары, какъ нарочно въ сіе время усилившіеся, засшавили меня ропшашъ на упрямство поварища. Испуганныя лошади замались, спали; но, понуждаемыя двумя кнушами, бросились,

поплыли. Вдругъ переднія колеса уперлись въ крутизну прошиволежащаго берега, коляску повернуло по печенію и поспавило на одно заднее колесо бокомъ; къ счастью двѣ переднія лошади были уже на сушѣ, шворень уцѣлѣвъ, и два проворные матроза успѣли соскочить въ воду и поспавить коляску прямо. Извоцикъ, сидѣвшій на коренной лошади, прыгнувъ на берегъ и кричалъ отчаяннымъ голосомъ, призывая всѣхъ свѣпыхъ на помощь. Сколько ни понуждали лошадей, они опказались служить и легли. Инаго дѣлать было нечего, какъ, оппрягши, вывести ихъ на сушу, попомъ на своихъ плечахъ вышпацишь шуда же экипажъ. Съ проспѣленнымъ плечомъ и безъ руки, будучи не въ соспояніи помогать моимъ спущникамъ, я оспавался празднымъ зрительемъ, и подобно всѣмъ лѣнивцамъ сердился и ворчалъ.

Между шѣмъ, какъ мы исправились и запрягли лошадей, дождь переспалъ, гроза умолкла, шолько бурный вѣспрь сильно качалъ деревья: мы были въ лѣсу. Черныя облака спущились, насшупила

шемноша, споль непроницаемая, что, казалось, небо соединилось съ землею. Предъ нами и вокругъ насъ ни одного предмета различить было невозможно. Что дѣлать: спросилъ меня поварищъ, спуча опъ холода зубами; дожидаться ли разсвѣта, или ѣхать впередъ? Безъ сомнѣннй впередъ до первой деревни; кашель меня замучилъ: опвѣчалъ я. И шакъ, вооружившись перпѣннємъ, пуспились мы далѣе; но скоро вѣшвами сосны сломали верхъ коляски, попомъ, колесомъ зацѣпившись за пѣнь, стали, и, осмотрѣвшись, увидѣли, что заѣхали въ чащу лѣса непроходимаго. Извощикъ объявилъ, что онъ не вѣдаешъ, куда мы забрели; хопъ голову съ меня долой, прибавилъ онъ съ сердцемъ, не знаю, въ кошорой споронѣ находнтся опъ насъ дорога. Одинъ матрозъ пошелъ искать ее вправо, другой влѣво, поварищъ впередъ, я осшался съ извощикомъ и началъ ласково распрашивать его, еспь ли по близоспи какая либо хижина, гдѣ бы укрыться опъ непогоды. Онъ понималъ меня хорошо; но опвѣчалъ споль испорченнмъ славянскимъ языкомъ, что мнѣ

нужно было съ великимъ вниманіемъ прислушиваться и ловить слова, изрѣдко для меня вняшныя. Поперявши [перпѣніе, я началъ сердиться; извоцикъ въ досадѣ билъ своихъ лошадей, копорыя, повѣся голову, не прогались съ мѣсна. Увидѣвъ безполезность моихъ усилій добиться смыслу опъ безтолковаго, я рѣшился молчать и перпѣть.

Завернувшись въ шинель и надвинувъ фурашку на глаза, опъ скуки считалъ секунды; но прошло добрыхъ полчаса, и никто не возвращался. Тщешно прислушиваясь къ малѣйшему шороху деревъ, я попереялъ уже надежду, какъ вдругъ голосъ въ правой споронѣ: сюда, сюда! возвращиль мнѣ чувствва и, можно сказать, жизнь. Извоцикъ, отвѣчая на призываніе дикимъ крикомъ, бросился въ шу спорону, и я оспался одинъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился предо мною машпрозь. Гдѣ извоцикъ, спросиль я его. Онъ долженъ бышь здѣсь, отвѣчалъ Иванъ. Да развѣ ты его не видалъ? Онъ пошелъ къ тебѣ. Нѣшь, продолжалъ Иванъ, да въ эшакой шемношѣ и въ двухъ шагахъ ни

зги не видашь. Что жь намъ дѣлать? Выбравшись на дорогу. Ну, поворачивай лошадей, веди ихъ въ поводахъ, я буду цогоняшь. Чрезъ пни и колоды, кое какъ, съ трудомъ выѣхали мы къ опушкѣ лѣса и возвратились къ тому самому мѣсту, гдѣ переправлялись чрезъ ручей. Напрасно опчаянымъ крикомъ призывали мы разошедшихся въ разныя стороны поварищей: отзыва не было. Потерявши голосъ, я приказалъ Ивану выстрѣлить изъ пистолеша. Другая бѣда, другая неудача! Лошади, испугавшись, начали биться. Но, по счастью, запушавшись въ поспройкахъ, скоро осшановились. Мапрозъ, взявши на сундукъ, позади коляски привязанный, и насыпая порохъ на полку, началъ дѣлать вспышки. Наконецъ сія выдумка удалась, и сперва извоцикъ, пошомъ поварищъ, и другой мапрозъ собрались. Послѣдній изъ нихъ упалъ въ ровъ и больно разшибъ себѣ ногу и оцарапалъ до крови лобъ.

Распушавши лошадей, и взявци по колу въ руки, пошли мы по обѣ спороны шропинки, кошорая привела насъ къ

подошвъ крупной горы. Взобравшись на
 вершину оной, опяшь очутились въ лѣсу,
 и дорога пропала; однако жъ извозчикъ
 увѣрялъ, что мы должны быть близко
 деревни. Люди бросились искать дороги,
 и, осмопрѣвши кругомъ, не нашли ника-
 кихъ примѣтъ близкаго жилища. Изво-
 щикъ, не показывая ни сомнѣнiя, ни без-
 покойства, ударилъ по лошадамъ; но, про-
 ѣхавши немного, остановился, и при-
 знался, что самъ не знаешь, куда завезъ.
 Тысячи проклятiй посылались на голо-
 ву бѣднаго мужика. Горя нешерпѣниемъ,
 мы вышли изъ коляски; извозчикъ, бро-
 сивъ лошадей, убѣжалъ въ лѣсъ. Въ ша-
 комъ положенiи оспавались мы нѣсколь-
 ко минушь, не зная, что начашъ, какъ
 вдругъ извозчикъ возвратился, и, запы-
 хавшись, сказалъ: ну, слава Богу, здѣсь
 деревня; но, чтобы не переломать по этой
 дорогѣ коляски, надобно объѣхать кру-
 гомъ добрую милю. Вези прямо, въ одинъ
 голосъ ошвѣчали мы. Узкою извилистою
 шропинкою въѣхали въ чащу лѣса и по
 крутому скашу начали спускаться подъ
 гору, съ трудомъ пробираясь между спле-

шенными вѣшьями сосень и между каменьями. Звонъ колокола, попомъ лай собакъ, и наконецъ мелькнувшій огонекъ заславили меня забышь всѣ прешерпѣнья безпокойства. Въ радости мы общали бѣдному измученному возницѣ червонецъ, какъ вдругъ попали въ угольную яму, а попомъ очутились на берегу быспраго ручья, ошдѣлявшаго насъ опъ запусѣлой полуразвалившейся хижины.

Повернувши вдоль берега, переѣхали наконецъ моспикъ, и очутились посреди разсѣяной деревни *Орлика*. Мы остановили упомянутыхъ коней своихъ у первой хижины, гдѣ свѣспился еще огонекъ; было 9 часовъ, следовательно мы употребили около 7 часовъ на проѣздъ шрехъ миль. Постучали въ окно; удивленный хозяинъ, вышедши на улицу, спросилъ, кто мы и опкуда прѣехали. Въ избѣ нашли нѣсколько нашихъ манпрозовъ, кошпые, видя, что мы шряслись опъ холода, поспѣшно развели большой огонь на очагѣ. Обсушившись и напившись чаю, я бросился на скамейку и шощасъ уснулъ очень сладко.

Орликъ, 25 мая,

Утро было холодно и шуманно; но когда мы проехали отъ Орлика полмили, солнце проникло густыя облака, и поспеянно стали открываться прелестныя и дикіе виды. Дорога была шакъ дурна, что даже на вершинахъ горъ колеса уходили по самую ступицу въ глинистую грязь; сверхъ того ровно 16 разъ переѣзжали мы вбродъ и по плохимъ мостамъ рѣку *Кашицъ*; и почти столько же нѣскольکو малыхъ ручьевъ, впадающихъ въ нее съ правой стороны. Дорога сначала шла вдлину, попомъ извилинами между горъ, и наконецъ мы принуждены были безпрестанно спускаться и подыматься по дну ущелій, промытыхъ водою и наполненныхъ иломъ и снесенными съ горъ каменьями и деревьями. Не возможно описать того разнообразія, въ какомъ природа измѣняется здѣсь въ различныхъ своихъ красотахъ. Ущесы, мрачныя сосновые лѣса, хижины, развалины замковъ, видимыхъ подъ облаками, водопады и ключи составяютъ картинны, подобныя тѣмъ, какія нѣскольکو раз-

ноцвѣшныхъ стеклышекъ предшавляюшь въ калейдоскопѣ удивительныя и прелестныя явленія. Въ одномъ мѣстѣ нѣсколько опвѣсныхъ громадъ споишь опдѣльно и споль близко между собою, что выющіяся между ними шропинки подобны узкимъ коридорамъ; спѣсны сошавляюшь ушесы, поросшія соснами, копорыхъ сплешшіяся вѣшви скрываютъ небо. Туть, кажешся, никогда не была нога чловѣка; туть царштуешъ вѣчный сумракъ: все въ разрушеніи, и взоръ встрѣчаешъ одни безобразныя груды, облеченныя дикимъ и суровымъ величіемъ. Миновавъ дефилею, прикрывающую входъ въ рошу, вдругъ очутились мы на полянѣ, орошаемой ручьемъ и окруженной не высокими горами, изъ-за коихъ выглядывали скалы, копорыхъ вершины, иногда голыя, иногда одѣшныя зеленью, сошавляли огромный амфитеатръ горъ, въ беспорядкѣ наваленныхъ одна на другую. Великолѣпное зрѣлище предшавляешся туть въ разительныхъ картинахъ, и нечаянное явленіе ихъ поражаетъ пріяшнѣйшимъ образомъ глаза и вообра-

женіе. Переходя съ крупизны на кру-
пизну, съ уснупа на уснупъ, излучи-
стая пропинка спановилась опчасу кру-
че, и плънипельнѣйшіе виды смѣнялись
одни другими, споль скоро и неожиданно,
что надобно было останавливаться на
каждомъ шагу. Подъ ногами видѣнь были
упесь, подобный колоннѣ, какъ бы нароч-
но со всѣхъ сторонъ обпесанный и совер-
шенно неприступный. Надъ головою
споить, наклонившись, скала, кой-гдѣ
преснувшая и поросшая молодыми ду-
бами и орѣшникомъ; на вершинѣ ея
и на самомъ краю висять осипки
развалившагося разбойничьяго замка. По
ворота влѣво, вдругъ очутились на
лугу, и на берегу ручья, быспро камя-
щагося между кучами каменьева. Истоки
сего ручья представляють живой ланд-
шафтъ. Онъ начинается прекраснымъ
водопадомъ, не сполько замѣчательнымъ
высошою паденія и количествомъ воды,
какъ своимъ положеніемъ. Ключъ, какъ
изъ разбитой бочки, низвергается чрезъ
оспроконечный камень, вышиною въ пять
сажень, и упадаеть въ бассейнъ, изъчен-

ный рукою природы; вода лупть льешся какъ въ бокаль, и переливаясь, чрезъ край, вершишь два мѣльничныхъ колеса, близъ коихъ, не смолря на волнистое движеніе, вода столь прозрачна, что на днѣ можно было различить малѣйшіе камешки. Ниже мѣльницы, осѣненной мрачными соснами, быспроша ручья уменьшается въ высокихъ берегахъ, покрытыхъ густымъ ивнякомъ; далѣе, прегражденный мшистыми камнями, усиливается, журчитъ, и наконецъ вновь являясь, извинаясь посреди поляны, покрытой мягкою муравою и душистыми ландышами.

Когда взобрались мы на высоту горъ, небо, дошомъ ясное, вдругъ задернулось облаками, и начался сперва мѣлкой, потомъ довольно сильной дождь, которымъ насъ премочило до костей; и какъ тропинка шла по краю пропасти, во сто сажень перпендикулярной высоты, то мы принуждены были итти пѣшкомъ и поддерживать коляску, которую уславшія лошади насилу шацили шихимъ шагомъ. Проводникъ увѣрялъ насъ, что недалеко есть пещера, въ которой можно укрышь-

ся отъ непогоды. Пещера сія была ошкрышый гротъ , или небольшое углубленіе подъ навѣсомъ скалы. Въ ней нашли мы стадо овецъ, и смиренно между ними помѣспились. Сильный вѣспрь, пошряся деревья, прикрывающія входъ грота, сыпалъ на насъ крупными капли дожда. Не надѣясь шуть переждашь ненастья, принуждены были вскорѣ осшавишь сіе безпокойное убѣжище, и не разкаялись въ шомъ. Чрезъ полчаса дождъ перешалъ, и взорамъ нашимъ предшавилось новое, можно сказашь, волшебное явленіе. Мы находились на самой вышомѣ Карпатскихъ горъ. Сильный вѣспрь гналъ передъ собою шучи. Однѣ изъ нихъ быспро спремались впередъ; другія упали внизъ; иныя поднимались вверхъ. Грозныя черныя облака, съ удивительною скоростію несущіяся низко надъ головами нашими, мгновенною перемѣною своего положенія изображали различные виды: то предшавляли собою гиганша, и сквозь сія шучи, разрѣзываемыя вершинами горъ, проглядывало голубое небо, освѣщенное яркими лучами

солнца. Пространство, заключенное между небомъ дальнимъ и внизу плавающими облаками, казалось пустымъ. Подъ ногами нашими представлялись еще чудеснѣйшіе предметы: направо и на лѣво шянуплась длинная цѣпь горъ, коихъ вершины, прорѣзывая тучи, казалось, висѣли на воздухѣ. Облака, спускаясь ниже и ниже, обращались въ волнующійся паръ и посщепенно открывали горы; къ югу представлялись обширныя равнины, лѣса, ручьи, веселыя долины, хижины, поля и луга Венгріи; къ сѣверу Гилиція, въ шакомъ безпорядкѣ, въ какомъ поэты изображаютъ хаосъ, бывшій при сотвореніи міра. (*)

В. Броневскій.

(*) Изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Путешествіе отъ Триеста до С. п. бурга.

Ю Н І О И Т Е А Н А .

Едва первая искра раждающагося разума освѣтила душу Юніо, какъ по волю родителя онъ долженъ былъ оставишь счастливый островъ свой и ѣхать въ тѣ мѣста, гдѣ древняя Темза орошаетъ гордыми струями Этонъ, тихое пристанище музъ. Тамъ Юніо скоро позналъ всю сладость ученія, и Изида увидѣла его поющаго на вдохновенномъ берегу ея гимнъ девяти сеспрамъ. Любовь сказывала ему стихи его: прелестная Теана, дочь Акасиа, была единственнѣмъ предметомъ его пѣсней. Съ самыхъ нѣжныхъ дней молодости своей Юніо вздыхалъ о Теанѣ. Часто онъ наклонялъ воздушную вершину кокосоваго дерева и испочалъ изъ него

нектаръ для своей красавицы. Юная дѣва, принимая отъ него сокъ сей, находила его еще вкуснѣе. Долгое отсутствіе Юнію отъ своей родины не изгладило въ сердцѣ его воспоминанія о Теанѣ. Ея красы торжесшвовали еще въ глазахъ его надъ всѣми прелестями дѣвъ британскихъ. Въ одно утро Юнію встрѣчается съ нею въ смѣющихся садахъ Шена; онъ не зналъ, что въ сихъ мѣстахъ скрывалось все его благополучіе. Созрѣвшій вкусъ его одобрилъ выборъ его дѣшества; цвѣтъ лица, станъ, пріятность, выразишельность взоровъ, все кажется ему совершеннымъ въ Теанѣ. Въ ней сіяють всѣ обворожительныя прелести и всѣ добродѣтели, копорыми красится цоль ея. Слабо объясню я воспоргъ, исполнившій душу Юнію при видѣ его любезной; онъ открываелся ей въ любви своей: Теана признаетъ его достоинства и соглашается отдать ему свою руку,

Не уже ли Гименъ не зажжетъ блестящихъ свѣтильниковъ своихъ для соединенія сей обрадованной четы? Нѣтъ: они не зажгутся!

Юнію извѣстна была ненависть отца его къ семейству Теаны. Обязанность, благодарность, почтеніе къ родителю возпрещаютъ ему вспунить въ счастливый бракъ съ нею. Онъ рѣшается: и сія рѣшимость спойтъ ему многихъ вздоховъ; онъ рѣшается удалиться на то время, пока смерть не прекратитъ вѣтхіе дни сердца. Онъ направляетъ путь свой въ ученія страны древней Европы; Теана, проливъ ручьи слезъ, ошѣзжаетъ съ горестію на свой родимый островъ.

Изобилующій ученостію, обогащенный любопытными свѣдѣніями, одаренный благородными шаланпами, которые, украшая разумъ его, могутъ сдѣлаться со временемъ полезными для его опечесства, Юнію нигдѣ не находишь для себя улады. Онъ объѣзжаетъ веселую Францію; Фландрію, страну благоденствія; Грецію, бывшую прежде жилищемъ музъ, храбрости и свободы; переменные климаты Авзоніи, гдѣ живопись, музыка, искусства и законы, дѣши мудрой философіи, обращаютъ попеременно на себя вниманіе соперничествомъ красотъ своихъ:

его правильный вкусъ и пріученный глазъ находятъ въ совершенствѣ формъ Венеры медицинскій почное изображеніе прелестней его индіанки; но когда она произносила ему слова любви своею, то голосъ ея превосходилъ въ пріятности самыя сладостныя звуки италіанскаго пѣнія.

Два долгіе года медленно прошекли до той минуты, какъ Юніо получилъ письма, возвѣспившія въ коронскихъ словахъ кончину его родителя. Заплачивъ должную дань сыновней нѣжности, онъ слѣдуешь прежнему слову своему и возвращается въ Англію, гдѣ тотчасъ пересаживается на корабль и спѣшитъ къ предмету любви всей.

Дуйте, попутныя вѣтры! Несись быстро, легкое судно! Легкое судно быстро плывешь по попутному вѣтру.

Внезапно большой вооруженный корабль, вышедшій ошъ надменныхъ береговъ Шаранги, нападаетъ на нашихъ пловцовъ въ бурныхъ водахъ Бискайскихъ. Трепещущіе мапрозы готовились уже спустить флагъ свой, какъ неустрашимый Юніо, воспаленный благороднымъ не-

годованіемъ, опрокидываетъ непріятельскаго вождя, производившаго на палубѣ ужасное кровопролитіе. Французы удаляются; Англичане поднимаютъ радостный кликъ побѣды. Тронутые стыдомъ, движимые соревнованіемъ, они направляютъ сполъ удачно мѣшкій огонь своихъ орудій, что непріятельскій корабль скоро погибаетъ.

Дуйте, попутные вѣтры! Несись быстро легкое судно! Да никакія опасныя бишвы не преграждать шеперь пуши шво-его!

Высокіе утесы Порто-Санто мелькнули уже вдали, какъ шуманное облако. Сильное дыханіе Эвра гонитъ корабль впередъ; мореходцы предаются радости; всѣ парусы разпущены на волю благопріятнаго вѣтра. Между тѣмъ вооруженный оспрогою мапрозъ, споя на краю корабля, колеть ею жадныхъ обитателей моря: легкая раковина, гордясь блескомъ своего корпуса, прыгаетъ по волнамъ; лучія рыбы носяшся вокругъ корабельныхъ снастей, и красивые дельфины играютъ весело передъ судномъ.

Хотя корабль летишь быспрѣ пти-
цы пропиковъ, но Юніо часпо повтора-
ешъ: скоро ли увидимъ мы берегъ? Нако-
нецъ показывается земля. Въ сладкихъ
мечтахъ надежды онъ прижимаетъ уже
къ сердцу своему милую индіянку и за-
бываетъ всѣ усалоеши дороги.

Теана, не менѣ озабоченная, прихо-
дила каждый вечеръ гулять на свѣжій
берегъ океана, надѣясь открышь въ дали
корабль своего любезнаго.

Нѣсколько дней уже обманчивая ши-
шина предвѣщала непогоду. Въ одинъ ве-
черъ свирѣпые геніи бури слепѣлись въ
воздухъ: громъ, дождь, молнія изливаютьъ
наперерывъ свою ярость. Теана бѣжитъ:
если бы невинность и красота могли из-
бавишь отъ гроба; то смершная спрѣла
наспигшая Теану, отвращила бы ударъ
свой отъ головы ея.

Между тѣмъ нестерпѣливый Юніо
спрыгиваетъ съ корабля на берегъ, не ду-
мая о бурѣ. Ахъ, молодой несчастливецъ,
какія бѣдствія, превыше силъ человѣче-
скихъ, готовы тебя постигнушь! Не го-
ни съ шакою поспѣшностію быспраго

моя твоего. Но Юнію переступилъ ужъ за порогъ дома Теаны. При входѣ его спарринные слуги испускають ужасный вопль и показываютъ ему роковую комнату. Пошерянный, не понимая, что хотяшь сказать ему, онъ идетъ жуда скорыми шагами.

Небо, какое зрѣлище для нѣжнаго любовника!. Теана лежишь блѣдная и покрытая мрачною пеленою смерти. Лучъ радости блеснулъ однако еще разъ на лицѣ ея; она узнаешь своего молодого друга и говоришь ему слабѣющимъ голосомъ:

„Да благословенъ будетъ приходъ твой, любезный Юнію, на шомъ берегъ, кошорый былъ свидѣтелемъ твоего рождения! Твое присущствіе уменьшаетъ жестокость моего жребія; живи и будь счастливъ; вспоминай иногда обо мнѣ: день и ночь я занималась шобою, и теперь, послѣ Бога, ты остаешься первымъ предметомъ мыслей моихъ. Возми всѣ мои богатства: жалю, что не было ихъ болѣе . . . . “Гушь голосъ ея пресѣкъся; она обращаетъ на друга послѣдній взоръ

свой, обнимаешь его, и умираешь со вздохомъ.

Но какія слова, какой языкъ въ состояніи выразишь скорбь, раздирающую сердце ея любовника? Онъ бросается на бездушный шрупъ Теаны, покрываешь поцѣлуями блѣдныя и оледѣлыя губы ея; силишься говорить, но не можешь произнести ни одного слова; онъ вздыхаешь, усмремляешь глаза къ небу, и умираешь.

Одна гробница вмѣстила сію вѣрную и злополучную чешу, и островъ сохранилъ на вѣчныя времена память любви ихъ.

(Изъ Grainger). И. А.

ЛАКЕЙСКІЕ ПРАВЫ.

(Изъ Антенскаго Пустынника, Жци).

Я читалъ множество сочиненій о воспитаніи для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ сословій и для всѣхъ званій; но не знаю ни одного, написаннаго для слугъ, между шѣмъ, какъ сами защитники не вѣжесхва соглашяща въ томъ, что не лишнее было бы дать имъ нѣкоторое образованіе. Должно замѣтить, что изъ всѣхъ поговорокъ, изъ всѣхъ пословицъ, имѣющихъ основаніемъ нравы и обычаи зшихъ людей, нѣтъ ни одной, которая была бы въ пользу ихъ. Говорятъ: подлб, дерзокб, лбнивб, какб лакей; пьлнб, какб кцтерб; ерцбб, какб швейцарб (придверникб), и множество другихъ сравненій, столь-

ко же справедливыхъ, какъ и необязательныхъ. Древніе и новые комическіе авторы, кажется, согласились вывести на сцену условный родъ слугъ, который не имѣеть и вѣроятно никогда не имѣлъ себѣ образца въ переднихъ. У Мольера и Реньяра всѣ лакеи отличаются рѣдкимъ остроуміемъ. у Дешуша и Ла-Шоссе большая часть изъ нихъ одарены неизмѣннымъ безкорыстіемъ, вѣрностію и разборчивостію: все это совершенно не справедливо. Можеть быть, что, перемѣняя нѣсколько разъ, молодой человекъ успѣеть найти себѣ какого нибудь *Либранши*, или *Фронтеня*, умѣющаго довольно хитро обманывать заимодавцевъ и доставлять искуснымъ образомъ любовныя записки; можеть быть также, бывали примѣры слугъ вѣрныхъ, преданныхъ и благодарныхъ: но это рѣдкости, а не обыкновенныя произведенія ихъ племени. Впрочемъ я намѣренъ заниматься теперь не пороками ихъ и не свойствами, а одними только недостатками. Я не стану разсматривать ихъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ госпо-

дами, но только въ томъ видѣ, какимъ образомъ они, находясь безъ надзора, исполняютъ свои обязанности.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ о случаѣ, который подаль мнѣ мысль написать эту сцѣнку.

Одинъ изъ моихъ старинныхъ друзей сдѣлался теперь могущественнымъ вельможею. Опычныя его достоинства доставили ему важное мѣсто, которое онъ занимаетъ съ рѣдкимъ счастьемъ, не имѣя ни соперниковъ, ни завистниковъ. Онъ достигъ знатности и богатства: я оспался въ прежней, моей скромной долѣ. По-нашему, онъ бы долженъ былъ отыскать меня; но разныя занятія не позволяли ему обо мнѣ вспомнить: и такимъ образомъ мы около пяти лѣтъ съ нимъ не видались. Нѣсколько дней тому назадъ, получилъ я отъ него слѣдующую записку.

„Я заѣзжалъ къ тебѣ, но не засталъ тебя дома. Мы очень давно уже другъ друга не видали. Тебѣ извѣсны мои причины, а я знаю твои. Но я все это время былъ ужасно какъ озабоченъ дѣ-

„лами, а попому ты болѣе меня вино-
 „вашь. Желая увѣришь себя въ шомъ,
 „ожидая тебя въ слѣдующій понедѣльникъ
 „къ себѣ завтракать: мы будемъ одни.

Я не люблю заспавляшь себя просить
 два раза, и, помышляя только объ удоволь-
 ствіи, кошорое обѣщало мнѣ это друже-
 ское свиданіе, я отправился вчера поу-
 шу въ чершогн Графа П*** въ обыкно-
 венномъ проспомъ моемъ плашьѣ, кошо-
 раго, какъ въ послѣдствіи увидяшь, я не
 расчислилъ неудобствъ. Опъ меня да пред-
 мѣстія *Сентъ — Окоре* довольно далеко; и
 я, опирая съ лица полъ, вошелъ подъ во-
 роша, гдѣ великорослый скороходъ игралъ
 съ горничною дѣвушкою. Онъ едва не
 сшибъ меня съ ногъ, желая поймать кра-
 савицу, которая безъ всякихъ околично-
 сшей спряшалась за меня. Въмѣсто шого,
 чшобы извинишься, наглець, осмопрѣвъ
 меня съ головы до ногъ, подкинулъ вверху
 длинную свою палку, громко захохоталъ, и
 замѣля, чшо я собираюсь порядкомъ его
 поколошить, побѣжалъ на лѣспницу. Я
 вошелъ на дворъ, ища глазами придверни-
 ка. Конюхъ, кошорый мыль карешу, за-

брызгалъ меня своими помоями, и, вмѣсто всякаго отвѣща на упреки мои за его неоспорожность, закричалъ мнѣ грубымъ голосомъ: *стѣпайте къ Швейцару; онъ васъ требуетъ*. Въ самомъ дѣлѣ, этакъ господинъ, отворивъ на крыльцо большія спеклянныя двери, съ повелительнымъ видомъ спросилъ меня: какъ я осмѣлился войти, не сказавшись ему? Воздержавъ свое негодование, я сухо отвѣчалъ, что нигдѣ не видѣлъ надписи, означающей каморку придверника. „Этакъ отъ того, сударь мой, что здѣсь нѣтъ ни каморки, ни придверника, а есть покой Швейцара. — Пусть будешь шакъ; но скажи мнѣ, почему я могу узнать въ тебѣ Швейцара? Судя по твоей черной бархатной шапкѣ и глупому пестрому халату, тебѣ скорѣе можно принять за... — Прошу кончить: кого вамъ угодно? — Твоего господина. — Какъ! Его Сіашельсхва? — Такъ точно, Графа П***, моего пріятеля, къ которому я пришелъ завпракашъ, и которому пожалуюсь на грубость людей его. — Осмѣливаюсь надѣяться, сударь, что вы меня извините: это произошло отъ того, что...

— Понимаю: опъ того, что зонтикъ мой показывается, что я не прїѣхалъ въ каретѣ; но, мнѣ кажется, можно бы обходиться учтиво и съ пѣшеходцами.“ Сказавъ это, я вошелъ по главной лѣстницѣ въ переднюю, гдѣ пять, или шесть лакеевъ занимались каждый своимъ дѣломъ: одинъ чистилъ плащъ, другой завивался, третій поправлялъ лампы, а двое играли на каминѣ въ пикетъ. Никто изъ нихъ прїходъ ко мнѣ не пошевелился. „Прошу затворить плотно за собою двери, сказалъ мнѣ одинъ изъ игроковъ.— Ты можешь сдѣлать это самъ, и сверхъ того отворишь мнѣ другія, отвѣчалъ я ему. — Что вамъ нужно?... *Три туза!* — Я хочу видѣть Графа. — Онъ не принимаетъ.... *Пять и пятнадцать!* — Онъ самъ меня приглашалъ. — *Не годятся!*... А какого рода это приглашеніе?— Не швое дѣло: проводи меня къ камердинеру.

Въ слѣдующей комнатѣ былъ я прїнятъ съ такимъ же пренебреженіемъ тремя камердинерами, которые чистили газетъ. Такъ какъ они продолжали свое чистеніе въ моемъ присутствіи; то я выр-

дать лишь въ руку одного сидящаго, ближе тѣща, приказывая ему шопчасъ доложить обо мнѣ. Ощорожь въ нѣсколько оупь сердитаго моего вида и рѣшимельноести, онъ вскочилъ со стула. „Его Сіяшительство до двухъ часовъ, никого не принимаетъ, сказалъ онъ. Никого? Никого сударь, кромѣ одного изъ его пріятелей, кошораго онъ ожидаетъ къ себѣ завтракать. Ну, а если бы эшо было? Вы, сударь? (сказалъ онъ, поглядывая на мой зоншикъ). Точно я . . . поди и скажи, что пришелъ *Антенскій Пустынникъ*.“ . . . Почпитель-но поклонившись мнѣ, онъ шопчасъ побѣжалъ докладывать; одинъ изъ его шоварицей, съ подобострастіемъ принявъ оупь меня серпукъ и здосчасный зоншикъ, шоропидся ошворить мнѣ двери въ кабинетъ графа, между шѣмъ, какъ шреншій, взявъ подъ мышку большое по-лѣно (сообразно со шпариннымъ обычаемъ прибавляшь въ каминъ дровъ при входѣ каждаго важнаго) слѣдовалъ за мною.

Графъ принявъ меня самымъ ласковымъ образомъ; мы дружелюбно обнялись и пошомъ прѣсшупили ко взаимнымъ упре-

камъ, копорые онъ прекратилъ; сказавъ, что должно умѣть любить друзей своихъ даже и въ еясти: правило, копорому очень легко было бы слѣдовать, если бы всѣ люди, пораженные благополучіемъ, также ласково принимали прежнихъ своихъ знакомцевъ, какъ именишый мой согражданинъ. Но, не входя въ разсужденія на счетъ этой щекошливой спашти, возвращаюсь къ своему предмету. Благоклонный приемъ въ кабинетѣ не совершенно еще изгладилъ досаду, причиненную мнѣ въ передней. Я слегка разсказалъ Графу, какъ неблагопріятно меня встрѣтили. Онъ принялъ это слишкомъ уже спрого, и хотѣлъ прогнать оцъ себя всѣхъ шѣхъ людей, на копорыхъ я имѣлъ причину жаловаться. Но я смягчилъ гнѣвъ его, замѣшивъ ему, что обвиняшь лакеевъ въ недосшапочномъ уваженіи и вѣжливосши къ шакому человеку, копорый не опличается ни наружностью, ни шиплами, значило бы претовашъ оцъ нихъ болѣе, нежели чего мы ожидаемъ оцъ самихъ господъ: въ слѣдствіе чего я наконецъ испросилъ всѣмъ

имъ прощеніе за ихъ наглость, изъ уваженія къ хорошему тону.

Посмѣявшись на степь хорошаго тона лакеевъ, мы однако же согласились въ томъ, что передніа имѣющія свои правила и положенія, копорыя впрочемъ теперь даже и въ Парижѣ можно найсти развѣ только въ немногихъ домахъ. Между прочими неприличносстями, копорыя мы всякой день видимъ, замѣтила я, что лакеи входящія въ госпінныя въ либрехъ, между тѣмъ, какъ въ этой одеждѣ прилично только спать за парешюю; что они не вспающія въ передней, иногда, какъ госпи чрезъ нее проходящія, и что во многихъ знатныхъ домахъ дворецкія докладываютъ, что кушанье подано, хозяйну, а не хозяйкѣ дома, какъ бы это по настоящему слѣдовало; однимъ словомъ, тысячу разныхъ несообразностей; болѣе, или менѣе неприличныхъ, къ копорымъ для меня весьма трудно привыкать, хотя это и не заславляетъ меня согласишься съ однимъ изъ нашихъ оспроумцевъ, копорый заключаетъ изъ

этого, что мы скоро опять погрузимся въ первобытное невѣжество.

Осваляя эпопѣю домъ, я опять имѣлъ причину жаловаться на слугъ за непомятую ихъ почтительность и уваженіе, сколько же яснѣе, какъ совершенный ихъ недоспапокъ. Вся дворня была въ тревогѣ: два камердинера помогли мнѣ надѣсть вершукъ; лакеи проводили меня до самаго подъезда, опшворяя передо мною насшежь двери; по приказанію Графа, карета была поднята: скороходъ опшворялъ мнѣ дверцы, а швейцаръ, въ широкой своей перевязи, держа въ рукѣ шляпу съ позуменкомъ, шакъ низко кланялся, что я бы вышелъ изъ шербнїя, если бы, глядя на весь эпопѣю народъ, не вспомнилъ словъ Ювенала:

Maxima quaeque domus servis est plena superbia, ш. е. каждый знатный домъ наполненъ гордыми слугами.

С. де Шаллетъ.

П О Э З І Я.

Э Л Е Г І Я.

На грозномъ океанѣ свѣша,
Какъ волны легкія, мелькають наши лѣша,
Замѣшныя. единый мигъ,
Усилія племень земныхъ,
Побѣдный мечъ, скрижалъ поэша,
Все гибнешъ наконецъ.

А если медленнымъ предаемъ
И сохранился намъ минувшихъ дней вѣнецъ:
Иль мужа добраго прекрасный образецъ,
Иль мысль, внущенная небеснымъ созерцань-
емъ —
Какъ перлы, случаемъ изверженны на брегъ.
Мы сами, жадные къ заботамъ современнымъ,
Средь слабыхъ думъ, средь праздныхъ
нѣгъ,
Вниманья не даемъ вѣкамъ, давно — смѣнен-
нымъ,
Ни вѣры памяшникамъ ихъ.

Такъ, въ безднѣ хладнаго забвенья,
Все пошопляентъ смершный мигъ!
Но сколько въ жизни ушѣшенья

Въ замѣну будущиѣхъ утратъ?
 Кому невѣдомо очарованье счастья?

Кипо, полный нѣжнаго участья,
 Безпечный, не вкушала семейственныхъ оп-
 радъ?

Не услаждался гласомъ друга,
 Привѣшнымъ лепешомъ дѣшей,
 Или, на склонѣ бурныхъ дней,
 Твоими ласками, о вѣрная подруга?

Любовь! А твоя небесный жаръ
 Чье сердце чистое безъ шайныхъ нѣтъ оспа-
 виль?

Чей вдохновенный, гордый даръ
 Твоихъ восторговъ не прославилъ,
 Твоихъ надеждъ, шоски твоей
 Очаровательныхъ рѣчей?

Я помню самъ лѣта младыхъ,
 Ихъ обольстительный обманъ,
 И кудри пепельно - златыхъ,
 И будто пальма, спройный спанъ,
 И зорь задумчиво - привѣшный,
 Живое зеркало души.

Я помню: робкій, незамѣнный
 Я милую любилъ въ тиши.

О, первой грусти упоенье,
 Любви, надеждъ благая лѣсь,
 Когда для чувства — вдохновенье,
 И для блаженства — чувство есть!
 Какимъ волшебствомъ непонятымъ,

Какимъ елиіемъ лучшихъ думъ
 Въ шѣ дни все улаждаетъ умъ,
 Все душу радуеть весельемъ необьяннымъ:
 Блисанье неба, шопоть струй,
 Любимыхъ, усль проспья рѣчи,
 Свиданье, скромный поцѣлуй
 И жажда новой, милой встрѣчи!
 Не зная васъ, не пилъ бы я
 Сладчайшей чаши бытія!

Зачѣмъ же призраки сердце славлюбивыхъ
 На блага вѣрныя мѣняютъ?

И мнимой вѣчносью дѣяній горделивыхъ
 Миръ челоуѣка возмущаетъ?

Къ забавамъ жизненнымъ безопасно при-
 спрасье

Не щепно съ жизнью намъ дано:

„Какъ ваши дни — гласитъ оно —

„Невозвратимо ваше счастье;

„Цвѣтите, радуйтесь, покуда длился срокъ!“

Но гордому уму невнятенъ сей урокъ!

Скучаетъ нѣгой онъ, онъ славныхъ бѣдспвій
 проситъ,

И, полный силы неземной,

Свои желанія въ попомство переноситъ,

Блуждаетъ въ будущемъ мечшой.

Туианскій.

С М Ъ С Ъ

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Ж У Р Н А Л Ъ

СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ и **БЛАГОТВОРЕНІЯ**, издаваемый съ 1818 г. Санкт-петербургскимъ Вольнымъ Общеспвомъ Любителей Россійской Словесности, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1825 году подъ прежнимъ названіемъ.

Въ составъ сего журнала опять назначены слѣдующія четыре отдѣленія:

I. ЛИТЕРАТУРА. — Сіе отдѣленіе будетъ составлять:

А. Проза. — Любопытныя историческія ошрывки; записки путешественниковъ; картинныя описанія разныхъ предметовъ; біографіи знаменитыхъ людей; нравственныя повѣсти, и всѣ сочиненія, относящіяся къ извѣстной прозѣ.

Б. Поэзія. — Всѣ небольшія произведенія поэзіи; также ошрывки изъ поэмъ, трагедій и комедій.

II. НАУКИ. — Занимательнѣйшія изслѣдованія по части нравственно-политическихъ

и физическихъ наукъ; разысканія древностей, особенно касающихся до опечеслава нашего, и проч.

III. КРИТИКА. — Сіе отдѣленіе предназначается для разбора всего, что можетъ быть предметомъ вкуса, какъ то: *лучшихъ* сочиненій въ стихахъ и прозѣ, произведеній оплитныхъ художниковъ и ш. п..

VI. СМѢСЬ. — Въ семъ отдѣленіи будутъ помѣщаемы: краткія извѣстія объ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ; о вновь выходящихъ книгахъ, которыя должны обратити на себя особенное вниманіе; льпони си общеслава — и вообще все, что не могло войти въ прежнія отдѣленія.

Въ теченіе года выйдетъ двѣнадцать книжекъ журнала, изъ копорыхъ каждую гг. подписавшіеся получаютъ непременно въ первыхъ числахъ мѣсяца. Три книжки будутъ составлять часть сего изданія.

Вырученныя деньги изданіемъ *Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія*, Общеславо, по Уставу своему, назначаетъ на постоянныя и временныя пособія неимущимъ ученикамъ и учащимся, о чемъ подробно извѣщаетъ Публику въ списанъ журнала, подъ названіемъ: *Лѣтописи Общеслава*; по сему желающіе содѣйствовать сей благотворной цѣли могутъ вносить за экземпляръ годового изда-

нѣ и болѣе подписной цѣны, которая для здѣшнихъ гг. подписчиковъ, безъ доставки журнала на домъ, назначается *двадцать пять рублей*, а съ доставкою и также пересылкою въ другіе города, *тридцать рублей*.

Имяна особъ, доставившихъ за журналъ въ короткое количество денегъ сверхъ подписной цѣны, и вообще всѣхъ *Благотворителей*, припечатываются въ *Лѣтописяхъ Общества*.

Подписка принимается въ Санктпетербургѣ — въ домѣ Собраній Общества, на Вознесенскомъ проспектѣ, 3 Адмиралшейской части, 4 квартала, подъ N 234; также въ книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Общества И. В. Слѣниина у Казанскаго моста и въ Библиотекѣ для чтенія покойнаго В. А. Плавильщикова у Спасскаго моста, члѣны нынѣ А. Ф. Смирдина.

Иногородныя особы, желающія получать сей журналъ, могутъ относиться въ Газетную Экспедицію С. петербургскаго Почтамта.

II

4) **МАННЕРИНГЪ**, или Астрологъ, Историческій Романъ, сочиненіе Вальпера Скопша, 4 часни. М. 1824 г. Цѣна въ бум. 16, въ пер. 20 руб.

Историческіе романы Вальпера Скопша съ такою жадностію приняты въ Англіи

Франціи и Германіи, что ему отдано преимущественно предъ всѣми извѣстными романистами, и жало критики пришло надъ необыкновенными талантами сего знаменитаго писателя. Издавши въ свѣтъ Аспролога, и предполагая въ послѣдствіи издашь другіе романы, нужнымъ считаемъ повѣстовать здѣсь нѣкоторыя замѣчанія просвѣщенныхъ критиковъ о романахъ сего первенствующаго гения нашего вѣка.

Романы Вальтера Скотта наполнены самыми разнообразными картинами, характеристиками и положеніями. Занимательность оныхъ столь велика что, прочтя двѣ главы, не возможно уже оставить книгу; неупомимо же продолжая чтеніе, съ сожалѣніемъ оканчивается оное. Читатель, самый опытный и хладнокровный, уподобляется скупому, который сидитъ надъ сокровищемъ, боясь видѣть его уменьшеннымъ. Во всѣхъ повѣстяхъ его, какъ въ чистомъ зеркалѣ, съ удивительною вѣрностію представлены обычаи временъ минувшихъ. Поэтическія описанія живописныхъ мѣстъ горной Шотландіи и прелестныхъ, обработанныхъ долинъ Англіи, неожиданныя приключенія, безпрестанно умножающія занимательство дѣйствующихъ лицъ и любопытство читателя, связъ, быстрой ходъ повѣствованія, основаннаго на происшествіяхъ

естественныхъ и въроятныхъ, наконецъ ша-
инстинвенность (сей волшебный палисманъ
Скопша), никогда не доходящая до чудеснаго,
прельщаетъ умъ, поддерживаетъ вниманіе и
очаровываетъ чувства непреодолимою преле-
стью.

Частыя опущенія, подобныя Аріосто-
вымъ, иногда излишняя плодовитость въ раз-
говорахъ, не только не охлаждають рассказа
его, но еще болѣе раздражаютъ любопыст-
ство читателя; и то, что въ другихъ могло
бы быть оцущительнымъ недоспашкомъ,
перо Скопша умѣло сдѣлать доспашкомъ.
Любовь Вальперовыхъ героевъ добродѣтель-
на и непорочна. Отличительныя черты
характеровъ его героинь суть: скромность,
приспашность самая чистѣйшая; всѣ влюблен-
ные его поставлены въ шпашни, хотя они и
главныя лица. Спашогіе критики не могли еще
согласиться, по какой причинѣ, и какимъ
неизьяснимымъ испашкомъ Вальперъ Скопша
довелъ сочиненія свои до высочайшей спашени
занимательности, когда любовь не занимаетъ
перваго мѣста въ его романахъ: пусть рѣшатъ
сей спашъ наши просвѣщенные любители и
любительницы прашнаго чпенія.

~~~~~

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

ЭПИКУРЪ ВЪ ГОСТЯХЪ У ЛЕОНЦІИ.

Въ Аѣинахъ жила одна славная женщина, копорая одарена была самыми пріятными шаланшами и необыкновенною красошою. Всѣ Аѣиняне сдѣлались поклонниками ея прелесшей. Она называлась Леонцією. Имя сіе пробуждало въ сердцахъ молодыхъ людей сладоспныя надежды, а въ спарикахъ воспоминаніе о шомъ, что красоша имѣетъ въ себѣ высокаго, удовольспвіе плѣнишельнаго, помноспъ нѣжнаго и любовь оболспшительнаго. Между шѣмъ женщина сія, въ которой совокуплялось, можно сказашь,

все, что люди называютъ счастьемъ, не могла найти его для своего сердца. Она имѣла только одно темное понятіе о счастьи, и по потому, что любила добродѣтель; но безпреспанныя волненія страстей и шумъ удовольствій развлекали ее ежеминутно. Успавши наконецъ искашь напрасно блага въ наслажденіяхъ любви, Леонція рѣшилась просить помощи у философіи. Она написала Эпикуру, что имѣетъ намѣреніе посѣпить его. Получа записку, Эпикуръ пошелъ къ ней самъ въ ту же минуту.

Онъ заспаетъ ее одну въ слабо-освѣщенной комнатѣ; прилегшую на край постели своей. Грусть написана была на лицѣ ея: одною рукою она поддерживала свою голову, другою ощипывала въ разсѣянности листья своей гирлянды. Опущенные къ землѣ глаза ея осматривали попеременно всѣ предметы, но, кажутся, ничего не замѣчали. Ея полураскрытыя губы, горѣвшія отъ вздохомъ, похожи были на увядающую розу; свѣтлорусые волосы упали со всѣхъ споромъ локонами на ея развязанный поясъ и пря-

пали ошь взора тѣ прелести, которыя она не забошнлась укрыть подь свое покрывало. Одна нога ея была разуша, и сброшенная обувь упала между сочиненіями Сафо и Анакреона, лежавшими на подушкѣ подлѣ опрокинушаго зеркала и разспроенной лиры.

Философъ оспанавливается, емошрншь съ улыбкою на Леонцію и голосомъ нѣжнаго сосшраданія говорншь ей: „я внжу здѣсь богашство, вкусъ, красопу; но не нахожу счасшія.“ — Ахъ, опвѣчала она, можешъ бышь, и его здѣсь увидяшь съ шпой поры, какъ вы удосшоили посѣшншь мое жнлице. Я не могла ласкашься шакою благосклонношю со стороны вашей; доволно было бы для меня благополучія и въ шомъ, если бъ вы позволили мнѣ прншн къ вамъ; прнглашанъ васъ къ себѣ я не смѣла. — „Оспаеьте эшн мыслн! Фнлософія естѣ нѣжная мать: какъ скоро она замѣшншь, что слабые шпомцы ея съ шрудношю къ ней пробнрающъ; шо она сама бѣжншь нмъ на всшрѣчу и сберегаешъ нхъ ошь усшало-

спи. Чего вы опъ нея желаете?" — Вошь чего.

— Мнѣ не исполнилось еще во лѣтъ. Тѣ, копорые меня любящъ, говорятъ, что я красавица: зеркало мое сказало мнѣ о томъ еще прежде нихъ. Я чувствую, что грудь моя волнуется шѣмъ шумнымъ упоеніемъ, копорое возмущаетъ споль сладостно весну жизни нашей. Мой гибкой голось выражаетъ въ тихихъ переливахъ своихъ неизвѣстность моихъ желаній, и звонкая лира придаетъ еще большую прелестъ моему пѣнію. Игла и кисть изображаютъ подъ рукою моею самымъ естпешвеннымъ образомъ чистую лазурь небесъ, красу цвѣшовъ, изумрудные ковры луговъ. Мнѣ удавалось неразъ написашъ милыхъ Грацій со всѣми пріятноспями ихъ. Я принималась рисовашъ и любовь; но, не поспигнувъ еще ея совершенно, не могла никогда кончить своей картины.

Если я принимаю учасіе въ пляскахъ дѣвъ аѣинскихъ и мѣрными шагами моими, быспрыми движеніями и живою игрою лица выражаю шо удовольствіе,

кошораго сердце мое совсѣмъ не чувствуетъ; но самые пригожіе юноши нашего города оспариваютъ въ то время съ жаромъ одинъ у другаго мою руку; пылающіе взоры ихъ ищутъ и всдѣрѣчаются съ моими глазами. Говорятъ, что глаза и рука отвѣчаютъ сердцу: увы, я желаю шаго; но не знаю еще до сего времени!

Эвхариса была всѣхъ пригожѣе: я подошла къ ней, и меня только одну видѣли. Аспазія была всѣхъ прелеснѣе: я и у ней хотѣла опныть ея достоинства, и скипетръ красоты перешелъ въ мои руки. Съ нѣхъ поръ роскошь и щеславіе окружили меня приманчивымъ блескомъ своимъ.

Спелъ мой уславленъ всегда самыми вкуснѣйшими яспвами. Самоскій и коринескій нектаръ опныютъ мои позлащенные кубки. Первые дары Флоры и Помоны увѣнчиваютъ пиры мои. Умъ приправляетъ ихъ; веселость ихъ одушевляетъ. Колхидскія благоуханія наполняютъ ароматами воздухъ, оглашаемый пѣснями нашей радости, и сокрываютъ въ облакахъ дыма нѣ бѣглыя ласки, ко-

порыя Бахусъ похищаепть урывками у красоты. Послѣ сихъ блестящихъ вечеровъ удовольствіе призываетъ меня ко сну; нѣга усыпляетъ меня, и шайна блюдешь мой покой.

Вы видите, что природа меня всѣмъ надѣлила; богашствъ у меня много; всѣ искусства присупствуюють при моемъ убранствѣ и спараюются наперерывъ украшать мое жилище. Удовольствія въ немъ обитаюють, желанія его окружаюють, амурь спекаюются къ нему толпами; одно счастье не удостоиваетъ заглянуть въ него, и дружба не знаетъ къ нему дороги.“

Эпикуръ ошвѣчалъ: все благополучіе человѣческой жизни основывается на справедливости, благоразуміи и честности. Справедливость рѣдко бываетъ шамъ, гдѣ любовь даетъ совѣшы; благоразуміе не всегда составляетъ принадлежность цвѣщаго возраста; а чшобъ нанесъ пяшно честности нашей, довольно сдѣлать одну неоспорочность.

Если бъ вы были справедливы къ цвѣщамъ обожашелямъ; вы имѣли бы у

себя по крайней мѣрѣ одного друга. Но вы не опмичали опъ шѣхъ, кошорые спѣшшили къ вамъ для однихъ полько желаній своихъ, шого, кто шель къ вамъ единственно изъ уваженія къ вашимъ добрымъ качествамъ; вы предпочли минушнихъ любителей прелеспей вашихъ скромному другу вашего сердца, и пожертвовали шщеславію шѣмъ, что вы должны были удѣлшть чувствованію. Удовольствованныя наслажденія удалились; обиженная дружба за ними же послѣдовала.

— Это правда: но я была увлечена силою наслажденія.—

Наслажденія? Какое заблужденіе! Нѣтъ другаго наслажденія кромѣ шого, кошорое приносятъ намъ шѣ чистыя удовольствія, коихъ мирное воспоминаніе продолжаетъ радость нашу до послѣдняго часа жизни; а шо наслажденіе, кошорое готовитъ намъ скорби, еспъ полько болѣзнь, скрывающаяся подъ одеждою удовольствія. — Какъ вы хошите, чтообъ въ 20 лѣтъ можно умѣть различать ихъ? — „Совѣшуйсь съ благоуміемъ.“ — Гдѣ сыскашь его? — „Вой-

дише въ душу свою; памъ вы найдете чувствованіе скромности: скромность всегда бываетъ робка; робость внушаетъ въ насъ недоувѣрчивость; недоувѣрчивость ведетъ къ наблюденію; наблюденіе служитъ свѣдѣніемъ благоразумію, а благоразуміе берегаетъ непорочность нашихъ нравовъ.“— Такъ; это все правда. Но какъ скоро я подумаю о будущемъ; то всегда боюсь опустить быстрое наслажденіе минуты наслажденіемъ: жизнь наша есть сонъ. — „Если же вы увѣрены, что вы спите; то зачѣмъ боитесь минуты пробужденія? Вы презираете мірскіе предразсудки; но что пользы намъ не спрашиваться мнѣнія людей, когда не знаемъ еще судьбы высшаго промысла, разполагающаго симъ великимъ міромъ, котораго мы составляемъ часть? Одни и разумъ научаютъ насъ, что добродѣтель можетъ вести только къ добру, между тѣмъ, какъ порокъ направляетъ необходимо ко злу. Послѣдуемъ добродѣтели; будемъ съ веселіемъ срывать цвѣты, распуцте подъ ногами ея, и усыплемъ ими нашу дорогу, не спрашась, не желая

и не спараясь предузнатьъ конца нашего путешествія.“

—Вы меня удивляете. Я очень знала, что на лешу удовольствій и красоты срываютъ цвѣты — „Искусственные и минушныя.“ — Но я признаюсь, что тѣ, кои цвѣтутъ на пупи добродѣтели . . . „суть истинныя и прочныя: шишина въ минувшемъ, спокойствіе въ настоящемъ и свѣтлость въ будущемъ.“

—И вы называете это наслажденіями. Помилуйте! Не спрадашь значить ли наслаждаешься? — „Конечно; благо, на здѣшнемъ свѣтѣ, ничто иное есть, какъ сказать, какъ ошущствіе зла.“ — Какъ! Такъ эшимъ - то только благополучіемъ вы хотите себя ограничивать? — „Не совсѣмъ: я знаю, что въ ваши лѣта оно потребуеть большей дѣятельности. Выдѣте изъ помнаго бездѣйствія нѣги и изъ безпечности удовольствій; пробудите душу вашу къ голосу чести и обратитесь на путь ея: это никогда не бываетъ поздно! Уваженіе, снова заслуженное, болѣе, можетъ быть, приноситъ чести женщинѣ, нежели почтеніе, спо-

койно сохраненное. Заслуживайте любовь несчастныхъ, уваженіе вашихъ друзей, ваше собственное одобреніе: и вы узнаете тогда, въ чемъ заключается дѣйствительность благополучія.“

Послѣ сихъ рѣчей Леонція устремляешь на философа взоръ, исполненный рѣшимельности и кропости; идешь, подаешь ему руку и восклицаешь: веди-те меня! Но, размысливъ немного, говоришь ему, краснѣясь: если меня съ вами увидяшь; не боишься ли вы, что честь ваша опъ того поспраждаетъ? — „Если ваша жизнь выигрываетъ; то моя ничего поперяшь не можетъ.“ И они пошли вмѣстѣ къ училищу Эпикура.

Между тѣмъ, какъ они проходили Аѳины, люди испорченные кричали: Эпикуръ развратился. Люди же добродѣтельные говорили съ улыбкою удовольствія: Леонція обратилась на истинный путь.

(Изъ Cours de morale. Demouftier).

И. А.

О ДРУЖЬЕ.

Ариспотель часпо говариваль: о друзья мои, нѣтъ болѣе друзей; а по мнѣнію Катона, другъ столько въ себѣ долженъ соединять качествъ, что и въ шри вѣка трудно его найти.

Одинъ молодой персидскій воинъ отличился на бѣгу скачкою превосходнаго коня своего. Киръ спросилъ: согласенъ ли онъ промѣнять лошадь на царство его. Нѣтъ, государь, отвѣчалъ воинъ, не на царство, но на друга.

Все это доказываетъ, что древніе чувствовали цѣну и рѣдкость дружбы.

Мы совсѣмъ на нихъ не похожи: у насъ не только вездѣ множество друзей; но нѣтъ названія обыкновеннаго друга. Оно часпо выражаетъ чрезмѣрную ке:

ропкосшь, или презрѣніе. Другъ мой, говоряшь извощику, я тебѣ прибавлю, если ты довезешь меня въ часъ до Версаля; другъ мой, говоритъ прохожій шалуну, тебя посадятъ на гауптвахшу, если ты не переспанешь дурачишься; другъ мой, говоритъ судья плушу, ты теперь избавленъ отъ наказанія за недоспашкомъ доказательствъ, но впредь берегись, а не то будешь повѣшенъ. У меня три рода друзей (говариваль шупя Вольперъ): друзья, которые меня любяшь; друзья, которые ко мнѣ равнодушны, и друзья, которые меня ненавидяшь.

Сколько недоразумѣній въ словѣ: другъ! Сколько мужей друзьями называють друзей своихъ женъ! Сколько домашнихъ друзей поселяють въ домъ раздоръ и вражду! Сколько людей называють симъ именемъ поварищей своихъ распущствъ, сообщниковъ ихъ происковъ и соперниковъ ихъ чесполубія! Даже тѣ, которые и не упошребляють эшаго слова въ столь низкомъ значеніи, до какой степени искажаютъ испинный смыслъ его!

Не говоряшь ли часшо, когда хомяшь

подтвердишь какую нибудь новость: я слышалъ ее отъ друга, котораго очень хорошо знаю.

Шевалье К., выигравъ однажды въ Пале-Рояль 1500 луидоровъ, держалъ ихъ въ шляпѣ; нѣкто подошелъ и сказалъ ему: любезной другъ, сдѣлай одолженіе дай мнѣ на нѣсколько времени сто луидоровъ. Охотно, любезный другъ, отвѣчалъ Шевалье, если ты прежде скажешь мнѣ, какъ меня зовушь. Видя, что никто не отвѣчаетъ, онъ продолжалъ: не правда ли, любезный другъ, что тебѣ очень бы трудно было возвратишь мнѣ эти сто луидоровъ?

Дамы часно говорящъ: у меня мигрень; не принимайте никого, кромѣ друзей моихъ! И въ спаскѣ всегда почи до шридцати особъ.

Можно ли, чшобъ упопреленіе до такой степени унизило сіе священное имя! Не уже ли учшивосшь пребуешъ, чшобъ всякому льспили, называя дружбою самыя простыя связи?

Бѣдносшь ли языка пому причиною, или недоспапокъ словъ для выраженія

разныхъ степеней знакомства и уваженія? Не знаю: но это злоупотребленіе всегда меня мучило, можешь быть, потому, что оно оскорбляетъ свяшость чувства, которое я особенно уважаю.

Хотя древніе были разсудительнѣе насъ; однако все заспаиваетъ меня думать, что и они еще немало во зло употребляли названіе друга, давая чрезъ то поводъ къ ошибкамъ, по моему мнѣнію, весьма ощутительнымъ. Когда Віасъ, одинъ изъ греческихъ мудрецовъ, говорилъ, что въ дружбѣ надобно быть очень осторожнымъ и любить друзей своихъ, какъ будто ихъ нѣкогда придется ненавидѣть; то ясно, что онъ говорилъ именно о друзьяхъ общества, товарищахъ въ удовольствіи и участникахъ въ дѣлахъ, съ которыми связь прерваться можешь отъ малѣйшаго случая.

Сократъ справедливѣе отвѣчалъ тѣмъ, которые находили домъ его малымъ: дай Богъ, чтобы онъ всегда былъ полонъ истинными друзьями! Сократъ зналъ, что ихъ много имѣть нельзя; онъ при-

ближился къ испиннѣ, но еще не достигнулъ ея. Дружба есть высочайшее благо, и одинъ испинный другъ соспазляетъ неоцѣненное сокровище; его ищущъ всю жизнь, и часто не могушь найши.

... Опъ чего же иные думаютъ, что у нихъ много друзей?

Признаемся, что у пѣхъ нѣтъ ни одного испиннаго друга, которые говорятъ о многихъ. Моншанъ справедливо сказалъ: удвоишь самаго себя уже есть большое чудо; а кто думаетъ упроишь себя, пошь не понимаетъ силы его. Онъ не знаетъ, какое согласіе чувствъ, какое сходство характеровъ, какое самоопреченіе необходимы для споль испинной дружбы, чпобъ можно было сказать о другѣ, какъ Моншанъ о Бозціи: моя воля была въ его воля, а его въ моея; наши души шакъ сливались, что не возможно было примѣнишь границу ихъ соединенія; знаете ли, почему я любилъ его? Потому что это былъ я; потому что это былъ онъ. Я бы скорѣе положился на него, нежели на себя.

Такая шолько дружба можетъ сама

себя изобразить: умъ не въ состояніи постигнуть ея, ни подражать ей: это сочешаніе душъ. Она больше, даже лучше любви. Любовь ослабѣваетъ опъ наслажденій; дружба опъ счастья возрастаетъ: она заключаетъ въ себѣ и счастье и чистое наслажденіе.

Энній говорилъ, что безъ такой дружбы нѣтъ живой жизни (*vita vitalis*). Въ самомъ дѣлѣ, жизнь ли это, когда нѣтъ существа, которое бы вмѣстѣ съ вами спрдало, вмѣстѣ съ вами наслаждалось, хранило ваши тайны, повѣряло вамъ свои; которое бы помогало бороться съ рокомъ, съ непосполнствомъ счастья и съ неизбѣжными ударами времени?

Цицеронъ называетъ дружбу полнымъ согласіемъ божественнаго съ чловѣческимъ. Изъ благъ, дарованныхъ богами людямъ, говоритъ онъ, одни предпочитаютъ богатство, другіе здоровье, одни почести и славу, другіе сладострастіе: всѣ сія блага переходящи и шлѣжны; справедливѣе думаютъ шѣ, которые пославляютъ истинное благо въ добродѣтели; но сама добродѣтель заключа-

есть и рождаетъ дружбу, которая безъ нея существовать не можетъ. Зависть помрачаетъ славу, происки опнимають мѣста, политическій переворотъ разрушаетъ счастье, самый маловажный случай распространяетъ здоровье; дружба предспавляетъ благо болѣе швердое и общее; она существуетъ вездѣ: нигдѣ она не чужда, вездѣ вовремя; опъ нея счастье бываетъ совершеннѣе и несчастье сноснѣе.

Нѣтъ ни одного чувствительнаго человека, который бы не понималъ, сколь истинны сіи похвалы дружбѣ; каждый испытываетъ, что дружба есть первая потребность сердца, и что безъ нея ни кому нельзя обойтись. Циціонъ думалъ, что самъ мизантропъ Тимонъ долженъ былъ желать найти человека, который бы раздѣлялъ его мнѣніе и могъ бы ненавидѣть вмѣстѣ съ нимъ.

Архіепископъ Тарнопольскій полагалъ, что если бы возможно было какому нибудь человеку вознестися до небесъ и оптуда разсматривать всѣ лучшія произведенія природы и ясно постигать ея таинства;

що онъ почувспвоваль бы скуку опть се-го созерцанія, не имѣя друга, съ кошорымъ бы бесѣдовалъ о сихъ чудесахъ. И шакъ неоспоримо, что всѣ люди уважають и любяшь дружеспво.

Разсмопримъ же, опть чего споль желанное благо шакъ рѣдко. Не опть шого ли, какъ говоришь философъ Дидеропъ, что всякой желаешь имѣть друга, а ни кто не хочешь бытъ имъ.

Чтобъ наслаждашь счаспемъ, предугошованнымъ дружбою, надобно заслужишь его на поприщѣ добродѣтели. Древніе справедливо говорили, что безъ добродѣтели нѣтъ дружеспва.

О чемъ вы думаете, спараяся найши друга? Вопервыхъ, вы надѣшесь увидѣшь челоуѣка, кошорому бы могли удивляшья и любить его за добрыя качества, съ кошорымъ бы должны были раздѣляшь счаспие и несчаспие. Но можно ли удивляшья челоуѣку, не имѣющему возвышенной и нѣжной души? Можете ли вы любить челоуѣка, у кошораго нѣтъ основашельности въ сужденіяхъ, посшо-

яства въ связяхъ, ошккровенности и великодушія?

Вы хопите, чшобы другъ предохра- нялъ васъ юшь слабоспей; надобно, чшобы онъ былъ честень, с ромень и вѣренъ.

Вашъ въ корошкихъ словахъ, сколько добродѣтелей желаеши вы найши въ челоѣѣ, котораго хопите назвашъ дру- гомъ: и будьте увѣрены, чшо онъ съ сво- ей стороны въ шомъ же ожиданіи.

Конечно въ челоѣкѣ нельзя ожидать соединенія всѣхъ добродѣтелей; и же- лашъ эшаго, значило бы обратиться дру- жество въ химеру; надобно по крайней мѣрѣ обладашь главнѣйшими изъ нихъ, чшобы [былъ] достойнымъ испытывашъ и внушашъ сіи чувства: п шому шо сіе счастье всегда было шакъ рѣдко; шолько вѣками родяшся Оресты и Пилаты, Ле- ліи и Сципіоны, Генрихи IV и Сюллии.

Если бь вмѣсто добродѣтелей поло- жили вы основаніемъ дружбы выгоду; шо заключили бы связь обыкновенную, кошо- рая веселишъ умъ, но обманываешъ серд- це, никогда его не удовлетворяя. Такихъ

друзей много найти можно въ счастіи, но въ несчастіи ни одного.

Вы даже не имѣете права жаловаться на это. Вы соединены были выгодой? Выгоды нѣтъ: и союзъ распоргнутъ. Соединяли ль васъ удовольствія? Льща проходятъ: и очарованіе исчезаетъ. Связывали ли васъ духъ мнѣнія? При переи́мѣнѣ обстоятельствъ оно васъ раздѣляетъ. Можете ли легкомысліе опереться на легкомысліе?

Луцилій писалъ къ Сенецѣ, что человекъ, которому онъ ввѣрилъ письмо, другъ его, а между шѣмъ совѣпывалъ не открывался ему въ собственныхъ дѣлахъ. Сенека отвѣчалъ: любезный Луцилій, наблюдая такую оспорожностъ съ симъ человекомъ, ты говоришь въ одномъ и томъ же письмѣ, что онъ вмѣстѣ и другъ тебѣ и нѣтъ: по этому слово другъ у тебѣ выраженіе, ничего не значущее, какъ названіе честнаго человека, даваемое кандидатамъ, или гражданина первому встрѣчному, котораго не помнишь имени. Это замѣчаніе справедливо: нѣтъ дружбы безъ совершенной довѣренности.

Слѣдовашельно въ дружбѣ два блага: вопервыхъ взаимная любовь, вовшорыхъ довѣренносшь; чпобы наслаждашься сими благами, необходимы доброша для любви, уваженіе для довѣренности.

Я знаю, говорилъ одинъ древній философъ, вѣрный палисманъ для пріобрѣшенія сего совершеннаго счаспія: спарайшесь бышь довольными сами собою, и вы найдеше друга, кошорымъ будеше довольны; любите, и будеше любимы.

Разсморѣвъ, какъ люди исказили слово другъ, опредѣливъ испинную дружбу и показавъ средспва къ обладанію симъ драгоцѣннымъ благомъ, мы должны разрѣшитъ еще очень любопытный вопросъ, въ кошоромъ несогласны авшоры, наилучшимъ образомъ опредѣлявшіе дружбу.

Мущины, или женцины обладаюшь симъ живымъ и нѣжнымъ чувствомъ, сею прелеспію жизни, кошорая утѣшаешъ въ горесяхъ и усугубляешъ счаспіе?

Если бы дружба принадлежала особенно полу, наиболѣе чувствившельному; шо сомнѣніе разрѣшилось бы само собою:

конечно женщины чувствительнѣе мужчинъ. У нихъ два только дѣла: нравиться и любить; онѣ ничѣмъ, постороннимъ не занимающа, кромѣ людей, и самыя ихъ мнѣнія есть одно слѣдствіе чувствованій.

Но часто случается, что занятія сіи вредящъ одно другому; постоянное желаніе нравиться не позволяешъ женщинамъ взаимно любить себя; безпрестанное соперничество служить препятствіемъ въ ихъ дружбѣ; у нихъ есть пріятельницы, а рѣдко друзья.

У мужчинъ соперничество бываетъ только въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ; у женщинъ оно постоянно и всеобщимъ. Исторія прославляла мужество магерей, преданность дочерей и геройство супруговъ, но никогда не говорила о дружбѣ двухъ женщинъ.

Моншанъ несправедливо заключилъ изъ сего, что женщины не могутъ имѣть дружбы. Онъ утверждалъ, что природа сотворила сіи прелестныя цвѣты для покоя и опредѣлила ихъ къ украшенію жизни человѣческой; мужчины же, по-

добные крѣпкимъ, но высокимъ дубамъ, по необходимости должны опираться одинъ на другаго для предохраненія себя отъ бурь.

Добрый нашъ философъ ошибался. Безъ сомнѣнїя полъ сильнѣйшій, болѣе честолюбивый и заняпый, легче можешь обойтись безъ дружбы: но она необходима для пола болѣе слабаго и чувствительнѣйшаго.

Нѣтъ совершеннѣе дружбы между женщиной и мужчиной; союзъ сей есть прїятнѣйшій въ жизни; онъ безкорыстенъ, безъ соперничества и опасностей.

Для дружбы всего необходимѣе соединеніе двухъ волей въ одну, которое бы составляло одну жизнь для двухъ существъ, отверженіе всякаго неравенства чиновъ, богатства и дарованій, взаимное согласіе изгладить недоспашки друга своего, или наслаждаешься его превосходствомъ.

Сіе стремленіе къ совершенному равенству, отрѣшеніе отъ честолюбїя очень трудно между двумя мужчинами, не возможно между двумя женщинами: но

между мужчиной и женщиной оно есть истинное наслаждение и болѣе пріятной обмѣнъ, нежели пожертвованіе.

Посмотрите, съ какою нѣжностію сей прелестный полъ сострадаетъ къ нашимъ слабостямъ, открываетъ намъ недоспашки наши, отгадываетъ сокровеннѣйшія мысли, старается удовлетворить самымъ робкимъ желаніямъ души нашей: вы скажете вмѣстѣ съ Тома и мною, что велико полезно имѣть другомъ мужчину для важныхъ случаевъ, но надобно желать дружбы женщины для всегдашняго счастья.

Изъ Сегюра Баронъ Истревъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

1.

8 Сентября, 1820. Нарва.

Путешествовать очень приятно: но вспомните смогришелей, ямщиковъ, степы. Дорога отъ С. Петербурга до Нарвы довольно однообразна. Но прекрасная, вечерняя заря меня очаровывала; карпины изъ моего будущаго, изъ моего прошедшаго мелькали передъ моими глазами: я ожидалъ счастія. Иногда и синіе, желтые, пунсовые листья осенняго лѣса представляли моимъ взорамъ разнообразныя, чудныя декораціи. Облака громоздились самымъ оссіановскимъ образомъ.

2.

12 Сентября. Рига.

Нарва послѣ С. Петербурга производитъ на душу странное впечатлѣніе.

Улицы и сверхъ того главныя уже нашего грязнаго переулка; дома высокіе готической архипектуры съ надписями и изрѣченіями изъ священнаго писанія. Видъ города чрезвычайно живописенъ: развалины Иванъ-города, какъ будто еще и шеперь, подобно провидѣніямъ воишелей, усрашають Нарву. Нарова шумишь между древними укрѣпленіями рускими и бывшими шведскими: двѣ башни съ прошивныхъ споронъ сморятъ одна на другую и похожи на двухъ непріятелей, гошовыхъ вступишь въ бой.

Съ А. Л. . . . мь и съ его семейшвомъ, провожавшимъ насъ до Нарвы, ошправился я сморѣшь здѣшній водопадъ: что сказашъ вамъ, друзья, объ эпомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ? Оно не удивило меня; пошому что я уже ожидалъ чего шо чрезвычайнаго. Но я наслаждался и его вѣчнымъ шумомъ, и бездною его жемчуга, и лѣсисными оспровками, раздѣляющими его на нѣсколько рукавовъ. Мы осматривали достопримѣчательности Нарвы: домъ Петра Великаго, гдѣ храняшся башмаки его работы и два

экземпляра его знаменитой дубины; церковь рускую, бывшую нѣкогда католическою, попомъ люшеранскою, и нѣмецкій соборъ свяаго Петра. Въ послѣднемъ мы нашли гробы многихъ имениныхъ гражданъ города Нарвы, жившихъ въ первой половинѣ 17 столѣтія. Надгробные камни покрыты эмблемами и надписями, напоминающими тщетность всего земнаго; здѣсь изображеніе свѣчи съ девизомъ: „свѣча гаснешь“; шапъ розы съ девизомъ: „роза увядаетъ“, и проч. Мнѣ представлялись добрые, честные опцы семейства, которые здѣсь покоятся, ихъ важность и дѣятельность, ихъ строгость въ домашнемъ быту и праздничная торжественность, съ ккою по воскресеньямъ отправлялись сюда съ своими женами домовитыми, опрашными благодарить Бога за свое благоденствіе. Я видѣлъ ихъ дочерей пригожихъ и заспѣвчивыхъ; видѣлъ всю ихъ смиренную, шѣсную жизнь, ихъ радости и сраданія.

„Здѣсь все говоритъ о смерти:“ сказалъ наконецъ одинъ изъ нашихъ сопущ-

никовъ; о ней и въ свѣшѣ упоминають безпрестанно!“

„Въ свѣшѣ: прибавиль я, сполько говоряшь о смерти и шакъ часшо произносяшь звукъ: *смерть*, чшо наконецъ съ нимъ не соединяють никакого поняшя.“ Молодая княжна С. . . . а заду-малась.

Въ Нарвѣ я въ первый разъ узналъ, чшо значить возбуждашь любопытство жшелей большого, уѣзднаго города: они за нами вездѣ слѣдовали шолпами; всѣ окна, всѣ двери были ошперты, на нашу каласку глядѣли, какъ на осьмое чудо свѣша.

Дорогою ошъ Нарвы до Дерпша, не далеко ошъ станціи *Ненналь* на берегу Чудскаго озера, мы съ докшоромъ должны были выпши изъ экипажа: лошади не могли встацишь насъ въ гору. Ночь была истинно скандинавская; вѣшеръ не свисшѣлъ, а завываль; сердишое озеро кипѣло у ногъ нашихъ и съ минушы на минушу приближалось. Одинъ изъ слугъ, бывшихъ съ нами, молодой человекъ лѣшъ 18, кошорой вѣроятшо бури зналъ по од-

ному слуху, не скрывалъ своего спраха; онъ смѣшилъ насъ; однако же мы были довольны, когда наши кони взвезли насъ на пригорокъ и каляска медленно двинулась по песку. Никогда я не видывалъ лучшаго подобія хаосу: берегъ и озеро, суша и вода, казалось, смѣшались и безпресшанно уступали другъ другу. Передъ лѣтъ, вечеромъ, мы видѣли море: оно было спокойно, величественно, необозримо; послѣдній свѣтъ зари, опражаясь, разсѣкалъ его на нѣсколько разноцвѣтныхъ слоевъ, и небо, столь же спокойное, отдѣлялось отъ него ясною чершою.

Въ Ненналѣ я вспомнилъ, что нахожусь въ прежнемъ владѣннн сембн нашей, что въ 8 верстахъ похороненъ покойникъ башюшка.

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
 Невинности моей и юности обншель!
 Когда я освѣщусь опять швоей зарей
 И швоей по прежнему всегдашннн буду жи-
 шель?

Послѣ 11 лѣтней разлуки проскакалъ я въ осенюю, бурную ночь черезъ мѣста,

для меня незабвенныя, и не успѣлъ обнять гробъ родителея? Дерпшъ... сколько воспоминаній, сколько милыхъ, картинъ ясныхъ и сумрачныхъ изъ моего минувшаго времени! Здѣсь я посѣщилъ профессора Д, съ дочерью коего игралъ робенкомъ: Софія, которая уже иногда занимала влюбчиваго мальчика, за мужемъ; Юлія, которая тогда еще не раздѣла, вянешъ.

За Дерпшомъ природа уже гораздо свѣжѣе, и чѣмъ болѣе приближаешься къ Ригѣ, тѣмъ она становится разнообразнѣе и живописнѣе. Но передъ самою столицею Лифляндіи пески несносны. Я здѣсь ничего не видалъ, пошому что былъ боленъ и не могъ ходить. Предмѣстіе красиво: это я замѣтилъ проѣздомъ; городъ, кажется, по большой части архитектуры готической.

3.

*15
27* Сентября. Мелель.

Курляндія начинается обширными, необозримыми равнинами; потомъ становится холмистѣе. Мы проѣзжали мѣстна-

ми очень живописными; жаль только, что погода была пасмурна и шуманна. Замокъ Дёблень, развалины изъ вѣковъ рыцарскихъ, лежишь прелесно на зеленомъ, кругломъ холмикѣ надъ водою и весь обсаженъ деревьями. Въ Курляндіи мало дубовъ; но лишь только вѣдешь въ Пруссію, какъ вездѣ встрѣчаешь это народное псевдонское дерево. За по огромныя сосны, ели, липы и березы здѣсь возвышающіяся въ воздухъ и напоминающія древнихъ боговъ: Перкуна, Пикола и Пошримбоса, копорымъ Лешы приносили жершвы подъ ихъ исполинскою пѣнію.

Лешы вообще гораздо лучше изъ себя Эсповъ и Финновъ; особенно между ихъ молодыми мущинами встрѣчаешь лица и головы, копорыя бы не испортили спашуи пригожаго Сильвана, или даже Анпиноя; но спанъ ихъ ничпоженъ и не мужеспвенъ: жеицины вообще безобразны.

Какъ описашъ вамъ, друзья, чувшва, съ коими осшавиль я Россію? Я плакаль какъ робенокъ, и эти слезы, копорыя удержашъ былъ не въ сосшояніи, живо за-

спавили меня чувствовашь, что я Рускій, и что въ Россіи нѣтъ для меня счастья. У васъ, мои милые, у васъ мое сердце, у васъ мое все. Природа, моя давнишная ушѣшишельница, приняла меня въ свои объятія. Мы въѣхали въ Прускіе пески и шашкомъ шащились вдоль моря: вечеръ былъ самый поэщическій; облака, ошъ вечерней зари,

„Лешя, сіяли,
И, сіяя, улешали“

за далекій, величешвенный, ясный небосклонъ: море кипѣло и колыхалось. Какая противоположность!

Дикій Непшунъ ропшалъ, кипѣлъ и въ волнахъ
разсыпался,
А съ золошой висошы, поздней зарей освѣ-
щень,
Радосшный Зевсъ улыбался ему, улыбался
вселенной:
Такъ безмяшежный, глядишь вѣщный законъ
на мяшежъ
Шумныхъ спрасшей; шакъ смопришь мудрецъ
но ничпожное буйсшво:
Сшла съ начала вѣковъ въ грозномъ величьи
шиха

¹²/₃₀ Сентября. Кёнигсбергъ.

Мнѣ море въ нашемъ переѣздѣ изъ Мемеля въ Кёнигсбергъ чрезвычайно наскучило. Море да песокъ, песокъ да море, и это въ продолженіи 14 часовъ ѣзды съ проклятыми нѣмецкими почталіонами, которые даже не сердятся, когда ругаешь ихъ всѣми возможными доннервешперами, и на все свое краснорѣчіе съ величайшимъ, съ истинно-германическимъ равнодушіемъ отвѣчаютъ: ja, mein Herr! Какой же песокъ! Въ почномъ, самомъ почнѣйшемъ смыслѣ слова: песчаное море! Ни травы, ни муравки, ни кушпа, ни дерева! Конечно бы я умеръ съ тоски, ежели бы голодь не умилосердился надо мною и не вздумалъ разнообразить чувствъ моихъ: выпивъ только чашку кофе, съ четырёхъ часовъ ушра голодалъ я до паша по полудни.

Теперь мы въ Кёнигсбергъ.

Поушру осмашривали мы городъ.

Я уже видалъ нѣсколько гошическихъ городовъ, но ни одинъ не поразилъ меня до такой степени. Переѣзжая чрезъ

Часъ XXVIII. Кн. III. 17

мосшъ, я ахнулъ: рѣка Прегель по объ-
имъ споронамъ обсажена узенькими вы-
сокими домами (между ними есть 8 эта-
жные), которые спояшъ къ берегу не
лицемъ, а бокомъ, снабжены огромнѣй-
шими кровлями и шѣмъ получающъ видъ
какихъ то башень кипайской, или, Богъ
знаешъ, какой поспройки! Улицы краси-
вы и нѣкоторыя довольно широки: боль-
шія крыльца придающъ городу веселую,
южную физіономію. Меня восхищили ита-
ліянскіе щополи, которые я здѣсь увидѣлъ
въ первый разъ: не знаю красивѣе дерева.

5.

²¹ ₃ *Сентября.* Дорогою между станціями
Октября. Шлопе и Гохцейтѣ.

Мы уже дня три ѣдемъ довольно од-
нообразными, песчаными мѣстами: одно
воспоминаніе о моихъ милыхъ меня жи-
вишь и опгоняешъ опъ души скуку.
Признаюсь, что я никогда не любилъ
васъ такъ, какъ теперъ въ разлукѣ съ
вами. Навѣки останешся у меня въ
памяши мгновенье, когда переѣхалъ я че-
резъ границу. Оно принадлежишь въ мо-
ей жизни къ шѣмъ немногимъ, въ ко-

шорья, по словамъ Гамлеша, приближаемся къ духу вселенной и получаемъ право вопросить Провидѣніе. И въ эту минуту чувствую какъ будто бы тихое вѣяніе, которое заноситъ ко мнѣ образы изъ давно-минувшаго, изъ моего дѣтства. Кажется, вижу самаго себя въ день моего отъѣзда изъ того мирнаго городка, гдѣ получилъ первое образованіе. Машущина зимняя бричка уже на дворѣ; слуга моего добраго наставника несетъ съ крыльца мою поклажу; спую одинъ и гляжу въ садъ, зенесенный снѣгомъ, и въ первый разъ чувствую вдохновеніе; въ первый разъ предчувствіе, попка, спремленіе въ неизвѣстную, шуманную даль и шайная боязнь наполняютъ мою душу, помятъ и освѣжаютъ ее. Слезы, которыхъ я не зналъ до того времени, хлынули изъ глазъ моихъ; и тогда въ первый разъ я дерзнулъ вопросить Промысль и будущность! Помню еще нѣсколько такихъ мгновений: къ нимъ принадлежатъ и то, когда скрылось за мною опечесство.

Мы все проѣзжали до сихъ поръ католическою землею, населенною по боль-

шой часті Поляками и Липовцами. Жидовъ здѣсь также чрезвычайно много.

Для меня чужды теперь хлопоты нашихъ людей и почталіоновъ, спарающихся освободить каляску, завязаную въ песку и задержанную еловыми сучьями. Докшоръ сердится, выскакиваетъ, бранился; а я, увѣренный, что не помогу общей бѣдѣ и что она минетъ и безъ меня, остаюсь спокойнымъ и продолжаю писать, какъ будто ничего не бывало.

Если вы будете въ Маріенвердеръ и въ Нейенбургъ, вспомните обо мнѣ, друзья! Оба города лежатъ на берегахъ Вислы самымъ живописнымъ образомъ одинъ противъ другаго. Необозримыя нажиши, свѣпьяя роци, богатые луга, множество селеній и городковъ на высокихъ берегахъ величественной прелестной рѣки... какъ жаль, что я не живописецъ! Маріенвердеръ богатъ хорошими сливами и грушами и миленькими дѣвушками. Добрые друзья, ежели будете въ Маріенвердеръ, купите себѣ грушь и сливъ и поцѣлуйте хотя одну красавицу въ мое воспоминаніе!

В. Кюхельбекеръ

К Р И Т И К А.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Сог. Шиллера. Перев. Жуковского.

Испекающій 1824 годъ оспанешся незабвеннымъ въ испоріи русской лишерашуры. Многія превосходныя произведе-нія въ сшихахъ и прозѣ украсили и обогашили словесность нашу. Внимательные наблюдатели и любители всего прекраснаго конечно согласящся, что одно появленіе *Орлеанской дѣвы* на русскомъ языкѣ составляешъ эпоху въ нашей драматической поэзіи. Это мнѣніе мы основываемъ особенно на двухъ причинахъ: *вопервыхъ*, шолько со времени перевода

Орлеанской дѣвы мы увидѣли на своемъ языкѣ романтическую трагедію со всѣми совершенствами плана, дѣйствія, характеровъ и красокъ, смотря до сихъ поръ по большей части на представленіе однѣхъ, такъ называемыхъ, классическихъ трагедій, т. е. составленныхъ по образцу французскихъ, утомительныхъ по своей прозаической холодности и всегдашнему однообразію; *св. порыхъ*, переводчикъ Орлеанской дѣвы сполько побѣдиль трудносней въ разговорномъ языкѣ, котораго формы у насъ, сравнительно съ другими родами поэзіи, совсѣмъ еще не утверждены, и пѣмъ сполько облегчилъ пушь другимъ драматическимъ писателямъ, что вѣроятно они, даже при недоспапкѣ высшихъ дарованій, пользуясь симъ прекраснымъ образцомъ, будущъ теперь пишутъ трагедіи равнѣе и естественнѣе прежнихъ.

Орлеанская дѣва состоить изъ пролога и пяти дѣйствій. Въ прологѣ, котораго дѣйствіе происходитъ въ Домъ Реми, мѣсцѣ рожденія Іоанны д' Аркъ, сочинитель изображаетъ намъ тогдашнее

положеніе Франціи и предварительнo знакомишь насъ съ главнѣйшими дѣйствующими лицами, ихъ характерами и отношеніями. Эта часть трагедіи была для него необходимою. Іоанна составляетъ такое лицо, которое, вдругъ явившись въ дѣйствии трагедіи, показалось бы неестественнымъ, неизъяснимымъ, не привлекло бы къ себѣ полного участія зрителей, лишило бы сочинителя довѣренности ихъ, если бы онъ въ прологѣ не представилъ Іоанны въ ея семействѣ, если бы онъ не изобразилъ особеннoсти ея чувствованій и жизни, подозрѣній отца ея и нѣкоторой тайны въ ея судьбѣ. Прологъ Орлеанской дѣвы, по нашему мнѣнію, составляетъ лучшую часть сей превосходной трагедіи. Онъ, при всей простотѣ дѣйствія, такъ занимателенъ, что не знаешь, чему болѣе удивляться: выберу ли предметъ, о которыхъ разговариваютъ поселяне, или искусству, какъ составляетъ сочинитель говоритъ ихъ. Тибо д'Аркъ, отецъ Іоанны, услащенный несчастіями войны, постигшими большую часть Франціи, готовится по-

скорѣ выдашь за-мужь дочерей своихъ. Для женщины въ бѣдѣ необходимъ защитникъ. Разговоръ нечувствительно склоняется на Іоанну, которая чужда любви. Въ то время, какъ отецъ укоряетъ ее въ холодности и съ какимъ-то страхомъ упоминаетъ о неспешивности всѣхъ поступковъ ея, поселянинъ Бернрандъ приходитъ изъ города съ новыми извѣстіями о войнѣ. Его рассказъ и принесенный имъ шлемъ возбуждаютъ все вниманіе Іоанны. Она чувствуетъ уже шайное свое назначеніе. Ея слова приводятъ въ изумленіе поселянъ; и между шѣмъ, какъ они, не забывая работъ своихъ, смиренно разходясь по домамъ, Іоанна, увлекаемая сверхъестественною силою, начинаетъ самымъ прогашельнымъ образомъ прощаться съ родиною:

„Просшите вы, холмы, поля родные!

Пріютно-мирный, ясный доль, проси!

Съ Іоанной вамъ ужь болѣ не выдашься:

Накѣкъ она вамъ говоритъ проси!

Друзь-ялуга, древа, мои пипомцы!

Вамъ безъ меня и цвѣсшь и доцвѣшашь!

Ты, сладостный долины голосъ, эхо,

Такъ часто здѣсь игравшее со мной!

Прохладный грошь, попокъ мой быспро-
печной,
Иду опъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Опнынѣ вы со мной разлучены!
Мои спада, не буду вамъ оградой:
Безъ паспыря бродишь вы суждены!
Доспалось мнѣ паспи иное спадо!
На пажипяхъ кровавыя войны!
Такъ вышнее назначило избранье:
Меня спремись не суетныхъ желанье.

Кпо нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кусиъ къ Пророку низходилъ,
Кпо на царя подвигнулъ Моисея,
Кпо опрока Давида укрѣпилъ —
И съ сильнымъ въ бой спалъ {паспырь не
блѣднѣя,
Кпо паспырямъ всегда благоволилъ;
Тошъ здѣсь вѣщаль ко мнѣ изъ сѣни древа:
„Иди о Мнѣ свидѣтельспвовашь, дѣва!

„Надѣшь должна ты лапы боевыя,
„Въ желѣзо грудь младую заковашь!
„Спрашисъ надеждъ, не знай любви земныя:
„Въначальныхъ свѣчъ шебѣ не зажигаешь!
„Не бытъ шебѣ душой семьи родныя,
„Цвѣшуцаго младенца не ласкаешь!

„Но въ битвахъ Я главу свою прославию:
 „Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ себя поставлю.

„Когда начнешь блѣднѣть и смѣлый въ брани,
 „И роковой пробьешь опчизнѣ часъ;
 „; Возмень мою шы орифламму въ длани,
 „И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ!
 „Поставишь ихъ надменной власпи грани,
 „Преобразишь во плачь побѣдными гласъ,
 „Дашь рашнымъ честь, дашь блескъ и си-
 лу прону,
 „И Карла въ Реймъ введешь надѣшь корону!“

Мнѣ обѣщаль Небесный извѣщенье;
 Исполнилось: и шлемъ сей посланъ Имъ!
 Какъ бранный огонь его прикосновенье;
 Съ нимъ мужество какъ Божій Херувимъ;
 Въ кипящій бой несетъ души снремленье;
 Какъ буря пылъ ея неукропимъ . . .
 Се битвы кличъ! Полки съ полками спали,
 Взвились кони и трубы зазвучали . . . “

Первое дѣйствіе трагедіи произхо-
 дитъ въ Шинонѣ, гдѣ король француз-
 скій, окруженный небольшимъ числомъ
 особъ, ему преданныхъ, и пораженный по-
 спигшими его бѣдствіями, осмается въ
 бездѣйственной нервѣшимости. Шиллеръ,
 изображая Карла VII, не отступилъ отъ

испоріи; но онъ умѣлъ найши поэтическую спорону и въ эпомъ слабомъ характерѣ, едва ли достойномъ трагедіи. Его непришворное добродушіе, смиренная покорность волю Всевышняго, привязанность къ друзьямъ и просподушная любовь рыцарскихъ временъ, не только искупають его другія слабости, но возбуждаютъ даже сердечное участіе въ зрителиахъ къ его несчастіямъ. Рассказъ его о королѣ Ренѣ предспавляетъ образецъ поэпического чистосердечія:

„Средь ужасовъ существенности мрачной
Онъ сошворилъ невинный, чистый міръ.
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвашь назадъ спаринны времена,
Льша любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судъ присупспивовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувспвомъ.
Въ сихъ временахъ живеть незлобный
спарець:

И въ шой красѣ, какой они плѣняютъ |
Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древ-
нихъ пѣсняхъ,
Какъ Божій градъ на свѣсплыхъ облакахъ,
Онъ мыслишь ихъ переселишь на землю.

Онъ учредилъ верховный *Судъ любви*,
 Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,
 Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
 Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ,
 И онъ меня избралъ *Царемъ любви*.“

Между тѣмъ, какъ сочинитель знакомишь насъ съ характеромъ короля, завязка трагедіи начинается. Орлеанскіе чиновники являюща къ Карлу и описываютъ ему ужасное положеніе своего города, послѣдней опоры Франціи. Съ потерю Орлеана король долженъ будетъ лишиться опечесства и престола. Въ это же время онъ получаетъ другое гореспное извѣстіе. Филиппъ добрый, герцогъ бургундскій, и мать Карла Изабелла, перешедшіе на сторону непріятелей, склонили Парламентъ отрѣшить Карла VII и весь родъ его отъ престола, на копорый и возведенъ уже англійскій король. Карль доведенъ до послѣдней степени несчастія. Онъ шановится предметомъ сожалѣнія. Но въ это время приходитъ извѣстіе о нечаянной побѣдѣ со стороны Французовъ. Является Юанна предводительница побѣдителей. Ея вдохновенныя

рѣчи пробуждають во всѣхъ мужество, и ходъ дѣйствія трагедіи перемѣняется.

Второе дѣйствіе происходитъ на мѣстѣ сраженія. Внезапное смятеніе Британцевъ, возникшая вражда между Изабеллою и вспомошествоваемыми ею врагами, кажется, приближаютъ торжество правой стороны. Но это дѣйствіе не имѣло бы особенной пѣвншельности и не возбудило бы сердечнаго участія зрителей, если бы Шиллеръ не воспользовался эпизодомъ Монгомери, молодого англичанина, умоляющаго Іоанну о сохраненіи ему жизни. Жалость наполняетъ душу при видѣ двухъ прекрасныхъ существъ, копорыхъ судьба ведетъ разными путями и къ двумъ противоположнымъ цѣлямъ. Монгомери сотворень для счастья: но Іоанна, орудіе непоспѣжимой силы, должна пресѣчь нить жизни его. Такая неизбѣжность гибели, такое ничтожество и безсиліе всего земнаго передъ небеснымъ раждають въ душѣ истинно трагическое умиленіе. Шиллеръ, кажется, самъ особенно чувствовалъ прелесть этого эпизода. Онъ

опличилъ его даже мѣрою стиховъ. Последнее явленіе вѣраго дѣйсвія наполняетъ сердца зрителей новою радостію: Іоанна силою вдохновеннаго своего краснорѣчія преклоняешь Филиппа на сторону Франціи. Какая истинна и вмѣстѣ поэзія въ словахъ ея:

„Ты мнишь, что я волшебница, что адъ
 Союзникъ мой! Но развѣ миротворство,
 Прощеніе обидъ есть дѣло ада?
 Согласіе ль изъ шмы его изходитъ?
 Что жь человѣчески-прекраснѣй, чище
 Святой борьбы за родину? Давно ли
 Сама съ собой природа въ спорѣ: небо
 Съ неправой стороны, и адъ за правду?
 Когда же по, что я рекла, есть благо;
 Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?
 Кто могъ сойти ко мнѣ, въ мою долину,
 Чтобы душѣ неопытной открышь
 Великую властителей науку?
 Я предъ лицомъ монарховъ не бывала;
 Языкъ мой чуждъ искусству словъ: но что же!
 Теперь тебя должна я убѣдить:
 И умъ мой свѣшель; зрю дѣла земныя;
 Судьба державъ, народовъ и царей
 Ясна душѣ младенческой моей;
 Мои слова, какъ свѣзлы громовыя.“

Третіе дѣйствіе начинается во дворцѣ Карла VII въ Шалонѣ на Марнѣ. Дюнуа и Ла Гирь, полководцы французскіе, оспариваютъ другъ у друга право на получение руки Іоанны. Между тѣмъ приближается минуша торжественнаго примиренія Филиппа съ королемъ. Это дѣйствіе (по крайней мѣрѣ, намъ такъ кажется) идетъ медленно прочихъ. Шиллеръ слишкомъ предался вымысламъ чудеснаго. Когда зритель ожидаетъ съ неперпвнѣемъ развязки знаменитой борьбы двухъ народовъ и свершенія ихъ жребія, сочинитель заспавляетъ Іоанну предсказывать участь каждому лицу изъ окружающихъ младую воительницу. Это опуступленіе опъ хода трагедіи бесполезно уже и потому, что сверхъестественное назначеніе Іоанны касалось спасенія одной Франціи, а не могло имѣть никакой связи съ тайнами частныхъ людей. Здѣсь Іоанна уподобляется болѣе обыкновенной предсказательницѣ, нежели посланницѣ неба. Но сочинитель замѣнилъ эшопъ недосштокъ прекраснымъ окончаніемъ дѣйствія. Когда король проситъ Іоанну избрать

себѣ супруга; она ошвѣчаетъ непозем-
ному:

„Иль, упомянь божественнымъ явленьемъ,
Ужь хочешь ты разбихъ его сосудъ,
И благовѣспницу Верховной воли
Низвестъ во прахъ ничпожності земной?
О маловѣрные! Сердца слѣпыя!
Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова:
А я для васъ лишъ женщина. Безумцы!
Но женщинѣ ль подъ броню желѣзной
Мѣшались въ бой, водили мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда, Господне мщенье
Нося въ рукѣ, я суетную душу
Опдамъ любви, опъ Бога запрещенной!
О нѣшь, тогда мнѣ лучше бѣ не родиться!
Ни слова болѣе! Не раздражайте
Моей душой владѣющаго духа!
Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ и оскверненье.“

Явленіе шѣни умершаго Тальбота
принадлежитъ къ необыкновенно смѣ-
лымъ красотамаъ романтической поэзіи.
Оно составляетъ переломъ трагедіи. До
сихъ поръ мы видѣли только торжество
Юанны. Испорія изображаетъ наконецъ
бѣдствія, постигшія спасительницу Фран-
ціи. Поэтъ чувствовалъ, что надобно

приготовить зрителей къ несчастіямъ главнаго своего дѣйствующаго лица. Въ ея судьбѣ все должно быть сверъьспешеннымъ. Предсказанія Чернаго рыцаря внушаютъ тайный страхъ. Участь дѣвы колеблется. Ея встрѣча съ Ліонелемъ, полководцемъ англійскимъ, раздираетъ заѣсу будущаго. Съ сожалѣніемъ и грустію выходя изъ очарованія, мы видимъ въ ней уже земное существо, прекрасное, съ сердцемъ нѣжнымъ, но слабымъ, однимъ словомъ: передъ нами женщина.

Положеніе Іоанны въ четвертомъ дѣйствіи неизъяснимо-прогнательное. Дѣйствіе въ Реймсѣ. Зрѣлище всеобщей радости, торжественное вѣнчаніе короля и спрашная судьба спасительницы отечества составляютъ такую мучительную противоположность, которая приводитъ зрителя въ изнеможеніе. Іоанна, окруженная славой и удивленіемъ, удостоиваемая высочайшихъ почестей, страдаетъ внутренно, и тѣмъ ужаснѣе страданіе ея, что она истинно виновна передъ судомъ совѣсти и Бога. Разсудокъ невластенъ хранить ее, когда сердце ей измѣнило.

Часть XXVIII. Кн. III. 18

Она ненавидишь и любишь Ліоненя. Преслушание, страхъ и стыдъ заграждающъ уста ея, когда суевѣрный отецъ является предашь на судъ дочь свою. Ея молчаніе при такомъ обвиненіи, которое совершенно несправедливо, шѣмъ болѣе раздраешъ душу зришелей, что Іоанна не смѣешь и не должна защищашься. Но люди слѣпы и неблагодарны. Они съ убійственной холодношью оставляющъ шу, которую за нѣсколько минушь едва не боготворили. Что можешъ бышь прогашельнѣе монолога, въ которомъ Іоанна жалуешь на судьбу свою?

„Ахъ, почто за мечъ воинственнѣй
 Я мой посохъ отдала,
 И тобою, дубъ шаинственнѣй,
 Очарована была!
 Мнѣ, Владычица, являла Ты
 Свѣшь небеснаго лица;
 И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты:
 Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесь сіяніе,
 Зрѣла Ангеловъ въ лучахъ:
 Но души моей желаніе
 Не живешъ на небесахъ.

Грозной силы повелѣніе!
 Мнѣ ль безсильной совершить?
 Мнѣ ли дасть ожесточеніе,
 Сердцу жадному любишь!

Нѣтъ! Изъ чистыхъ небожителей
 Избирай Твоихъ свершителей!
 Съ неприспущныхъ облаковъ
 Призови Твоихъ духовъ,
 Безмятежныхъ, нежелающихъ,
 Нескорбящихъ, неперющихъ!
 Дѣву съ нѣжною душой
 Да минуешь выборъ Твой!

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
 Мнѣ ль рѣшишь судьбу царей?
 Я пала въ уединеніи
 Спадо родины моей.
 Въ бурну жизнь меня умчала Ты,
 Въ домъ владыки привела;
 Но лишь гибель указала Ты:
 Я ль сей жребій избрала? "

Послѣднее дѣйствіе начинается въ Арденскомъ лѣсу близъ хижины угольщика. Обвиненная въ волшебствѣ, оспавленная всѣми, Іоанна скидается съ однимъ вѣрнымъ Раймондомъ, товарищемъ ея дѣшства и прежнимъ ея женихомъ.

Шиллеръ умѣетъ извлекать все исплинно-поразительное и прекрасно-поэтическое изъ самыхъ проситыхъ явленій. Іоанна не захошѣла соединить жребія своего въ судьбою поселянина Раймонда; какой-то геній ее увлекъ отъ него: но онъ остался ей вѣренъ; онъ сдѣлался ей ушв-шпелемъ и погда, когда всѣ отъ нея бѣжали. Такимъ образомъ часто мечты дѣшества послѣднею являющся радостію знаменитому несчастливцу, когда зависшь, или неблагопріяшный случай повергають его въ бездну несчастія. Нечаянная встрѣча съ Изабеллою довершаетъ бѣдствія Іоанны: ее отшодаетъ въ англійскій лагерь, и Ліонель становится власпшелемъ знаменитой пльницы. Но онъ уже не спрашенъ для нея: буря душевная прошла. Іоанна свободна сердцемъ и достойна свершить предназначенное ей свыше. Послѣднее сраженіе начинается между Французами и Англичанами. Непрїатели пользуются отсутствіемъ дѣвы. Оковы и надзоръ Изабеллы удерживаютъ ее въ бездѣйствіи. Уже воинъ, наблюдающій съ башни успѣхи сраженія,

много радостныхъ извѣстій сообщили королевъ; уже Дюнуа раненъ и наконецъ самъ Карль VII окруженъ непріятелями; тогда Іоанна, бросаясь на колѣна съ молитвою, говоритъ:

„Господь, Господь! Въ бѣдѣ моей жестокой
 На небеса Твои, съ надеждой, съ вѣрой,
 Въ шокъ, въ слезахъ, я душу посылаю.
 Всесилень Ты: шончайшей паузинъ
 Тебѣ легко дашь крѣпосиъ ивердой спали;
 Всесилень Ты: шройлымъ желъзнымъ узамъ
 Тебѣ легко дашь брещносиъ паушины.
 Ты повелишь: и цѣль сія падешъ,
 И сей шюръмы разшупишся спѣна.
 Ты дивный Богъ: съ Тобой слѣпецъ Сампсонъ
 И въ елабосиши могущесшво низринулъ;
 Тебя призвавъ, онъ сполъ переломилъ;
 И на врага упали своды храма.“

Едва провозглашена побѣда враговъ; Іоанна, схвативъ цѣпи свои обѣими руками, разрываетъ ихъ и мгновенно убѣгаетъ изъ непріятельскаго лагеря. Одно ея появленіе на мѣстѣ битвы все перемѣняетъ. Французы усшроились и вырвали побѣду у враговъ своихъ. Но эта шумная радость вскорѣ смѣняется всеобщемою глубокою горесшю. Раненная Іоанна умираетъ. Вотъ ея послѣднія слова:

„И шакъ опять съ народомъ я моимъ,
 И неопровержена, и де въ презрѣннѣ,
 И не клянушь меня, и я любима!
 Такъ, все шперь опять я узнаю:
 Вошь мой король, вошь Франціи знамена;
 Но моего не вижу! Гдѣ оно?
 Безъ знамени явиться не могу:
 Его мой Богъ, Владыка мой мнѣ ввѣрилъ;
 Его должна передъ Господнѣй пропъ
 Я положить; шперь съ нимъ показанъ
 Я смѣю: я ему не измѣнила.

 Смотрите: радуга на небесахъ;
 Растворены врапа ихъ золошья;
 Средь Ангеловъ (на персяхъ вѣчный Сынъ)
 Въ божественныхъ лучахъ спопитъ Она,
 И съ милосшью ко мнѣ проесперла руки.
 О, что со мною! Мой тяжелый панцирь
 Сталъ легкою крылатою одеждою;
 Я въ облакахъ; я мчуся быспрошечно
 Туда, туда . . . земля ушла изъ глазъ:
 Минушна скорбь, блаженство безконечно.“

Сочинишель, при окончаніи трагедіи опспунилъ опъ исторіи. На это ему предсоставлено законами искусства полное право; пошому что поэзія имѣетъ свои виды, опличные опъ исторіи. Поэши не смѣетъ шолько перемѣнять того, что

составляетъ сущность историческаго лица, т. е. его характеръ. Но часности жизни всегда въ его распоряженіи. Трагедія высокими своими предспавленіями должна облагороживасть, прогашь и умилять душу. Если бы Шиллеръ, подобно испорику, изобразилъ намъ въ прагедіа бѣдспвенную кончину Іоанны въ непріательскомъ спанѣ; если бы онъ предспавилъ неблагодарность Французовъ, предавшихъ врагамъ спасительницу опечесства, и жестокость Англичанъ, сожигающихъ ее, какъ волшебницу: тогда мы почувствовали бы одно опспращеніе; жалость наша превратилась бы въ ненависть; сладкія слезы умиленія были бы замѣнены справедливымъ гнѣвомъ оскорбленной души. Но теперь, окончивъ чтеніе поэмы, распрогавные всѣмъ прекраснымъ, исполненные вѣры, утѣшенные надеждою, мы съ какимъ-то наслажденіемъ провожаемъ душу воишельницы въ лучшій міръ; потому что она сама была утѣшена въ послѣднія минуты своей жизни.

Этотъ взглядъ на содержаніе Орле

анской дѣвы показывается намъ, что Шиллеръ не заботился о соблюденіи извѣстныхъ прехъ единствъ, о которыхъ упоминають въ пиіпикахъ, какъ о необходимыхъ условіяхъ трагедіи. Такое нарушеніе Аристотелевыхъ правилъ давно сдѣлалось обыкновеннымъ въ романтическихъ трагедіяхъ. Оно основывается на высшихъ познаніяхъ драматической поэзіи. Единство времени, по мнѣнію классиковъ, производитъ совершенное очарованіе надъ зрителями, которые, видя предсказаніе, оканчивающееся въ продолженіе двадцати чепырехъ часовъ, легко могутъ обмануться и почесъть его за истинное происшествіе. По нашему образу мыслей это предположеніе не имѣеть никакого основанія истины. Допустивъ необыкновенную быспрошу дѣйствій, занимательность происшествія и всѣ усилія дѣйствующихъ лицъ для очарованія зрителей, мы не умѣемъ вообразить такого простодушія, которое бы ошиблось въ расчетъ времени. Если же зритель увѣренъ, что онъ не спитъ вся цѣлыхъ сутокъ въ театрѣ; тогда для воображенія

все равно: недѣлю, мѣсяць, годъ, или болѣе продолжается представляемое дѣйствіе; потому что для него также легко сближать случаи, раздѣляемые сущками, какъ и десятильшіями. Всѣ сіи замѣчанія можно равнымъ образомъ примѣнить и къ единству мѣста. Декораціи никогда не замѣняютъ въ глазахъ зрителей истинной мѣстности. Перемена ихъ составляетъ, такъ сказать, условленный знакъ для обращенія вниманія на новый предметъ. Если въ продолженіе всей трагедіи декораціи не переменяются, зритель не менѣе зритель чувствуетъ, что онъ въ театръ, а не въ Аѳинахъ, не въ Римѣ, и проч. И какая мѣлочная расчепливость предназначается высочайшему изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ, когда оно заботится объ одномъ оптическомъ обманѣ судей своихъ! Что бы сказали о живописцѣ, если бы онъ, превосходно изобразивъ лице героя, вырѣзалъ изъ полотна его фигуру для большаго сходства съ оригиналомъ? Таковы точно правила, предписываемыя въ піисникахъ для соблюденія единства времени и мѣста. Но какія жер-

швы приносятъ сочинители для выполнения сихъ прѣбваній! Составляя полную прѣредію, обыкновенно воображаемую въ пьесахъ дѣйствіяхъ, они оспаютъ въ жалкой необходимости помѣщать въ ней нѣсколько явленій, а иногда нѣсколько дѣйствій, состоящихъ изъ холодныхъ разговоровъ, въ продолженіе которыхъ зрители невольно скучаютъ и оспаютъ въ театрѣ единственно для того, чтобы дождаться окончанія, въ которомъ всегда надѣются увидѣть что нибудь занимательное. Всѣмъ извѣстно, что изящныя искусства въ произведеніяхъ своихъ соединяютъ только одно лучшее, одно поэтическое, доводя его, сколько можно, до идеальнаго существованія. Строгое соблюденіе единства времени и мѣста явлено противорѣчіемъ сему главному и неизмѣнному закону изящныхъ искусствъ. Оно опшимаемъ у поэта лучшіе матеріалы для совершеннѣйшаго произведенія, принуждая его ограничиваться малою ихъ частію и предписывая оспальное все дополнять прозою, или разводивъ ея вдохновенною поэзію. Такимъ образомъ, ви-

шо яснаго, полнаго, совершеннѣйшаго начертанія какаго нибудь лица, мы принуждены бываемъ довольствоваться скуднымъ отрывкомъ его характера.

Сдѣлаемъ предположеніе, что Шиллеръ захотѣлъ бы соблюсти въ Орлеанской дѣвѣ единство времени. Какой день избралъ бы онъ для своей трагедіи? Безъ сомнѣнія послѣдній. Что бы мы потеряли отъ сего классическаго начертанія? Я уже не говорю, что прологъ здѣсь не могъ бы имѣть мѣста, эпошъ прологъ, который теперь составляетъ не только превосходную часть сей трагедіи, но и вообще совершеннѣйшее произведеніе поэзіи. Мы лишились бы прекраснаго явленія, въ которомъ изображено первое свиданіе Карла VII съ Іоанною. Эпизодъ Монгомери могъ бы оспасться; но не было бы картины торжества Іоанны надъ Филиппомъ бургундскимъ. Явленіе Чернаго рыцаря и встрѣча съ Лиеелемъ также не у мѣста были бы въ предполагаемой трагедіи. Все четвертое дѣйствіе, исполненное высочайшихъ драматическихъ красотъ, тогда уничтожилось бы по необходимо-

сти. Сочинишель, вмѣсто поразительныхъ, великолѣпныхъ, разнообразныхъ и увлекательныхъ явленій, копорья такъ живо, полно и ясно рисуютъ прекрасное для трагедіи лице Іоанны, представилъ бы намъ какую-то тѣнь, или призракъ. Онъ облекъ бы весь ходъ своей трагедіи въ красоты бездушныя, общія всѣмъ до самаго послѣдняго изъ французскихъ трагиковъ.

Единство дѣйствія составляетъ существенную часть всякаго драматическаго произведенія. На немъ основывается главная занимательность трагедіи. Сочинишель такъ располагаетъ ходъ своей пьесы, чтобы, при всемъ разнообразіи дѣйствій выводимыхъ лицъ, единодушное участіе зрителей относилось къ главному предмету драмы. Соблюденіе сего единства ни сколько не соединено съ единствомъ времени и мѣста. Оно остается въ полномъ своемъ значеніи, сколько бы дѣль ни обнялъ трагикъ для изображенія происшествія и гдѣ бы оно ни происходило. Шиллеръ сохранилъ его въ Орлеанской дѣвѣ. Іоанна должна быть спасительницею Франціи. Все устремлено къ

этой цѣли. Никакія препятствія не уничтожаютъ исполненія сего намѣренія. Въ пишинѣ сельской жизни, въ пылу сраженій, въ королевскомъ дворцѣ, въ торжествѣ пышнаго обряда вѣнчанія, въ оковахъ у враговъ, Іоанна мыслишь объ одномъ, къ одному спремится и влечеть за собою сердца зрителей.

Мы не смѣемъ думать, чтобы замѣчанія наши о подобномъ составленіи прагедій не могли бытъ опровергнуты защитниками французскаго вкуса. Правила изящныхъ искусствъ долго еще будутъ составлять смѣсь прошиворѣчій. Это очень естественно. Испины вкуса не походятъ на испины холоднаго разсудка. Послѣднія, какъ на примѣръ въ математикѣ, столь очевидны, что иногда спорно покажется и спорить о нихъ. Первыя напротивъ того совсѣмъ не доказываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а только чувствуются, если можно такъ выразиться. Переходя рѣшительно на сторону романтическихъ прагиковъ, мы руководствуемся собственными наблюденіями и опы-

тами. Кто не признается, что, читая лучшую трагедию Расина, онъ можетъ безъ примѣтнаго усилія остановиться въ ней почти на каждомъ мѣстѣ и прерывать чтеніе на нѣкоторое время? Совсѣмъ противоположное бываетъ при чтеніи Шекспира Шиллера и Гёте. Забываешь все поспорнее, неодолимо увлекаешься далѣе, живешь (говоря въ шочномъ значеніи эпаго слова) между дѣйствующими лицами трагедіи, страдаешь, или радуешься за нихъ и не можешь съ ними различиться до шѣхъ поръ, пока сочинитель не сокроетъ ихъ опъ глазъ волшебнымъ своимъ занавѣсомъ. „Читая Расина, я удивляюсь ему (часто говоришь одинъ изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ); но когда беру за Шиллера, мнѣ всегда хочется самому написать трагедию.“ Какое же различіе между сими впечатлѣніями? Одинъ заспавляетъ насъ уважая свое искусство, а другой любитъ его; въ одномъ больше ума, а въ другомъ чувства; одного пріятно знать, а съ другимъ жить.

Другое обстоятельство. Не всѣ народы способны довольствоваться равною

степенію и одинаковымъ характеромъ красоты. Угрюмая сѣверная природа сильно дѣйствуетъ на образованіе плѣхъ органовъ, кошорые принимаютъ впечатлѣнія прекраснаго. У Башюшкова, въ его разговорѣ: *Ветеръ и Кантелира*, Монтескьё говоришь.,, Я видѣлъ оперу въ Англии и въ Италіи. Оперъ музыки, кошорую Англичане слушаютъ спокойно, Италіянцы бывають внѣ себя, и прыгаютъ какъ Пиеія на пророческомъ шреножничѣ.“ Намъ кажется, что это замѣчаніе можетъ послужить къ подтвержденію нашего мнѣнія. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ восшоргомъ до сихъ поръ смощрѣшь Французы и вѣроятно всегда смощрѣшь будушь на представленія трагедій лучшихъ своихъ поэшовъ. Прекрасная и справедливая дань шаланшамъ. Между шѣмъ у насъ не только переводы сихъ трагедій, но и лучшихъ оригинальныхъ произведеній, сосшавленныхъ по ихъ образцу, слабо дѣйствуюшь на зришелей. На это много можно пригошовить опроверженій: несовершенство переводовъ, недосшашки языка, хошя богапаго, выразишельнаго,

но неперекорнаго усилями поэзіи, различіе въ искусствѣ актеровъ и проч. Отъ чего же слабѣйшія подражанія нѣкошорымъ трагедіямъ Шекспира и Шиллера примѣшнѣе оживляютъ зрителей? Не отъ того ли, что англійскіе и нѣмецкіе поэты, будучи ближе къ намъ по своей природѣ, вѣрнѣе нападаютъ на нѣ красоты, кошорыя оцупшительнѣе нравятся жителямъ сѣвера? Конечно полное торжество вездѣ предоспавлено только той трагедіи, кошорая соспавляетъ въ идеальномъ видѣ истинную картину нравовъ, характеровъ, чувствованій и доблестей своего отечества. Такова была она въ Греціи, гдѣ театръ предспавлялъ общенародное училище богопочитанія, исторіи, законовъ и всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей. Вѣроятно мы еще долго не увидимъ у себя трагедіи на этой степеніи совершенства. Все идетъ постепенно. Новыя покушенія ускоряютъ успѣхи во всемъ. Мы начали съ французскихъ трагедій. Прекрасныя въ своемъ отечествѣ, у насъ онѣ почти безжизненны. И романтическія трагедіи не наши.

Но онъ ближайшую соспавляютъ ступень къ шѣмъ, въ кошорыхъ ивкогда воспорженные зрители увидящъ все собственное: и объемъ дѣйствія, и его разположеніе, и движеніе спрасшей, и краску ихъ, и прелеснь языка.

Возвращаемся къ Орлеанской дѣвѣ. Мы не ослѣплены красошами Шиллера. У него есть очень чувствительные недоспанки. Слабѣйшую спорону въ его трагедіяхъ, по нашему мнѣнію, соспавляютъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи Шиллеръ несравненно ниже образца своего, ш. е. Шекспира. Трагикъ, преобразуя въ идеаль избираемое для сочиненія лице, не долженъ сглаживашъ съ него всѣ первобышныя чершты, а шолько озаряшъ ихъ поэшическимъ свѣтомъ. Онъ обязанъ сняшъ съ него все грубое, ничтожное, земное; но не имѣешъ права замѣнишъ существенной, или природной красошы его красошою вымышленною, или мечшательною. Такимъ образомъ въ трагедіяхъ Шекспира прекрасная природа ошражается какъ въ чистомъ зеркалѣ. У него всѣ чувствующыя,

мыслятъ и говорятъ сообразно съ шѣми
 обшюпельствами жизни, въ которыхъ
 находятсѧ. Его искусство украшаетъ при-
 роду, но не противорѣчитъ ей. Для эша-
 го надобно имѣть особенную власть надъ
 своимъ гениемъ. Шиллеръ былъ рабомъ
 его. Исполненный высочайшаго вдохнове-
 нія, чувствительный, величайшій меч-
 татель, онъ не умѣлъ опредѣлять соб-
 ственнаго своего существованія отъ шѣхъ
 лицъ, которыя дѣйствуютъ у него въ
 трагедіи, и пошому въ каждомъ изъ нихъ
 мы видимъ поэта, въ каждомъ узнаемъ
 Шиллера. Онъ слишкомъ неосторожно
 передаетъ всякому лицу свои поэтичес-
 кія мечты, свои возвышенныя созерца-
 нія и все богатство своихъ опытовъ и
 умозрѣній. Поселянинъ и вельможа, про-
 стой воинъ и государь у него часшо
 стремятсѧ къ чему-шо одному и даже
 сходно изъясняющсѧ. Есть конечно ме-
 жду ними явное различіе, безъ чего Шил-
 леръ не былъ бы величайшимъ поэтомъ.
 Каждое лице поставлено въ особенной
 рамѣ, оживлено особенными красками,
 есть на немъ свой свѣтъ и своя тѣнь;

но, разсматривая приспальниѣ всю галерею сихъ портретовъ, думаешь, будто они всѣ одного семейства, хотя судьба и назначила имъ разные удѣлы въ жизни. Слѣдствіемъ этого недосыпка часно бываешь излишня утомченность въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Зрители принуждены бывають сожалѣть, что сочинитель не даетъ имъ свободы въ изображеніи своихъ чувствованій, какъ бы подсказывая каждому изъ нихъ всѣ свои любимыя выраженія, мысли и красныя поэзіи.

Мы приводимъ нѣсколько примѣровъ. Опъ нихъ подобныя замѣчанія спановящся яснѣе.

Тибо д'Аркъ укоряешь дочь свою въ холодности къ Раймонду, прекрасному, честному юношѣ, кошорый ищешь руки ея. Раймондъ ему ошвѣчаешь :

„Не принуждай ея, мой честный Аркъ!
 Любовь моей Іоанны есть прекрасный
 Небесный плодъ: прекрасное свободно;
 Оно медлительно и тайно зрѣешь.
 Теперь ея веселье живъ въ горахъ:
 Къ намъ въ хижины, жилаща суены,

Съ вершинѣ ихъ она сходитъ боится.
 Нерѣдко и съ благоговѣньемъ шихимъ
 Изъ дола въ слѣдъ за ней смопрю, когда
 Она одна въ величїи надъ спадомъ
 Споишь и взоръ склоняешъ въ размышленьи
 На мѣлкїя обипели земныя.
 Я вижу въ ней погда знаменованье
 Чего-то высшаго, и часно мнишся,
 Чшо изъ другихъ временъ пришла она. "

Въ устахъ поэта шакой опьѣшь (быль
 бы удивительнo хорошъ. Поселанинъ мо-
 жель бышь по сердцу поэномъ. Но его
 поэзія никогда не превращишся въ споль
 возвышенную мечшашельность. Онъ не-
 способенъ и намѣкашъ о подобныхъ мыс-
 ляхъ, если бы душа его и хранила въ се-
 бѣ что нибудь на это похожее.

Мы замѣтили выше, что характеръ
 Карла VII представляешъ какую-то смѣсь
 нервнишельности, добродушія и любви
 къ рыцарству. Его можно бы украсишь
 привязанностью къ прелестнымъ поэзіи, но
 не надобно было представляшъ изъ него
 романшическаго поэта. Между шѣмъ,
 вопъ какъ онъ говоришь Дю Шапелю о
 стихопворцахъ, присланныхъ къ нему
 опъ Ренѣ:

„ - - - - - Пѣвецъ высокій

Безъ почести опселъ не пойдеть:

Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ
цвѣшеть;

Онъ жизни вѣшвъ безсмертно-молодую

Вплешаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ.

Влашпшелю совлашпшуетъ пѣвецъ;

Переселаясь въ обшпшель неземную,

Изъ легкшхъ сновъ себѣ онъ зшждеть шронъ.

Пушть обруку шдетъ монарху онъ:

Они живущъ на вышпахъ созданья. “

Архшеншскопъ, швщшшель шрогашель-
наго шршмрешнш короля съ герцогомъ бур-
гундскимъ, пользуетъ шасшпшлшвымъ слу-
чаемъ и подаешъ имъ швош нашпашленш.
Въ его ушпахъ они бшлш бш прекрасны,
когда бш сердечная убѣдшщельность вы-
ражалась швошмъ языкомъ, ш. е. шросто,
ясно и шльно. Мы не находшмъ шхъ со-
вершенствъ въ слѣдующшхъ шпшпахъ:

„ Въ союзъ вы: и Франщя, какъ феншксъ,

Подымешся изъ пепла швоего;

Загладшся войны кровавый слѣдъ;

Сосженныя селенья, города

Блшшпашельнш възшпанущъ изъ развалшнъ,

И жашвою поля зазеленшющъ:

Но падшше раздора жершвой . . . ихъ

Уже не воскресшшь, и слезы, въ шашей

Враждѣ пролишья, пролиты были
 И будутъ. Раздвѣшеть другое племя;
 Но прежде все жертвой бѣдъ увяло.
 Пробудяшся ль отцы для счастья внуковъ
 Таковъ раздора плодъ! Для васъ, монархи,
 Урокъ сей: божество меча ужасно;
 Его могущесива не испытуйте! Разъ
 Испоргнувшись съ войной, оно уже,
 Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
 Слепающій къ стрѣлку, не покоришся
 Напрасному призыванью чловѣка;
 И не всегда къ намъ вовремя, какъ нынѣ,
 Спасеніе небесное низходишь. "

Но всего страннѣе, съ какими чув-
 ствованіями сочинитель заставляеть у-
 мирашъ Тальбоша, главнаго предводише-
 ля Англичанъ. Онъ раненъ смертельно и
 уже видитъ приближеніе послѣдней сво-
 ей минушы. Самый обыкновенный чело-
 вѣкъ въ такомъ положеніи можеть про-
 изнести множество истинъ сильныхъ и
 поразительныхъ. Тальбошъ, душа цѣлой
 почти націи, вошедшей въ чужую землю
 для ея покоренія, беспшрашный воинъ и
 предводишель, котораго сердце пылало
 славою, Тальбошъ, умирая прекрасною
 смертію на полѣ сраженія, говоритъ:

„Безумство, ты превозмогло: а я
 Погибнуть осужденъ! И сами боги
 Пропивъ себя не въ силахъ успоаять.
 О гордый умъ, ты, свѣтлое рожденье
 Премудрости, верховный основатель
 Созданія, правитель міра, что ты?
 Тебя несеть, какъ бурный конь, безумство;
 Вопще своя узда: ты бездну видишь,
 И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно.
 Будь проклятъ поэтъ, кто въ замыслахъ ве-
 ликихъ

Теряешь жизнь, кто мудро выбираешь
 Себѣ спезю вѣрнѣйшую! Безумство
 Принадлежитъ земля. - - - -

 Минуша кончили все: опдамъ землѣ
 И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
 Въ спрданіе и въ радость шакъ напрасно,
 И отъ могучаго Тальбота, славой
 Наполнишваго свѣтъ, на свѣтъ будешь
 Одна лишь горсть лепучей пыли. Такъ
 Все гибнетъ человекъ: и вся добыча
 Отъ птягосшной войны съ суровой жизнью
 Есть убѣжденіе въ небытіи
 И хладное презрѣніе ко всему,
 Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.“

Главный характеръ въ сей трагедіи, ш.
 е. Іоанны, представляешь высочайшее
 торжество драматической поэзіи. Съ пер-

ваго появленія на сцену до смерти своей, Іоанна равно вдохновенна, занимательна и достойна славнаго своего назначенія. Ни одного слова не вышло изъ устъ ея, которое бы не показывало въ ней посланницы неба. Труднѣе всего, кажешся, было заставитъ ее говорить приличнымъ ея сану языкомъ, когда она являешся въ первый разъ къ королю. Но какъ удивительно Шиллеръ это выполнилъ! Король, до ея прибытія, уступаетъ свое мѣсто Дюнуа, чтобы подвергнуть ее испытанію. Вотъ начало этой прекрасной сцены:

Д ю н у а *съ важностію.*
Ты ль, дивная? . . .

І о а н н а *прерываетъ его величественно.*

Ты Бога испытуешь:
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа!

(Обращаясь къ королю).

Вотъ шопъ, къ кому меня послало небо!

К о р о л ь.

Мое лице ты видишь въ первый разъ:
Кшо далъ тебѣ такое опкровенье?

І о а н н а.

Я видѣла тебя . . . но только тамъ,

Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
 Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
 Глубокимъ сномъ, не слышь, покинувъ ложе,
 Съ молишвою предъ Господомъ просперся?
 Вели имъ выпши: я швою молишву
 Тебѣ скажу.

К о р о л ь.

Что Богу я повѣрилъ,
 Не пошаю шого и опъ людей.
 Опкрой при нихъ моей молишвы шайну:
 Тогда швое признаю назначенье.

І о а н н а.

Ты произнесъ предъ Богомъ при молишвы:
 И первою молилъ слы, чпобъ Всевышній,
 Когда швой шровъ спяжаніемъ неправымъ,
 Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣшь
 Виною обремененъ, и шѣмъ на насъ
 Навлечена губащая война,
 Тебя избралъ миришельною жершвой,
 И на швою покорную главу
 Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

К о р о л ь.

Но кто же слы, чудесная? Опкуда?

І о а н н а.

Другая же швая была молишва:
 Когда уже назначено Всевышнимъ
 Тебя лишить родишельскаго шрона,
 И все опнять, чѣмъ праопцы швом
 Вънчанные владѣли въ сей землѣ,

Чтобъ сохранить тебѣ при лучшихъ благахъ:
 Спокойствіе души самодовольной,
 Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.
 Скажу ль твою послѣднюю молитву?

К О Р О Л Ъ.

Довольно; вѣрую: сего не можешь
 Единый человекъ; съ побой Всевышній.

Это явленіе просто, глубоко, естествен-
 но и прогашельно. Подобнымъ образомъ
 выдержанъ прекрасно во всей трагедіи
 характеръ отца Іоанны. Смиранный по-
 селянинъ, нѣжный родитель, но вмѣстѣ
 набожный до жестокаго суевѣрія, онъ
 предаеть на судъ свою дочь въ надеждѣ
 ея раскаянія. Онъ хочеть ея гибели
 для спасенія души ея. Другіе характеры,
 болѣе, или менѣе доведены до возможна-
 го совершенства, смотря по значитель-
 носпи дѣйствія ихъ въ трагедіи, хотя
 вездѣ, какъ мы уже замѣтили, оспается
 на нихъ общій признакъ Шиллеровыхъ
 характеровъ.

Соображая всѣ сіи замѣчанія, мы за-
 ключаемъ, что Орлеанская дѣва не мо-
 жеть назваться лучшимъ произведені-
 емъ Шиллера. Какъ трагедія, она медлен-

но идетъ сначала. Три первыя дѣйствія составляютъ болѣе приготовленіе къ настоящей трагедіи, нежели существенныя части ея. Для представленія она слишкомъ обширна. Если явленія, совершенно не относящіяся къ [общей цѣли дѣйствія. Иные характеры неестественны, другіе слабы. Но тѣмъ не менѣе это одно изъ занимательнѣйшихъ произведеній генія. Оно поражаетъ новостію созданія, пламеннымъ воображеніемъ, возвышенностію заключающихся въ немъ истинъ, великолѣпиемъ картинъ, непрерывными поэтическими движеніями и наконецъ соприсутствіемъ самой религіи, приводящей зрителей въ благоговѣнное умиленіе.

Переводчикъ Орлеанской дѣвы, можетъ быть, съ намѣреніемъ избралъ эту трагедію изъ всѣхъ произведеній Шиллера. Для впечатлѣній сильныхъ необходимы самыя поразительныя примѣры. Въ Орлеанской дѣвѣ смѣле, нежели гдѣ нибудь, Шиллеръ пользовался всѣми красками и особенностями романтическихъ трагедій. Воспитанные и взрослые, такъ

сказать, на зрѣлищахъ французскихъ, для переменнн образа мыслей мы имѣли нужду въ произведеніи, совершенно ошъ нихъ отличномъ, гдѣ бы предметъ, планъ его, краски и направленіе драмы представляли все для насъ сполько же новое, сколько и занимательное. И это преимущественно соединяется въ Орлеанской дѣвѣ. Другія трагедіи основаны на побужденіи земныхъ спрасшей. Это нѣкопорымъ образомъ сближаетъ ихъ. Орлеанская дѣва основана единственнo на вѣрѣ. Здѣсь поэтъ предлагаетъ зрителямъ тайну Провидѣнія. Такова у Грековъ была судьба Эдипа, неиспощимый источникъ трагедій. Всѣ земныя спрасши умолкають при зрѣлищѣ чего-то небеснаго. Изящное искусство достигаетъ высшаго своего предназначенія: удовольствіе облагораживаетъ душу нашу и дѣлаетъ ее чище и святѣе. Такое впечатлѣніе, будучи по новости своей самое живѣйшее, можетъ быть, возбудитъ дѣятельность юнаго генія: и мы обязаны будемъ Орлеанской дѣвѣ оригинальною превосходною трагедіею.

Въ переводѣ Іоанны д'Аркъ видимъ новый размѣръ, давно уже принятый для трагедій въ просвѣщенной Германіи. Александрійскіе стихи съ римами упомишельны для слуха и шрудны для произношенія. Ямбическій пяписнопный стихъ безъ пресѣченія и рима придаетъ драматическому разговору необыкновенную еспешiveness, удерживая въ себѣ всю гармонію поэзіи. Онъ способенъ къ изображенію всѣхъ општѣнковъ разговора. Проща и возвышенность, сила и нѣжность, спокойствіе и быспроша: все получаешь въ немъ свою опредѣлительность, опличіе и ясность. У насъ многіе еще не приучили слуха своего къ эпому стиху: не удивишельно. Иные даже не любящъ его: странно. Надобно радоваться каждому приобрѣтенію въ поэзіи. Оно доспавляетъ ей пріятное разнообразіе, новыя совершенства и разспраняетъ кругъ высокыхъ удовольствій, копорыхъ шакъ жаждетъ образованная и чувствительная душа. У насъ лучший языкъ для поэзіи: а мы еще не смѣемъ пользоваться всѣми его преимуществами.

ми. Если бы Французы, которыми мы такъ приспраспно любимъ подражать, въ состояніи были доставить своему языку подобныя выгоды; они давно бы обогатили его всѣми сокровищами поэзіи другихъ народовъ.

Читая Іоанну д'Аркъ на рускомъ языкѣ, надобно учиться шайнамъ одного изъ самыхъ трудныхъ искусствъ въ словесности: какъ переводить поэтовъ. Самый близкій переводъ можетъ быть не совершеннѣйшимъ трудомъ, если переводчикъ болѣе думаетъ о словахъ, нежели о красотѣ мыслей, чувствованій и цѣли подлинника. Вольный переводъ представляеть иногда счастливое подражаніе, но не даетъ совершеннаго понятія о всей прелести языка и украшеній его, о характерѣ и настоящемъ достоинствѣ сочинителя. Переводчикъ Орлеанской дѣвы, ни въ чемъ почти не отступая отъ подлинника, вездѣ идетъ рядомъ съ сочинителемъ, чувствуешь его вдохновеніе, ясно постигаешь каждое движеніе его, смѣло передаетъ намъ его красоты, и, въ случаѣ невозможности, судя по различію

языковъ, замѣняешь ихъ собственными, но равносильными. Онъ уважаетъ каждую минуточку одушевленія сочинителя, и мы это живо чувствуемъ въ его переводѣ. У Шиллера во многихъ мѣстахъ перемѣняется мѣра стиховъ, смотря по спросу, или положенію дѣйствующаго лица. Многіе монологи, безъ рѣчь начашые, оканчивающіяся стихами, въ которыхъ есть рѣчи, когда усиливается движеніе дѣйствія. Переводчикъ нигдѣ не отступилъ въ эпосѣ отъ подлинника. Онъ передалъ намъ сію трагедію точно такъ, какъ написалъ бы ее Шиллеръ, если бы онъ родился Рускимъ.

Трудности сего перевода были неизчислимы, когда сравнишь различіе языковъ рускаго и нѣмецкаго. Въ Германіи трагедія и слѣдовательно формы трагическаго языка достигли едва ли не послѣдней степени своего совершенства. Такимъ образомъ тамъ для каждой мысли со всѣми малѣйшими оцѣнками понятій есть уже опредѣлительныя выраженія, которыхъ сколько же удобно находишь сочинителю, сколько легко читателю постигашъ ихъ. Тамъ употребле-

ніе освяшило союзъ возвышенныхъ выраженій съ самыми обыкновенными. Руской языкъ еще эшаго не имѣеть. Онъ прекрасенъ, ровень и чисшь почти въ одной лирической поэзіи, а въ другихъ родахъ шолько шамъ, гдѣ случай позволяеть приближаться къ ней. Переводчикъ, не смотря на препяшшвія, безпреспанно ему ошъ эшаго обшояшельства вспрѣчавшіяся, оспался вездѣ по языку своему чисшь, ясень, силенъ и благородень. Онъ даже обогатилъ языкъ нашъ новыми формами и выраженіями, копорыя одно шолько вдохновеніе можешь сдѣлашь сперва пріятными, а попомъ навсегда общеупотребительными. Мы болѣе всего удивлялися въ немъ плѣнительно-счастливому соединенію простоты языка, необходимой для нѣкоторыхъ лицъ, съ шую важностію, копорая преобращаешь рѣчи ихъ въ прагической разговоръ. Предоставляемъ читателямъ нашимъ внимательнѣе разобрать, сколько простосердечія, красоны, возвышенности и всѣхъ совершенствъ языка и поэзіи находишь въ слѣдующемъ ошрывкѣ. Архіепископъ,

въ приеушспвіи короля, спрашиваешъ
Іоанну: кто она? Вотъ ея ошвѣщъ:

Святшій ошець! Меня зовушъ Іоанна;
Я дочь просшаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ спадо моего ошца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слышала часшо,
Какъ набѣжалъ на насъ ошпровишянинъ
Неисшовый, чшобъ сдѣлашъ насъ рабами,
Чшобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей власпшельсшвовалъ онъ . . .
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ ошъ цѣней пришельца защишишь,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудошворный ликъ Пречистой Дѣвы:
Къ нему полпой приходяшъ богомольцы;
И близъ него споишъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ шѣни его сидѣшь любила,
Пася овецъ (меня спремилло сердце);
И всякой разъ, когда въ горахъ пустынь-
ныхъ

Случалосъ ягненку заперяшся,
Пропадашаго являль мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ шѣмъ я дубомъ засышала.
И разъ (всю ночь съ усердною молишвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ дровомъ)

Часть XXVIII. Кн. III.

Пречистая предспала мнѣ; въ рукахъ
 Ея былъ мечъ и знамя, но одѣша
 Она была, какъ я, паспушкой, и сказала:
 „Узнай меня, возстань, иди опть спада!
 ;Господь шебя къ иному призываетъ.
 „Возми сіе святое знамя; мечъ
 „Сей опояшь, и имъ неуспрашимо
 „Рази враговъ народа моего!
 „И проведи помазанника въ Реймсъ,
 „И увѣнчай его вѣнцемъ наслѣднымъ!“
 Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
 Неопышной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
 На подвигъ сей погибельный дерзашь?
 „Дерзай, она рекла мнѣ; чистой дѣвѣ
 „Доступно все Великое земли,
 „Когда земной любви она не знаетъ.“
 Тогда моихъ очей Она коснулась . . .
 Подъемлю взоръ: исполнено все небо
 Сіяющихъ, крылашыхъ Серафимовъ;
 И въ ихъ рукахъ прелѣстныя лилеи;
 И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голось.
 И такъ Пречистая при ночи сраду
 Являлась мнѣ и говорила: „встань!
 „Господь шебя къ иному призываетъ.“
 Но въ шретью ночь Она, явась во гнѣвѣ,
 Мнѣ спрогое сіе вѣщала слово:
 „Удѣлъ жены тяжелое шерпѣнье;
 „Возми тввой крестъ, покорствуй небесамъ!
 „Въ спраданіи земное очищенье:

„Смиранный здѣсь возвышенъ будетъ памь.
 И съ словомъ симъ Она съ себя одежку
 Паспушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
 Явилась мнѣ Царицею небесъ,
 И на меня съ ушѣхой поглядѣла,
 И медленно на свѣшлыхъ облакахъ
 Къ обшелямъ блаженства полетѣла.“

Здѣсь ни одинъ стихъ не напоминаетъ чипашелю, что это переводъ. Все изложено съ такою свободою, ясноспію и приличіемъ, что подъ перомъ лучшаго оригинальнаго поэта стихи не могутъ образоваться совершенноѣ приведенныхъ нами. Но мы не выбрали особенно опредѣленныхъ мѣстъ. Переводъ весь одинаковъ. И если при чтеніи Орлеанской дѣвы не вездѣ можно чувствовашъ равное удовольствіе; то конечно въ этомъ случаѣ не переводчика обвинашъ должно. Онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, какъ истинный поэтъ и превосходный писатель.

Плетневъ.

*

Н А У К И.

О ЗАНЯТІЯХЪ ОРАТОРА, ОКОНЧИВШАГО СВОЕ ПОПРИЩЕ.

(M. Fabii Quintiliani de Institutione Oratoria.

Lib. XII, 11.

Ораторъ воспользовался уже дарами своего краснорѣчія въ судахъ, совѣщахъ, народныхъ собраніяхъ, сенатѣ и въ каждой должности хорошаго гражданина. Ему надобно подумать объ окончаніи, доспойномъ лучшаго человѣка и священнаго его долга. Никто не смѣешь сказать, что довольно уже быть полезнымъ. Чѣмъ больше ума и способностей; тѣмъ долѣ прилично осмаваться на прекрасномъ поприщѣ. Но ораторъ долженъ остерегаться, чтобы не произвестъ чего нибудь

слабѣе прежняго. Онъ поддерживается не одними познаніями, которыя съ лѣтами увеличиваются, но голосомъ и пѣлесною крѣпостію. При измѣненіи, или уменьшеніи силы ихъ ошъ спаросши и болѣзней, надобно опасаться, чшобы не примѣнили недоспашковъ его, чшобы онъ не былъ принужденъ оспанавливаться ошъ ушадости, чшобы слова его не сдѣлались невнятными и чшобы самъ онъ не пожелалъ видѣть себя прежнимъ.

Я помню орашора, величайшаго изъ всѣхъ, какихъ полько случилось мнѣ знашь въ жизни, я помню Домиція Афра, когда онъ былъ въ глубокой спаросши. Съ каждымъ днемъ онъ шерялъ чшо нибудь изъ шого уваженія, которымъ прежде справедливо пользовался. Во время рѣчей сего чшловѣка, котораго признавали нѣкогда владыкою краснорѣчія, иные (безшшадное, по видимому, дѣло) смѣялись, иные краснѣли и говорили: *онѣ желаетѣ лучше упасть, нежели перестать*. Между шѣмъ онъ не былъ и шогда худымъ орашоромъ, а шолько слабѣе, нежели прежде. Чшобы не подвергнуться сему униженію,

неизбѣжному въ старости, пусть онъ полюбить уединеніе и приведетъ въ пристань корабль свой, еще не разбившійся.

Плоды его занятій и памъ будутъ пріятны. Онъ можетъ пригошьяшь по помству памятникъ своего времени, или, подобно Л. Крассу, занимаешь правилами судопроизводства, или соспавляшь науку краснорѣчія, или изъ сладостныхъ успъ своихъ изливашь лучшія наспавленія жизни. По древнему обыкновенію будутъ собираться въ домъ его благороднѣйшіе юноши и, будшо опъ оракула, ождашь опъ него объясненія таинствъ краснорѣчія. Подобно прародителю вишійства, онъ будетъ ихъ образоващелемъ; какъ опытный кормчій, онъ укажетъ имъ берега и пристань, признаки бури и способы управленія кораблемъ при вѣспрѣ прошивномъ и попушномъ: не одно, средное всѣмъ, челоувколюбие руководишь его будетъ, но нѣкошорая привязанность къ прежнему своему занятію. Никшо не желаетъ упадка шого искусства, въ кошоромъ онъ былъ славень. И не благороднѣ

ли всего учить другихъ тому, что знаешь совершенно?

Такъ Цицеронъ рассказываетъ, что Целій къ нему приведенъ былъ опцемъ своимъ. Такъ образовалъ онъ Пансу, Гирція, Долабеллу, подобно учителю каждый день разговаривая съ ними и ихъ выслушивая. Не знаю даже, не счастливѣйшее ли это время для оратора, когда онъ въ уединеніи становится безопаснымъ опъ зависпн, когда, успокоясь опъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, онъ чувствуетъ, что слава его ушвердилась, заживо наслаждается шѣмъ уваженіемъ, которое обыкновенно по смерти только приобретающъ, и видишь, чѣмъ онъ будетъ въ пошомствѣ?

Самъ я, по убѣжденію совѣсти, чувствую, что, излагая по возможности наибольшія свои прежнія познанія и приобретенныя въ продолженіе сего сочиненія, чистосердечно имѣлъ въ виду пользу читателей, если только захопятъ они принять мои наставленія. Для честнаго человека довольно уже, если онъ другихъ училъ тому, что самъ зналъ.

Между шѣмъ опасаюсь, чшобы не показаться мнѣ слишкомъ взыскашельнымъ, когда я желаю видѣшь въ орапорѣ соединеніе качествъ и добраго человѣка и ученаго насшавника въ краснорѣчіи, когда я за необходимое почишаю, чшобы онъ, сверхъ правилъ вишійшва и другихъ наукъ, преподаваемыхъ юношамъ, зналъ нравшвенную философію и гражданское право. Можешъ бышь, многіе почишуть эшо споль шруднымъ, что, не испышавъ силъ своихъ, опкажущся опъ сего поприща.

Но пусть они разсудяшть прежде, какая сила въ умѣ человѣческомъ. Онъ захошѣлъ: и прошелъ моря, позналъ число и шеченіе звѣздъ, измѣрилъ почти весь міръ. Хошя сіи науки маловажнѣе предлагаемой нами, но онъ шруднѣе. Пусть они подумающъ, что мы занимаемся самымъ лучшимъ предметомъ, для котораго никакой шрудъ не долженъ бышь шягосшнымъ! Понявши эшо, они легко увеѣряшся, что успѣхи на предлагаемомъ пути не шолько возможны, но даже и не шрудны.

Первое и главнѣйшее дѣло состоишь въ томъ, чшобы ораторъ былъ честный человекъ. Это зависишь отъ доброй воли. Съ нею легко обняшь всѣ науки, заключающія въ себѣ нравоученіе. Пришомъ же онѣ совсѣмъ не запруднительны и немногочисленны. Съ прилѣжаніемъ можно узнать ихъ въ нѣсколько лѣтъ. Одно отъращеніе представляешъ намъ какое нибудь дѣло продолжительнымъ. Для благонамѣреннаго человекъ наука честной и счастливой жизни коротка. Природа разположила насъ къ добру. Желаящимъ собственнаго исправленія шакъ легко успѣвашъ, что удивительно, отъ чего еще шакъ много порочныхъ людей. Какъ рыбамъ всего необходимѣе вода, пшшцамъ воздухъ, а живопнымъ вскормившая ихъ земля; шакъ намъ бы должна бышь пріятнѣе и удобнѣе жизнь, соопвѣпственная природѣ, нежели пршвивная ея внушеніямъ.

Для познанія другихъ предметовъ много оспаешся лѣтъ, хотя бы мы измѣряли вѣкъ свой шолько юностию и не включали въ него старости. Порядокъ,

благоразуміе и хорошіи способъ сокращающіи всякое ученіе. Первая вина часто падаетъ на учителей: они замедляютъ успѣхи дѣшей, иногда для продолженія собиравенной выгоды, иногда по честолюбію, желая представити въ труднѣйшемъ видѣ свою науку, а иногда отъ незнанія своего дѣла, или безопасности.

Вторая вина падаетъ на самихъ насъ. Мы за лучшее почитаемъ оспанавливаться долѣе на томъ, что знаемъ, нежели итти впередъ, къ чему, на примѣръ, служимъ, говоря о нашемъ способѣ ученія, что иные обыкновенно множество лѣтъ въ училищѣ приспособляюща къ публичному произношенію рѣчей (умалчиваю о тѣхъ, которые шрапятъ тамъ большую часть жизни) и сколько употребляютъ трудовъ на бесполезныя шонкости, хотя бы довольно было нѣкотораго времени для изученія правилъ краснорѣчія и способа судопроизводства?

Это замѣчаніе я дѣлаю не для того, что можно иногда пренебрегать навыкомъ произношенія; но не должно до старости только имѣть и занимать. Будучи

еще учениями, мы уже можем хорошо знать его правила и въ судахъ показывать опыты своего искусства, которое немногихъ пребудеть лѣшь. Каждая изъ наукъ, о которыхъ я упоминалъ, обыкновенно сокращается. Посему нѣтъ нужды въ безконечномъ изученіи. Остальное зависить отъ привычки, которая скоро укрѣпляетъ насъ.

Познаніе дѣлъ ежедневно увеличивается. Но сколько надобно перечитывать книгъ, чтобы заимствовать у историковъ примѣры подобныхъ случаевъ, а у ораторовъ способы изложенія! Необходимо также приобрѣтывать свѣдѣнія о разныхъ мнѣніяхъ философъ и другихъ писателей. Это все возможно. Мы сами сокращаемъ жизнь. Сколь мало мы учимся! Безпрестанно шрапимъ время то на пустыя поздравленія, то на бесполезные рассказы, то на театральныя зрѣлища, то на пиршества, на игры и глупое щегольство.

Сколько его похищаютъ еще у насъ путешествія, загородная жизнь, жажда приобрѣтенія богатствъ и разныхъ прихоти сладострастіи! Даже въ остающееся

послѣ сего время мы становимся неспособными къ наукамъ. Но если бы мы все его употребили на ученіе; то жизнь сдѣлалась бы долѣе. Мы бы увидѣли еще много свободнаго времени послѣ приобрѣтенія необходимыѣхъ для насъ познаній, разумѣя здѣсь одно дневное время; ночи, коихъ продолжительность для многихъ выше потребности успокоенія, также обратились бы въ нашу пользу. Теперь мы считаемъ годы жизни, а не ученія.

Многіе геометры, грамматики и другихъ наукъ любители, посвящали всю свою жизнь, сколько бы она ни была длинна, изученію одной науки. Изъ эпико не слѣдуетъ, что для насъ потребны многія жизни, когда мы хотимъ узнать нѣсколько наукъ. Они уже не учились въ старости, довольствуясь прежними своими приобрѣтеніями, и жизнь провели не въ ученіи, но въ ихъ наслажденіяхъ, копорыя доставляютъ науки. Не говоря объ Омерѣ, изъ сочиненій котораго видно, что онъ всѣ науки зналъ или совершенно, или очень хорошо; не говоря объ Элеѣ Гиппій, копорый не только приобрѣлъ

свѣдѣнія во всѣхъ свободныхъ наукахъ, но даже умѣлъ самъ пригошовлять для себя плащье, кольца, обувь и никогда не претребовалъ ни чьей помощи: Горгій, даже въ глубокой спаросши, позволялъ слуша-телямъ спрашивашь себя, о чемъ бы кто ни захотѣлъ.

Какаго познанія не доставало Платону, какъ ученому челоуѣку? Сколько вѣковъ учился Аристотель, когда онъ соединялъ въ себѣ свѣдѣнія не только фило-софовъ и ораторовъ, но и естествоис-пытателей? Намъ остаешся только учимся, а они должны были все изобре-ташь, или открывашь. Древность споль-ко намъ оставила правилъ и примѣровъ, что, по видимому, мы живемъ въ сча-сливѣйшемъ вѣкѣ, для образованія ко-шораго прудились предшествовавшіе.

Маркъ Катонъ-цензоръ, соединяя въ себѣ качества оратора, историка, право-вѣдца и искуснѣйшаго домоводца, не смо-тря на воинскія свои занятія и внутрен-нія смяшенія, въ грубыя времена, выучился въ спаросши своей по-гречески, чтообы доказашь другимъ, что можно

успѣшь во всемъ, даже въ преклонныя лѣта, ежели только захочешь. Какъ много и о чемъ не писалъ Варронъ? Чего не доставало въ краснорѣчїи М. Туллію? И что еще? Корнелій Цельсъ, человекъ посредственнаго ума, не только писалъ о всѣхъ сихъ наукахъ, но составилъ правила военнаго искусства, сельскаго хозяйства и врачебной науки. По одному намѣренію онъ достоинъ уже, чтобы мы его почитали, какъ человека съ обширнѣйшими познаніями.

Но, скажешь, трудно достигнуть до сего и никакъ еще не былъ совершеннымъ. Для возбужденія ревности къ наукамъ, прежде всего довольно скажешь, что неестественное дѣло, буди бы то невозможно, чего еще не видали: всему великому и удивительному предшесвуешь такое время, въ которое не знали ничего подобнаго. Сколько поэзія обязана своимъ блескомъ Омеру и Виргилію, столько же краснорѣчіе Демосѣну и Цицерону. Всего прекраснаго прежде не было.

Но хотя бы и опчаявался ктонибудь достигнуть послѣдней степеня со-

вершенства (впрочемъ, почему шакъ думать, когда ешь умъ, здоровье, дарованіе и насшавники?), пріятно даже (какъ говоришь Цицеронъ) заняты вшорое и шпретіе мѣсто. Если кшо въ воинской славы не можешь сравнишься съ Ахилломъ, а въ поэзіи съ Омеромъ, почему презираешь достоинство Аякса, или Діомеда и Тиршея.

При шакомъ разположеніи духа, когда никшо не надѣялся бы сравнишься съ превосходнымъ челоувкомъ, не было бы и шѣхъ, кощорые возбуждають наше соревнованіе. Не шолько не явились бы за Лукреціемъ Маркъ Виргилій, а за Крассомъ и Горпензіемъ Цицеронъ, но и никшо бы послѣ не вышелъ на это поприще.

Хотя бы не было надежды превзойти ихъ: еще большее достоинство слѣдовашъ за ними. Ужели Полліонъ и Мессала, явившіеся тогда, когда Цицеронъ держалъ уже пальму краснорѣчія въ рукахъ своихъ, мало приобрѣли уваженія ошъ современниковъ и славы ошъ потомковъ? Науки, доведенныя до своего совершенства, никакого не заслуживали бы ува-

женія, если бы непременно надобно было возвращаться опъ прекраснаго къ ничтожному.

Припомъ и посредственное краснорѣчіе доставляетъ выгоды. Судя по одной пользѣ, оно почти равняется съ самымъ высокимъ. Не трудно доказать примѣрами древнихъ и новыхъ, что они ему обязаны были почестями, богашствами, друзьями, славою при жизни и по смерти, если только можно, говоря о прекрасномъ занятіи, которое само собою доставляетъ высочайшее наслажденіе, приниматъ въ расчетъ ничтожную выгоду, подобно тѣмъ, которые становящся добродѣтельными, не по любви къ самой добродѣтели, но по удовольствію, соединенному съ нею.

И такъ полюбимъ сердечно самое краснорѣчіе! Безсмертные боги ничего лучше не послали человѣку. Безъ него все нѣмо, не озарено свѣтомъ настающаго, не оживлено воспоминаніемъ пощомства. Будемъ стремиться къ совершенству: тогда мы или спанемъ выше всѣхъ, или многихъ увидимъ ниже себя.

Прими, Марцелль Викторій, сіи замѣчанія, кошорыя, по моему мнѣнію, составляютъ начало къ высшему краснорѣчію! Можешь бышь, они не принесуть большой пользы юношесству, занимающемуся науками, но по крайней мѣрѣ подѣйствуютъ на образованіе ихъ нравственности, чего я желалъ гораздо болѣе.

П.

С М Ъ С Ь.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

I.

Баронъ Делавигъ, извѣстный типшателямъ нашимъ прекрасными своими спихопвореніями, приготовилъ на будущій годъ подарокъ любительницамъ и любителямъ словесности. Къ 31 числу нынѣшняго мѣсяца выйдетъ изъ печати и поступитъ въ продажу книга, подъ названіемъ: *Сѣверные Цѣтви*. Она принадлежитъ къ роду альманаховъ и содержитъ въ себѣ собраніе новыхъ произведеній, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, лучшихъ нашихъ писателей. Особенно участвовали въ ней: И. А. Крыловъ, Жуковскій, А. С. Пушкинъ, Гнѣдичъ, Князь Вяземскій, Воспоковъ, Ф. Н. Глинка, Баратынскій, И. И. Козловъ и проч. Всѣ экземпляры *Сѣверныхъ Цѣтвей* печатающся

на велевой бумагѣ въ 16 долю листа и украшены гравюрами. Изданіе сіе принялъ на себя книгопродавецъ, Коммиссіонеръ нашего Общества, И. В. Слѣнинъ. Желающіе получить сію книгу, казъ здѣшніе, такъ и иногородные, могутъ адресоваться въ его книжный магазинъ у Казанскаго моста въ домъ Кусовникова. Цѣна книги 10 рублей. За пересылку въ другіе города прилагается четверть руб. серебромъ.

II.

Второе Путешествіе Валюна во внутренность Африки чрезъ мысъ Доброй Надежды. Перев. съ французск. „Первое его путешествіе давно переведено на рускій языкъ. „Второе, будучи издано самимъ авторомъ гораздо послѣ, хотя совершенно было вскорѣ послѣ перваго, еще неизвѣстно на нашемъ языкѣ, не смотря на то, что по своему содержанию гораздо любопытнѣе перваго. Весьма трудный и опасный путь, предпринятый съ мыса Доброй Надежды подъ самый проливъ, описаніе страны намъ неизвѣстной и дикихъ ордъ ея населяющихъ. описаніе различныхъ животныхъ, доселѣ намъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ, или о кошорыхъ мы имѣли ложное, либо недостопаочное понятіе, будутъ всегда занимательны для любителей новыхъ открытій, и особенно для лю-

„бишелей естественной исторіи. При всемъ „шомъ оба путешествія имѣюшъ, такъ ска- „зашъ, неразрывную между собою связь, и впо- „рое во многихъ мѣстахъ служишъ какъ бы „дополненіемъ первому. Если автору встрѣ- „чались подобные случаи въ обоихъ путе- „шествіяхъ; то онъ, или крашко описавъ ихъ, „или только упомянувъ въ первомъ, подробно „говоришъ о нихъ во второмъ.“ Вотъ, что между прочимъ сказано о сей книгѣ перевод- чикомъ въ его предисловіи. Вальанъ сполько извѣстенъ въ ученомъ свѣтѣ необыкновенно искуснымъ изложеніемъ наблюдений своихъ во время долговременныхъ его путешествій, что нѣтъ нужды говоришъ о достоинствѣ новой его книги. Мы только должны радовашся, что подобныя сочиненія переводятся на рус- кой языкъ. Надобно признаться, что пере- водъ большаго, ученаго и вмѣстѣ пріятнаго шворенія пребуешъ особеннаго штруда, позна- ній и вкуса. Переводчикъ сей книги заслужи- ваешъ благодарность публики. Онъ сохранилъ въ изданной имъ книгѣ легкость, правиль- ность и пріятность языка. Изданіе опи- чаетя исправностию и красотію печати. Все путешествие содержишъ въ себѣ три то- ма. Въ продажу поступили первые два: въ одномъ 246 страницъ, а въ другомъ 296. Тре- тій выйдешъ въ непродолжительномъ време-

ни. Книга сія продается въ Военнопопографическомъ отдѣленіи Главнаго Штаба и въ книжномъ магазинѣ И. В. Слѣнина. Цѣна за всѣ при пома, при коихъ прилагается географическая карта путешествія, 15 рублей.

III.

Читателямъ Соревнователя П. и Б. извѣстно уже (№ X, 106 стран. 1824.), что въ Харьковѣ выходитъ періодическое изданіе, подъ названіемъ *Украинскій Журналъ*. Мы сообщили свое мнѣніе о семъ изданіи, о достоинствахъ помѣщаемыхъ въ немъ сочиненій и представили краткое обзорніе первыхъ его четырнадцати книжекъ. Не выпуская изъ виду сего журнала, полезнаго въ общемъ отношеніи къ просвѣщенію, и особенно необходимаго для Украины, долгомъ почитаемъ извѣстить нашихъ читателей о небольшихъ перемѣнахъ, которыя послѣдуютъ на будущій 1825 годъ въ разсужденіи *Украинскаго Журнала*.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Харьковскій Университетъ, находя затрудненіе заниматься всѣмъ, что только къ изданію Украинскаго Журнала относится, поручилъ Редактору онаго Адъюнкту А. В. Склабовскому и самое изданіе его журнала.

Издашеть прибавишь къ шѣмъ спашьямъ, которыя прежде уже входили въ журналъ сей, слѣдующее: 1) Полипическія извѣстія, съ присокупленіемъ иногда замѣчаній о модахъ Парижскихъ, С пепербургскихъ и Харьковскихъ, и 2) Крашкое обозрѣніе выходящихъ въ Росіи журналовъ современныхъ.

Въ печеніе каждаго мѣсяца будетъ выходить по двѣ книжки. Но какъ по числу имѣющихъ прибавишь спашей издашеть почипашеть нужнымъ прибавишь для каждой книжки и лишній печатный листъ, а иногда болѣе, въ сравненіи съ книжками сего журнала за 1824 годъ; по сему и цѣна за годовое издашіе, ш. е. за 24 книжки полагаешья въ Харьковѣ 25 руб., а съ пересылкою въ другіе города 30 руб.

Особы, коимъ угодно будетъ получашья *Украинскій Журналъ на 1825 годъ*, имѣющъ съ шребованіями своими опносишься къ Издашелю *Александрѣ Василевичѣ Склабовскому*, или въ правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского Университета, прописывая подробно и лясшвенно свое мѣстошребываніе, чинъ, имя опечештво и фамилію.

IV.

Желая знакомишь любипелей просвѣщенія со всѣми новыми произведеніями опечеш-

ственной Литературы и художествъ, ниже-
подписавшійся рѣшился издавать съ наслу-
щающаго года

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ ЛИСТЫ.

Главное назначеніе сихъ листовъ (состо-
итъ въ томъ, чтобы сообщать полныя за-
главія новыхъ книгъ, на разныхъ языкахъ въ
Россіи издаваемыхъ, и предлагать краткое
изложеніе ихъ содержанія. По мѣрѣ возмож-
ности къ сему присовокупляемы будутъ и су-
жденія о достоинствѣ ученыхъ произведеній.

На новыя Географическія карты, планы
и картыны также обращается вниманіе. Изъ музыкальныхъ сочиненій до свѣдѣ-
нія публики будутъ доводимы только тѣ, ко-
торыя печатаемы въ Россіи, съ означеніемъ
на оныхъ года изданія.

По части иностранной Литературы пред-
лагаются извѣстія только о важнѣйшихъ пред-
метахъ, особливо же о такихъ, которые от-
носятся непосредственно къ Россіи.

Равномѣрно въ составъ сихъ листовъ
входятъ будутъ:

Краткія извѣстія объ ученыхъ об-
ществахъ или заведеніяхъ.

Извѣстія о жизни и кончинѣ лицъ,
содѣйствовавшихъ успѣхамъ про-
свѣщенія.

Увѣдомленія о новыхъ открытіяхъ по часпи наукъ и художествъ, особенно же по предмету Исторіи и Филологіи.

Кращія объявленія по часпи книжной торговли.

Имена и жительства лицъ, желающихъ имѣть учители, или учениковъ и. п. п.

Годичное изданіе окончится всеобщимъ систематическимъ обзоріемъ напечатанныхъ въ продолженіе года книгъ.

Каждый мѣсяць будетъ выходитьъ отъ 2 до 4 номеровъ, смотря по количеству предсказывающихся матеріаловъ; каждый же Но будетъ состоять изъ одного листа въ 4.

Въ случаѣ смерти, болѣзни, или выѣзда изъ С. Пешербурга издашеля сихъ листовъ, продолженіе оныхъ, до окончанія года, принимаетъ на себя извѣстный Литераторъ *Александръ Христофоровичъ Востоковъ*.

Хотя издашеля имѣетъ способы пользоваться всеми новыми книгами и журналами, не менѣ того однако же приглашаетъ Гг. Сочинителей, Переводчиковъ и Книгопродавцевъ сообщать ему по экземпляру печатаемыхъ ими книгъ, картъ и пр., которыя они могутъ получать обратно чрезъ мѣсяць со дня присылки.

Во избѣжаніе могущихъ встрѣпиться не-
пріятностей, издатель не обязываетъ
ся отвѣчать за шѣ книги, за которы-
ми до истеченія другаго мѣсяца не бу-
детъ присламо.

Основательныя, но сколько можно краш-
кія сужденія о книгахъ съ удовольствіемъ бу-
дущь принимаемы для скорѣйшаго помѣщенія
въ семь изданіи, и каждый сочинитель оныхъ
имѣетъ право пребывать въ свою пользу до
десяти экземпляровъ шого номера, въ коемъ
помѣщена его кришика.

Таковыя требованія объявляются шощасъ
при доставленіи списъи.

Слишкомъ подробные и пространные раз-
боры большихъ сочиненій, неосновательныя
сужденія и кришики, содержащія неприлич-
ныя выраженія, не могутъ входить въ сос-
тавъ сего изданія.

Иногородные могутъ присылать свои
списъи на имя издашеля, который, не обяза-
ваясь входить съ ними въ переписку, въ слу-
чаѣ нужды будетъ припечатывать отъзывы
въ [сихъ же листъахъ. Желающіе предвари-
тельно извѣщать публику объ изгошовае-
мыхъ, и дѣйствительно уже начатыхъ ими
сочиненіяхъ, могутъ присылать крашкія о
шомъ записки для припечатанія.

Тѣ, кои пожелають, чѣобы о книгахъ
ихъ было объявляемо сколько можно скорѣе
по выходѣ оныхъ, могутъ доставлять и отъ-

дѣльныя части своихъ швореній, но не менѣе плати листовъ, и по пропущенныхъ Цензурою.

Цѣна годовому изданію съ доставленіемъ во всѣ мѣста Россіи:

на обыкновенной любской бумагѣ 15 руб.

на веленовой б. 20 —

полугодичному: на л. б. 10 —

Цѣна каждаго особаго номера безъ приложеній, 15 коп. сер.

Особы, живущія въ сей столицѣ далѣе четирыхъ верстъ отъ Казанскаго мосща, благоволять при подпискѣ указать какое либо мѣсто внутри города, ближе означеннаго разстоянія, куда доставлять слѣдующіе имъ листы.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ Л. Л. Свѣшникова, въ Госпиномъ дворѣ, по Невскому Проспекту подъ No 16.

Иногородныя особы могутъ оповѣститься въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Петръ Келленъ,
жив. въ большой Мѣщанской,
близъ Каменнаго мосща, въ
домѣ Кракова No 45.

! V.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Подъ симъ названіемъ въ слѣдующемъ 1885 году будетъ издаваться въ Москвѣ но-

вый Журналь иностранной и отечественной Литературы, Криптики, Наукъ и Художества.

Главнымъ предметомъ онаго будетъ: сообщеніе отечественной Публикѣ всего, что только любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ Журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ Европейскихъ Ученыхъ и Писателей, также всѣхъ новыхъ опытовъ и открытій ума человеческого въ Наукахъ, Искусствахъ и нравственномъ мірѣ. Но, чтобы Телеграфъ, оправдывая свое названіе, *взаимно передавалъ изящное и полезное*, въ немъ помѣщаются будутъ статьи касательно Руской Исторіи, Статистики, древней словесности, криптическаго обозрѣнія нынѣшней Руской Литературы, и вообще все, что покажетъ иностранцамъ Россію въ истинномъ ея видѣ.

Изъ сего можно видѣть, что статьи въ Телеграфѣ должны быть разнообразны, но вообще содержаніе ихъ будетъ относиться къ слѣдующимъ предметамъ:

I. Иностранная Словесность.

Переводы во всѣхъ родахъ прозы изящной: повѣсти, сказки, апологи, разговоры, описанія, отрывки изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій и Журналовъ.

II. Отечественная Словесность.

Новѣйшія произведенія Рускихъ Писателей въ стихахъ и прозѣ. Многіе извѣстные

Рускіе Поэты и Прозаики обѣщали Изда-
телю украсить Телеграфъ своими сочиненіями
и переводами.

III. Науки и Искусства.

Историческія и Археологическія изслѣ-
дованія о нравахъ, обычаяхъ, памянникахъ
всѣхъ народовъ, и особенно народовъ Славян-
скихъ, Сѣверныхъ и Азіатскихъ, относитель-
но къ Россіи: ихъ языкахъ, памянникахъ,
Лѣтописяхъ — извлеченія и переводы изъ пи-
сателей Греческихъ, Скандинавскихъ, Во-
сточныхъ, Славянскихъ и вообще изъ сочи-
неній, признанныхъ классическими и въ Рос-
сіи мало извѣстныхъ.

Географическія и Статистическія извѣ-
стія о Россіи и описанія различныхъ много-
численныхъ ея обитателей — лучшія статьи
изъ ученыхъ иностранныхъ Журналовъ — но-
выя любопытныя путешествія по всѣмъ ча-
стямъ свѣта,

Сочиненія и переводы касательно Эсте-
тики и Теоріи Изящныхъ искусствъ.

Крипическія изслѣдованія, относящіяся
къ Руской Исторіи, Археологіи, Палеографіи
— выписки изъ древнихъ Рускихъ сочиненій
— Граматы — старинныя пѣсни.

Непремѣнными статьями Телеграфа бу-
дутъ:

1. *Критическое обозрѣніе Литературы
Руской Исторіи.*

я. Критическое обозрѣніе сочиненій, писанныхъ иностранцами о Россіи.]

IV. Критика и Библиографія.

Библиографическія извѣстія о всѣхъ книгахъ и Журналахъ, въ Россіи выходящихъ.

Кришической разборъ новыхъ Рускихъ сочиненій и переводовъ по часпи Изыщной Словесности, Испоріи, Географіи и Статистики. Кромъ того, будутъ разсматриваемы Географическія карты, разные рисунки и музыкальныя произведенія.

Извѣстія о новыхъ иностранныхъ книгахъ и разборъ замѣчательныхъ произвденій Словесности Французской, Нѣмецкой, Англійской и Италіанской.

V. Извѣстія и Слѣсы.

Новѣйшія любопытныя открытія и изобрѣшенія — Археологическія и Историческія находки — Біографіи [современниковъ — отечественныя извѣстія — новыя произведенія Художествъ — выставки, засѣданія и задачи Рускихъ и иностранныхъ Академій и Ученыхъ Обществъ.

При каждой книгѣ будетъ отдѣльное прибавленіе, особенно посвящаемое *читателямъ Телеграфа*: здѣсь найдутъ онѣ большія сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ, новости не-политическія, описанія старинныхъ и нынѣшнихъ нравовъ и обыча-

евъ, Московскія записки, извѣстія объ иностраннѣхъ театрахъ, концерпахъ и описанія новыхъ модъ *съ картинкою*, хорошо гравированною и оплично разкрашенной.

Кромѣ сихъ карпинокъ, по временамъ прилагаются будущъ къ Телеграфу порпшепы, чершежи, снимки съ почерковъ (*fac simile*) знаменитыхъ людей, ношы и шаблицы.

Издашель Телеграфа выписываетъ всѣ лучшіе иностранные Журналы и газетпы; каждое замѣчательное сочиненіе также будетъ немедленно выписываться. Кому угодно помѣщать въ Телеграфъ свои сочиненія и переводы, могутъ присылать оныя съ надписью на пакетѣ: *Издателю Московскаго Телеграфа, въ Москвѣ, въ Университетской книжчой лавкѣ.*

Телеграфъ будетъ печашаться хорошими липерами, на бѣлой бумагѣ и выводитъ книжками черезъ двѣ недѣли: въ началѣ и половинѣ каждаго мѣсяца выйдеть книжка, состоящая изъ *пяти* печатныхъ листовъ или 80 страницъ, иногда болѣе и менѣе; *двадцать четыре* книжки или *шесть частей* сославяють годовое изданіе.

Цѣна за 24 книжки съ 24 рисунками модъ и другими карпинками и нопами здѣсь въ Москвѣ 35 рублей, съ пересылкою во всѣ другіе города 40 рублей ассигнац.

Подписка принимается: въ Москвѣ, у
 Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Мос-
 ковскаго Университета Александра Сергѣев.
 Ширлева, въ Университетской книжной лавкѣ;
 въ Санктпетербургѣ, у Коммиссіонера ИМПЕ-
 РАТОРСКОЙ Россійской Академіи Александр-
 ра Филипов. Смирдина въ библиотекѣ тѣнѣ,
 у Синяго моста, и въ книжномъ магазинѣ
 Ивана Василев. Слѣнина. Иногородныя Осо-
 бы благоволятъ адресоваться для полученія
 Телеграфа къ означеннымъ книгопродавцамъ.

Николай Полевой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

Н А У К И

	строк.
1. Обь измѣненіи поверхности земнаго шара - - - - -	3.
2. Нѣчто о нравственной философіи -	20.
3. О Скиѣахъ - - - - -	113.
4. О занятіяхъ оратора, окончившаго свое поприще - - - - -	308.

Л И Т Е Р А Т У Р А

П Р О З А

5. Илія Копіевичъ - - - - -	44.
6. Парижъ въ разные часы - - - - -	53.
7. Описаніе Карпатскихъ горъ - - - - -	182.
8. Юніо и Теана - - - - -	198.
9. Лакейскіе нравы - - - - -	208.
10. Эпикуръ въ гостяхъ у Леонціи - - - - -	225.
11. О дружбѣ - - - - -	235.
12. Ошрывки изъ Путешествія - - - - -	249.

П О Э З І Я

13. Выкупъ Оссіана - - - - -	63.
14. Элегія - - - - -	217.

К Р И Т И К А

15. Орлеанская дѣва. - - - - -	261.
--------------------------------	------

С М Ъ С Б

16. Лекціи физико-химическаго курса г. Академика Шерера - - - - -	73.
17. Летописи Общества - - - - -	103.
18. Вѣздъ на Украинскій Журналь - - - - -	106.
19. Объявленія - - - - -	112, 220 и 322.

